ЗАПИСКИ

ИВАНА ГОЛОВИНА.

Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока
И не бери и не проси наградъ.
Радостноль сіяетъ багряница
Ужасенъ ли произволъ судьбины
Невиненъ будь какъ голубица
Гордъ и отваженъ какъ орелъ

Языковъ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1859.

„Пров 49“ 66

787
30

ЗАПИСКИ ИВАНА ГОЛОВИНА.

I.

Я не полагаю, чтобы человѣкъ, который ничего не сдѣлалъ особеннаго имѣлъ право издавать свои записки и занимать публику вещами обыкновенными; но авторъ пользуется привилегіею писать обо всемъ. У насъ есть записки докторовъ, лакеевъ, собачекъ, попугаевъ, генераловъ, поповъ, крестьянъ и особенно самихъ писателей. Французы отличаются въ историческихъ и вымышленныхъ мемуарахъ; Англичане полагаютъ, что біографіи самое любопытное изъ чтеній. Возлѣ событій, которыхъ разсказъ бываетъ болѣе или менѣе увлекателенъ, по мѣрѣ ихъ громадности или чрезвычайности, есть исторія сердца и ума, а — vivere est cogitare; — разсказъ потаенныхъ чувствъ, тренія мыслей не безъ интереса для всякаго мыслящаго читателя. Вотъ что даетъ право всякому и каждому издавать свои записки.

Исповѣди Жанъ Жака Руссо отличаются можетъ быть безстыдствомъ болѣе нежели откровенностію. Шатобріанъ влюбленъ въ себя, и въ Загробныхъ своихъ Запискахъ, а Гизо сдѣлалъ изъ своего жизнеописанія Исторію своего времени. Гёте не могъ не прибавить небылицы къ былямъ (Wahrheit und Dichtung), и самый Меми Веронъ сдѣлалъ изъ своихъ записокъ, разсказъ своего класса, въ Mémoires d'un Bourgeois de Paris.

II.

Никому до того дѣла нѣтъ, что я родился 9го Сентября 1816го года, да если бъ я имѣлъ выборъ, то вѣрно пришелъ бы въ свѣтъ въ другой вѣкъ и въ другой землѣ. Я былъ бы чѣмъ нибудь, если родился бы въ Англіи, да и вѣроятно еслибъ родился въ Германіи, то никогда не эмигривовалъ бы. Но сколько милйоновъ людей положили кости свои преждевременно, не для удобренія Русской земли, а для увеличенія оной; сколько другихъ окончили жизнь свою въ Сибири или на Кавказѣ, въ ссылкѣ! Слѣдовательно пѣнять не надо, а надо сличать свое положеніе съ тѣми, которымъ не даны тѣже преимущества состоянія или способности, и утѣшать себя этимъ хоть и эгоистическимъ разсужденіемъ.

Я встрѣтилъ въ жизни только двухъ человѣкъ родившихся со мною въ одномъ году: Скрипицина, который былъ со мною студен-

томъ въ Дерптѣ, и Александра Бенедиктовича Голынскаго, моего двадцатилѣтняго друга, и друга примѣрнаго, ибо онъ никогда во мнѣ не сомнѣвался и имѣетъ за правило, что дружба сохраняется только взаимною и образцовою учтивостію.

Я сказалъ, что я бы вѣрно избралъ другое время, чтобъ начать жизнь, еслибъ это отъ меня зависѣло; бури Наполеона отгремѣли, за нимъ долженъ былъ послѣдовать тридцатилѣтный миръ, только нарушаемый революціями имѣвшими цѣлію исправленіе ошибокъ Вѣнскаго конгресса, да войнами Россіи, которыя ничего не прибавили къ ея просвѣщенію, а много отняли отъ любви, которой она пользовалась въ Европѣ, въ 1813 году.

Я родился въ Тверской Губерніи, въ Старицкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Архангельскомъ. Оно называлось Архангельскимъ по ангелу отца моего Гаврилы, а сельцомъ, потому что церковь находилась въ селѣ Иванишахъ, въ трехъ верстахъ. Я родился одинъ въ новомъ домѣ, въ каменномъ, а всѣ мои братья въ старомъ деревянномъ, въ саду, который былъ срытъ, а на мѣстѣ его поставленъ столбъ на воспоминаніе.

У меня было шесть братьевъ, и я былъ седьмой сынъ. Сестра наша умерла ребенкомъ,

объ чемъ я всегда сожалѣлъ, ибо семейство безъ сестры точно корпусъ или полкъ.

Мнѣ было два мѣсяца, когда отецъ нашъ умеръ, предсказавъ, что я не буду счастливъ безъ него, и въ Гаванѣ нашелся журналъ, который меня назвалъ Русскимъ Эдипомъ, но я не слѣпъ, и у меня нѣтъ Антигоны.

Старшій братъ мой восьмнадцатью годами старше меня, а второй семьнадцатью. Они оба были въ службѣ въ Конной Гвардіи, въ 1815 году, и юнкерами дѣлали походъ, а въ 1818 были произведены въ офицеры.

Перваго прозвали Тимофеемъ по довольно странному случаю. У первой жены нашего отца всѣ дѣти умирали, а народное преданіе говоритъ, что, въ такихъ случаяхъ, надо прозвать слѣдующее дитя по имени перваго встрѣчнаго. Слѣдовательно когда родился сынъ отъ второй жены, отецъ послалъ человѣка на большую дорогу узнать о имени проходящаго мужика. Его звали Тимофеемъ; Тимофеемъ и прозвали нашего старшаго брата, и нѣтъ сомнѣнія, — я говорю иронически — что этому предразсудку мы всѣ обязаны счастіемъ быть въ живыхъ.

Нравы послѣ войнъ съ Наполеономъ были весьма воинственные между офицерами, и братья мои не разъ, повздоря на дрожкахъ, выбѣгали

въ сѣни свои и принимались за палаши или шпаги, которые будучи тупы, упражняли ихъ въ рапировкѣ, охолодняли ихъ гнѣвъ, не принося имъ никакого вреда. У нихъ былъ отличный рысакъ, который не разъ увозилъ ихъ отъ гнѣва Государя Александра Павловича, когда шляпы ихъ были надѣты не по формѣ.

III.

Предметы окружающіе человѣка въ молодости опредѣляютъ его характеръ. Деревенская жизнь наилучшая для мальчика принадлежащаго, что мы называемъ въ френологіи, къ военному типу. Она вообще сбираетъ запасъ здоровья даже для ума — еслибъ только не было зрѣлища отвратительнаго рабства. Я теперь еще помню какъ пороли человѣка Данилу, за то что онъ промоталъ въ Твери деньги вырученныя имъ за продажу сыра. Чтобъ пощадить его самолюбіе, наказаніе происходило à huit clos, т. е. передъ окошкомъ гдѣ я сидѣлъ. Все что меня поразило было бѣлизна его кожи; я не понималъ какъ можно бить такую бѣлую кожу, что же до проступка его, такъ какъ я ѣлъ все что мнѣ попадалось или нравилось, то я не постигалъ отъ чего и Данилѣ, который былъ сынъ нашего писаря, нельзя было того же дѣлать. Я чувствовалъ, что я

бы также промоталъ деньги, за которыми послала бы матушка и что она на меня не разсердилась бы.

У насъ былъ садъ какихъ мало, ибо продавалось однихъ яблоковъ на 3000 р., а персиковъ росло болѣе нежели вся губернія могла скупить. Мы ѣли плодовъ слишкомъ много во всѣхъ видахъ; ибо Американскіе зубные врачи утверждаютъ, что ничто не портитъ зубы такъ какъ кислота плодовъ и сахара.

Въ одномъ пруду были караси, а въ другомъ всякаго рода рыба; щуки ѣли ихъ всѣхъ кромѣ стерлядей, которыхъ спинная кость спасала отъ разорительнаго ихъ зуба; за то наилучшія стерляди береглись для пріѣзда Архіерея.

Въ саду стояли шесть липъ сросшихся вмѣстѣ и которыя посадила прапрабабушка; люди удивлялись зачѣмъ я имъ не удивлялся, какъ будто nil mirari былъ мой девизъ. И въ самомъ дѣлѣ, я былъ на Фуркѣ и на Молезонѣ, куда никто не ходитъ, и нашелъ, что видъ не вознаграждаетъ за трудъ взлѣзать на эти горы. По берегамъ Рейна, я ходилъ пѣшкомъ и не ахалъ отъ удивленія. Самый Ніагара не превзошелъ моихъ ожиданій; одна „Корнишъ“, или Rivera di Genoa, меня поработила. Въ деревнѣ я любилъ аллею липъ болѣе сросшихся

липъ, потому что въ ней было больше тѣни и я могъ тамъ бѣгать.

Я росъ одинъ, потому то и говорятъ, что я вышелъ какимъ-то медвѣдемъ; но люди склонные къ меланхоліи бываютъ подъ часъ и веселѣе другихъ, какъ будто они вознаграждаютъ себя за минуты скуки. Въ Дерптѣ, гимназистомъ, въ Берлинѣ студентомъ, въ лунную ночь, я бывало ходилъ въ задумчивости, т. е. ни объ чемъ не думалъ, какъ будто кто нибудь другой за меня думалъ, какъ будто невидимая сила двигала меня впередъ. О это были самыя счастливыя минуты моей жизни, объ которыхъ я до сихъ поръ не могу себѣ отдать отчета. Внутри моего сердца было томленіе, я возвращался домой утомленный, не ходьбою, а этимъ внутреннимъ процессомъ, гдѣ я какъ будто молча говорилъ съ Высшимъ. Физіологи и мистики могутъ объяснить это каждый по своему. Въ Дерптѣ, у меня былъ пріятель Бикъ, математикъ, гораздо старѣе меня, ибо онъ уже дѣйствительнымъ студентомъ вышелъ изъ московскаго Университета, и приготовлялся къ кандидатскому экзамену. Онъ бывало заходилъ за мною послѣ обѣда, и мы выходили вмѣстѣ, гуляли часъ другой, не говоря ни слова; намъ нѣчего было говорить, ибо мы все знали другъ объ другѣ. Мы удивлялись

нашимъ молчнымъ прогулкамъ. Мы заняты были каждый своимъ предметомъ и находили, что обдумывали ихъ лучше блуждая молча и дружно. Но это было совсѣмъ другое нежели минуты, объ которыхъ я говорилъ прежде; тутъ я ничего не думалъ.

Учителемъ моимъ читать и писать былъ старый дьяконъ, который обморозилъ себѣ пальцы, и проводилъ перо въ коженный поясъ покрывавшій его кулакъ. Можетъ быть оттого-то у меня такой почеркъ, который одни наборщики любятъ, а который министры терпѣть не могутъ. Указки были у моего учителя прекрасивыя, и я помню, что я больше смотрѣлъ на нихъ нежели на буквы, которыя ими указывали.

Ариѳметики училъ меня домашній бухгальтеръ. Когда пріѣхалъ братъ Ѳеодоръ только что вышедшій изъ пансіона въ Петербургѣ, онъ нашелъ, что я плохо считаю и выдралъ мнѣ уши. Я посмотрѣлъ на него пристально, и помню какъ теперь, что на немъ былъ оливковый сюртукъ и картузъ. Я не понялъ, что онъ зналъ больше меня. Тутъ въ первый разъ я съ нимъ познакомился.

Старшіе братья ходили на охоту, ружья валялись вездѣ. Я смѣкнулъ, что коли взвести курокъ, да тронуть язычекъ, то выдетъ искра.

Вотъ разъ я и взведи обоими ручонками курокъ у ружья, который лежалъ на лавкѣ. Щёлкъ, а вышелъ хлопъ! Комната наполнилась дымомъ, а ружье тутъ какъ тутъ, не ушло. Человѣкъ чистившій платье и не сказалъ мнѣ, что оно было заряжено. Я было перетрусилъ и понялъ, что дѣло плохо, но какъ будто ни въ чемъ не бывало, пошелъ въ садъ. — Кто тамъ выстрѣлилъ изъ ружья? меня спрашиваютъ. Будучи рожденъ дипломатомъ, я не помню на кого свалилъ вину. Но дѣло объяснилось; зарядъ пробилъ стѣну.

— Вѣдь ты бы могъ убить человѣка, еслибъ кто сидѣлъ въ кабинетѣ возлѣ. Меня добраго молодца сѣчь; братъ Тимофей сѣкъ не больно, но Александръ сталъ показывать свое умѣніе. Взошла маменька, приказала меня бросить. — Васъ, сказала она, дураковъ, а не его надо сѣчь, зачѣмъ вы заряженныя ружья не запираете, извѣстно что дѣло ребенка играть всѣмъ. — Мнѣ эти слова показались Соломоновымъ изрѣченіемъ, я съ этого дни любилъ матушку болѣе братьевъ.

Съ братомъ Александромъ былъ цѣлый романъ по службѣ. Его произвелъ Константинъ Павловичъ, шефъ Конной Гвардіи, въ офицеры за отличіе въ верховой ѣздѣ. Съ командиромъ полка, при которомъ онъ состоялъ

полковымъ адьютантомъ, Генераломъ Арсеньевымъ, онъ откалывалъ не одну продѣлку. Разъ не доставало офицера при разводѣ, онъ его взялъ съ главнаго караула. Пошли розыски.

— Да кто взялъ офицера съ главнаго караула? спрашиваетъ Арсеньевъ. — Я, Ваше Превосходительство, отвѣчаетъ братъ. — Ну, такъ вы и невиноваты! Въ Москвѣ, въ 1818 г., онъ проигралъ свою лошадь въ карты и выѣхалъ на парадъ на необъѣзженной лошади. Та, при слухѣ музыки, понесла, да съ сѣдокомъ и упала. Послѣ парада, Государь благодаритъ полки; а Волконской ему докладываетъ, что въ Конной Гвардіи офицеръ упалъ съ лошади. — Перевести его въ пѣхоту. — И добраго молодца назначаютъ въ Преображенскій полкъ. Онъ же по начальству отвѣчаетъ, что такъ какъ былъ произведенъ въ офицеры за отличную верховую ѣзду, то не можетъ быть переведенъ въ пѣхоту за дурную ѣзду. — Коли такъ, такъ въ Бородинскій армейскій полкъ. И въ Бородинскій армейскій полкъ его назначаютъ, но Цесаревичъ ему говоритъ:

— Меня переводятъ въ Варшаву, просись ко мнѣ, и пѣхотинецъ очучается корнетомъ Цесаревича Уланскаго полка. На разводѣ под-

ходитъ къ нему Жандръ во фракѣ, и спрашиваетъ какъ ему нравятся польскія войска? Братъ, принимая его за какаго нибудь лазутчика, ничего не отвѣчаетъ. Жандръ, который находился во фракѣ только по какимъ-то злоупотребленіямъ, въ 1812 г., возразилъ, что его прислалъ съ этимъ вопросомъ Великій Князь. Братъ извиняется и говоритъ, что онъ въ восхищеніи. Съ этого времени Жандръ его преслѣдуетъ, а Константинъ Павловичъ покровительствуетъ. Какъ-то Е. В. скажи офицерамъ: „Вы берите примѣръ съ Головина, онъ одѣтъ какъ куколка.“ Жандръ, послѣ смотра, подходитъ къ брату и говоритъ:

— Его Высочество сказали, что вы одѣты какъ куколка. Позвольте посмотрѣть, что у васъ особеннаго? Да наглядѣвшись спереди, заходитъ ему взадъ.

— Я, Генералъ, не двуличенъ, отвѣчаетъ ему братъ.

Пріѣзжаетъ въ Варшаву Государь. Брату идти въ караулъ, а назначаютъ на мѣсто его Матвѣева. Не тотъ мальчикъ, чтобъ дать себя въ обиду, Александръ является въ полной формѣ. Пошла кутерма и Жандръ турусы на колесахъ наговорилъ Цесаревичу. Константинъ Павловичъ подлетаетъ въ гнѣвѣ и пошелъ бранить, и пошелъ. Братъ держитъ руку къ

козырьку, покуда буря пройдетъ. Остановился Великій Князь и пѣна во рту.

— Позвольте доложить.

— Говорите, говорите! и пѣна еще пуще.

— Сегодня моя очередь въ караулъ, а назначили на мѣсто меня другаго. Такъ я и пришелъ узнать отъ Вашего Высочества, если вамъ моя служба не угодна, куда прикажете назначить?

— Жандръ! Жандръ! Кого очередь въ караулъ?

— Головина.

— Зачѣмъ же ты назначилъ другаго?

— Я полагалъ, что Матвѣевъ пройдетъ лучше.

— Пустое, я тебѣ докажу противное. Станьте Головинъ на ваше мѣсто.

— Когда братъ салютировалъ Государю, Константинъ Павловичъ подбѣжалъ доложить:

— Семь лѣтъ корнетомъ, отличный офицеръ.

— Поздравляю поручикомъ, сказалъ Государь.

На другой день, въ приказѣ значилось: За отличіе по службѣ изъ корнетовъ производится Головинъ II. въ поручики.“

Бывало, на ученьи, Цесаревичъ отдастъ команду что на листѣ не написать. Всѣ офи-

церы путались и шли подъ арестъ. Приходитъ череда брата, адьютантъ принесъ команду; братъ запомнилъ только начало да конецъ, а въ промѣжуткахъ кружилъ взводъ по своему. Воротясь на свое мѣсто, думаетъ: вотъ-то бѣда будетъ. Въ самомъ дѣлѣ кричитъ Великій Князь, но совсѣмъ не то: „Разцѣловать, безподобно, разцѣловать!“

Дуэли были тогда въ модѣ; Поляки въ полку неладили съ Русскими. Какой-то баринъ Курнатовскій пожаловался на брата; дошло до Великаго Князя. — Въ чемъ же дѣло? сказалъ онъ. Если у Головина нѣтъ секунданта, я буду его секундантомъ. Но производство было тяжелое, братъ вышелъ въ отставку, и еще по смерти Константина Павловича, Михаилъ Павловичъ сказалъ моему брату Ѳсодору: Чтобы уговорить твоего брата, который былъ въ Варшавѣ поступить въ службу?

— Онъ ужь обрюзгъ, Ваше Высочество, и обжился въ деревнѣ, отвѣчалъ Ѳеодоръ.

Съ братомъ Тимофеемъ былъ романъ совсѣмъ другаго рода. Онъ женился въ Москвѣ, какъ говорили, молодцомъ. Танцуя въ первый разъ на балу съ Комисаровой сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Она уже была помолвлена за другаго, и бабушка ея Гончарова никогда ей это не простила, хотя сама невольно

была тому виною: Воротясь изъ Петербурга, высчитывала она своей внучкѣ тамошнихъ женіховъ и называя брата сказала:

— Ну онъ-то тебя не захочетъ. Когда же случилось что онъ-то и захотѣлъ, то она не могла въ этомъ случаѣ не видѣть обѣтъ счастія, которое и сбылось. Гончаровой дочь вышла за Голынскаго и братъ началъ съ нимъ процессъ, который длился двѣнадцать лѣтъ и объ которомъ онъ всѣмъ жужжалъ уши. — Дневной грабежъ! — Марковъ объявилъ что Статсъ-Секретарь Кикинъ взялъ взятку — только и слышалось. Просьбы о мощномъ соперникѣ имѣющемъ двадцать двѣ тысячи душъ писались профессоромъ реторики Толмачевымъ, поправлялись Сперанскимъ, возились къ Аракчѣеву, а случай захотѣлъ, чтобъ сынъ того же Голынскаго сдѣлался за границей моимъ лучшимъ пріятелемъ.

IV.

Въ одно прекрасное утро 1823го года, братъ Тимофей пріѣхалъ изъ Калужской губерніи и возвѣстилъ, что онъ меня повезетъ въ Петербургъ, въ пансіонъ. Матушка хоть и привыкла разставаться съ дѣтьми, но меня, какъ послѣдняго сына, оплакала теплыми слезами. Мнѣ тогда было почти семь лѣтъ и все что мнѣ осталось въ памяти отъ путешествія, это то что мнѣ казалось странно, что коляска безпрестанно сворачивала съ дороги, чтобъ ѣхать по полю. Я видѣлъ, что недорога была лучше дороги, но за чѣмъ же тогда имѣть дороги? Шоссе еще тогда не было, а въ Волдаѣ колокольчики да баранки остались мнѣ памятны, особенно вторые, потому что мнѣ дали ихъ нѣсколько связокъ.

Въ Петербургѣ мы остановились въ трактирѣ, кажется въ Гороховой. Братъ былъ занятъ покупкою табакерокъ, которыхъ у него было огромное множество, поѣздками въ Опекунскій совѣтъ, отъ куда онъ привозилъ о-

громныя пачки денегъ, вѣрно заклыдывая имѣніе, да визитами по процессу, а я все сидѣлъ дома, и отъ скуки не зналъ что дѣлать. Какъ-то стоя на балконѣ, я завидѣлъ даму въ голубой шляпкѣ, которая все шмыгала передъ балкономъ. Я взялъ стаканъ воды и выбросилъ ей на шляпу, такъ, посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Она взошла въ домъ и жаловалась на молодаго барина нашему человѣку Мирону. Миронъ доложилъ брату; но такъ какъ меня за это не били, то я въ жизни больше такихъ шалостей не дѣлалъ, ибо я чувствовалъ, что это вредитъ другимъ болѣе нежели приноситъ мнѣ удовольствія.

Въ воскресенье явился братъ Николай, который былъ юнкеромъ въ Конной Гвардіи. Я съ перваго раза запомнилъ, что онъ черноволосъ, а фуражка у него бѣлая.

Меня отдали въ пансіонъ къ Курнанду, который былъ тогда на Литейной и гдѣ былъ братъ Михайло. Меня удивило, что низъ оконъ былъ загороженъ зелеными ставнями. Я подумалъ, что это для того, чтобъ на насъ не смотрѣли, ибо становясь на окно на колѣни, мы могли видѣть все что происходило на улицѣ, хотя на ней ничего не происходило для меня любопытнаго. Садъ у насъ былъ большой и я скоро научился бѣгать въ бары.

Курнанда старшаго я полюбилъ болѣе втораго, потому что у перваго были черные волосы, а второй былъ рябой. Жена старшаго мнѣ показалась совершенной дамой. Когда Курнандъ меня бралъ за руку, онъ вѣрно не воображалъ, что эта ученка пожметъ руку не одной знаменитости Франціи, гдѣ онъ самъ потомъ потерялъ все нажитое въ Россіи и жена его принуждена была мыть бѣлье.

Пансіонъ былъ извѣстный. Его учредилъ баронъ Шабо, который потомъ женился на Алексѣевой и зажилъ Русскимъ бариномъ. У него воспитывался Васильчиковъ, нынѣ Кіевскій военный Губернаторъ, Протассовъ, бывшій оберъ прокуроръ Синода, и плеяда людей замѣчательныхъ.

Я поступилъ, какъ разумѣется, въ четвертый классъ, а братъ былъ въ первомъ. Онъ мнѣ принесъ бумаги и перьевъ, и я былъ такъ пораженъ этою услужливостію, что я съ тѣхъ поръ всегда любилъ его болѣе другихъ братьевъ. Въ классѣ сомною были Козловъ и Щербатовъ. Щербатова я потомъ встрѣтилъ офицеромъ Кіевскаго Гуссарскаго полка и вскорѣ за тѣмъ его перевили въ Конную Гвардію. Мы оставались на ты, но когда въ 1849 году, я подошелъ къ нему въ Женевѣ, въ Hôtel de Bergue, и заговорилъ съ нимъ какъ съ старымъ

знакомымъ, онъ притворился, что меня не узнаетъ, между тѣмъ какъ онъ пять минутъ передъ тѣмъ говорилъ обо мнѣ съ старымъ своимъ сослуживцемъ Богоевскимъ. Козловъ былъ сынъ поэта и прекрасивой мальчикъ. Въ 1839го году, я его совсѣмъ не узналъ предводителемъ въ Твери, съ четырьмя дѣтьми, между тѣмъ какъ мнѣ предстояли всѣ бури жизни.

Бутовскій также былъ въ пансіонѣ, но гораздо меня старше, и въ Парижѣ онъ мнѣ доказалъ не разъ, что онъ незабылъ наше товарищество.

Я помню, что въ Литейной были видны лодки во время наводненія. Братья жили въ Коломнѣ и у нихъ подмочило книги.

Пробывъ полтора года у Курнанда, мы поѣхали въ деревню. Въ Твери я видѣлъ гробъ Государя Александра Павловича и помню Илью на козлахъ. Мало воображалъ я тогда, что буду исторіографомъ усопшаго монарха.

Курнандъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню, но подалъ аптекарскій счетъ, за книги, которыхъ никогда не давалъ, да за зубнаго врача, который никогда не прикасался къ моимъ зубамъ. Насъ отъ него взяли. Братъ поступилъ въ Конную Гвардію, а я къ Журдану въ пансіонъ, въ домѣ Хмѣльницкаго (баснописца), на Екатерининскомъ каналѣ.

Журданъ былъ родомъ изъ Марселя, но совсѣмъ не южнаго характера, сѣдой, безпрестанно поправляющій свои волосы, съ хроническимъ флюсомъ и съ тонкими сапогами со скрипомъ. За столомъ онъ всегда пилъ Сотернъ, а намъ давалъ квасъ, а гувернерамъ пиво и ситный хлѣбъ. Самъ ѣлъ бѣлый, а ученикамъ давался православный черный. Гувернеры его не любили, хоть человѣкъ онъ былъ хорошій. Инспекторомъ былъ Беррардъ, родомъ изъ Меца; онъ мнѣ нравился больше Журдана, можетъ быть потому что имѣлъ больше свѣденій.

Четырнадцатое Декабря 1825го г. было понедѣльникъ, потому вѣроятно и бунтъ и царствованіе Николая Павловича не удались. Насъ заперли въ пансіонѣ и не выпускали, но два или три большихъ ученика были на плацу. Оба братья мои офицеры были въ четвертомъ ескадронѣ Конной Гвардіи, въ одного попали бревномъ въ плечо, а въ другаго булыжникомъ въ ногу, такъ что онъ хромалъ. Этотъ-то ескадронъ и ходилъ въ атаку. — Который ескадронъ? спросилъ Государь, когда онъ выстроился, едва успѣвъ перемѣнить форму въ которой онъ присягалъ Константину Павловичу.

— Четвертый — Четвертый ескадронъ рысью маршъ. — За Бога и Царя маршъ

маршъ! Никто не зналъ въ чемъ дѣло. Подскакали къ каре, палаши тупы. — По три направо назадъ! Опять въ атаку, лошади не подкованы, посыпались пули, большою частію офицерскія. Полковника Вреде ранили въ руку, лошадь убили. Вотъ и все; а когда стояли потомъ на плацу, никого не убили и не ранили. Г. Корфъ ошибается. Плещеева остановили въ Конной Гвардіи, продержали недѣль шесть въ казематѣ, кормили рубленымъ мясомъ и обременили запросами: съ кѣмъ былъ знакомъ, за чѣмъ не доносилъ, какъ будто вѣрноподданный и шпіонъ одно и тоже.

Кто не зналъ солдатской пѣсеньки:

Нашъ Царь Русской
Нѣмецъ Русской
Носитъ мундиръ узкой.
Ай да Царь, ай да Царь
Право славный Государь.

Близъ Фонтаноки рѣки
Квартируютъ — то полки,
И чѣмъ свѣтъ, чѣмъ заря,
Для потѣхи Царя,
Ихъ мучатъ, ихъ мучатъ!
Ай да Царь, ай да Царь,
Право славный Государь.

Въ день казни, было много толковъ и тѣмъ больше разсказовъ чѣмъ меньше людей видѣли, какъ палачи въ яму да въ огонь бросали сорванные эполеты, какъ ломали шпаги надъ

головою приговоренныхъ, которые должны были стать на колѣна, какъ кто-то помогъ палачу сломать свою шпагу, какъ выстроили пятерыхъ въ холстинныхъ платьяхъ и которыхъ повѣсили. Все это заронилось въ мою душу не производя въ ней никакого страха.

Съ Екатериненскаго канала пансіонъ перевели на Мойку въ домъ, который послѣ перешелъ Государственному Контролеру, а потомъ на Царицынъ лугъ. Всего я былъ у Журдана пять лѣтъ. Учили насъ всему по маленьку. Въ Исторіи мы все повторяли древнюю исторію, а учителемъ былъ Турчаниновъ. Въ Географіи были у насъ два отличныхъ учителя: Близнецовъ и Павловъ. Оба убили себя, а я ихъ былъ лучшимъ ученикомъ. Близнецовъ былъ очень силенъ въ Исторіи и какъ то на экзаменѣ сталъ меня спрашивать объ томъ чему насъ не учили, но остался моими отвѣтами доволенъ. Математику преподавалъ Шелиховскій, который не зналъ внушить учиникамъ любовь къ своему предмету и я ничего не зналъ, но уравненія выписывалъ ему на обумъ, и забавно было видѣть какъ онъ утиралъ себя губкой и кричалъ: „Ни *a* ни до *B*, ниже которая изъ оныхъ не удовлетворяютъ уравненію.“

Откуда ни возьмись, явился къ намъ инженерный Капитанъ Шаронъ учить насъ фортификаціи. Такъ какъ я не готовилъ себя въ военные, то я просто и не слушалъ его преподаванія, а все утверждалъ что всѣ его редуты и люнеты можно взять подходя къ нимъ на углахъ, гдѣ расходится ружейная пальба.

Г. Авиньонъ, Инжинерный прапорщикъ, училъ насъ прямолинейному рисованію, и такъ какъ мнѣ надо было рисовать географическія карты хорошо, то въ угожденіе ему рисовалъ я и укрѣпленія и наводилъ орѣшокъ въ подражаніе земляныхъ насыпей.

Славянскому языку училъ у насъ Огинскій — хорошее средство не знать по русски; онъ же перевелъ Исторіи Гольдсмита, по которымъ я наиболѣе успѣлъ въ исторіи.

Въ Исторіи, въ географіи и въ сочиненіяхъ я всегда былъ первый; но Нѣмецкій языкъ я тогда не любилъ, а Латынь у меня вышла изъ моды еще прежде появленія Евгенія Онѣгина.

Меня наказывали часто за то что отвѣчалъ гувернёрамъ или говорилъ въ классахъ. Но гувернёры были не много лучше Французскихъ лакеевъ. Одинъ изъ нихъ былъ плѣнный солдатъ 1812 г., другой училъ меня писать *parmi* съ *S*. Былъ Пруссакъ Шюцъ, ста-

рый егерь, котораго я любилъ. Меня ставили на ночь, у его постѣли, въ кружокъ начерченный мѣломъ на полу. Такъ какъ онъ могъ просыпаться при малѣйшемъ движеніи, то и думали, что меня это наказаніе исправитъ, т. е. изъ крутаго характера сдѣлаетъ мягкой. Нетутъ-то было. Шюцъ понималъ, что меня легко вести, но тащить нельзя, и какъ только засыпали другіе, отсылалъ меня въ постель. Иногда давали переписать по 300 или по 1000 стиховъ, чѣмъ совсѣмъ испортили мнѣ почеркъ. Всего глупѣе было оставлять безъ обѣда; кормили насъ плохо, каждый день вареная говядина съ морковью, да кашка. „Нѣтъ обѣда, такъ чай будетъ, желудокъ пустой, да самъ большой!“ Таковы были мои правила и Журданъ говорилъ, что я разбираю что право, а что неправо — justice, и что я слишкомъ. гордъ. „Vous regardez tout le monde du haut de votre grandeur.“ Роднымъ жаловался, что я съ товарищами не говорю. Много объ чемъ было говорить. Какъ кто бывало мнѣ надоестъ, то съ тѣмъ я день другой и не говорю, и на вопросы его не отвѣчаю. Они меня прозвали Циклопомъ, потому что лобъ широкъ, и Толстой бывало все чертилъ глазъ по среди своего лба, чтобъ меня дразнить. Иногда и дашь затрещину. Григорій Мат-

вѣсвичъ Толстой мнѣ говаривалъ: „Мы съ тобой будемъ или большіе друзья или большіе враги.“ Я очень терпѣливъ и когда только увидалъ, что все повторяютъ древнюю исторію, а я для себя новую сталъ учить, а наказанія все неперестаютъ, то въ одно воскресенье, въ откровенномъ разговорѣ я объявилъ Гну Журдану, что я выду изъ его пансіона. — Намъ все тамъ хорошо, сказалъ онъ, гдѣ насъ нѣту. Онъ зналъ что на экзаменахъ, онъ могъ мною похвастаться. Какъ-то Беррардъ взялъ меня въ сторону и говоритъ: — Вы, Головинъ, честный мальчикъ, скажите, для репутаціи нашего заведенія, замѣчали ли вы за Толстымъ такой-то грѣхъ? — Нѣтъ, былъ мой отвѣтъ. Черезъ нѣсколько недѣль, я разсказалъ анекдотъ про Фикельмона, который слышалъ дома. Толстой залился слезами и пошелъ пожаловаться на меня. Разсудили, что связи его такъ велики, что меня за это надо выслать изъ пансіона, Беррардъ взялъ извощика и свезъ домой — и давно пора.

Толстаго я потомъ встрѣтилъ у Елизаветы Михайловны Хитрово, онъ былъ въ мундирѣ Путей Сообщенія и тутъ висѣлъ портретъ Фельдмаршала Кутузова, но онъ со мной не говорилъ, а я съ нимъ подавно.

V.

Посѣчь надо было тѣхъ, которые мнѣ разсказали анекдотъ про Фикельмона, но высѣкли меня. Беррардъ прибавилъ, что я читаю запрещенныя книги, но я читалъ что мнѣ попадалось подъ руку и выучилъ наизусть Рогнѣду Рылѣева, потому что Басни Крылова, Кавказскій Плѣнникъ, Черная Шаль, Евгеній Онѣгинъ были мною давно зазубрены. Врядъ ли въ четырнадцать лѣтъ могъ я обидѣть Фикельмона; но странно, что въ 1843 г., мнѣ случилось въ Парижѣ сидѣть за столомъ съ Сабуровымъ, который увѣрялъ, меня не зная, что меня вытребовали изъ Парижа, за то что я въ Эгерѣ дурно отзывался о Меттернихѣ. Я его увѣрилъ, что я никогда и ноги въ Эгеръ не заносилъ. По праздникамъ мнѣ приходилось сидѣть одному въ казармахъ; неудивительно, что я научился курить и что я читалъ всѣ книги, которыя могъ найти. Братья часто

не обѣдали дома, а оставляли деньги на мой обѣдъ; люди же изъ лѣни предлагали мнѣ эти деньги и я обходился безъ обѣда, для того что бы въ пансіонѣ, на недѣлѣ, имѣть на что купить себѣ булокъ, безъ которыхъ пришлось бы голодать.

Мнѣ дали частнаго учителя въ математикѣ, и отъ скуки я началъ писать романъ: „Бройновъ“. Окончивъ первую часть, я снесъ ее къ Кречетову, который жилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и училъ у Журдана русскому языку. Прочитавъ рукопись, онъ посовѣтовалъ мнѣ дать ей полежать годъ или другой и прочесть ее потомъ; но она затерялась. Это былъ мой первый опытъ и подалъ мнѣ надежду сдѣлаться писателемъ.

Вопросъ: что со мною дѣлать? совершенно зависѣлъ отъ двухъ поручиковъ конной гвардіи, моихъ братьевъ. Они рѣшили предоставить рѣшеніе онаго Гречу, вѣрно потому что трудно было бы найти хуже. Гречъ рекомендовалъ Булгарина, а Булгаринъ рекомендовалъ свой пансіонъ въ Дерптѣ. Пансіонъ этотъ стоилъ 1200 р. асси. въ годъ и состоялъ изъ двухъ завтраковъ, изъ обѣда и изъ ужина да изъ квартиры. Братъ Ѳеодоръ привезъ съ торжествомъ рукопись Ѳадея Венедиктовича прописавшаго, что бѣлое и красное вино по

дается у него за столомъ. Гречъ тогда только что издалъ „Черную Даму“, а Булгаринъ „Ивана Выжигина“, который братъ мой Николай объявилъ не шедевръ; но подъ попеченіемъ такого педагога, я долженъ былъ выйти — авторомъ.

Меня свезли къ Булгарину, который и принялъ меня ласково, да послали Форейтера къ Графу Соллогубу за рекомендательнымъ письмомъ къ его сыну, бывшему тогда студентомъ въ Дерптѣ. Форейтера этого старый Графъ продержалъ весьма долго и толкамъ не было конца.

Въ двумѣстной каретѣ насъ поѣхало четверо: Булгаринъ съ женою да съ свояченицею и я; придѣлали скамѣичку впереди и посадили на нее меня съ Жанетою, такъ что мнѣ приходилось толкаться колѣнками съ Гжою Булгариною. Она была Нѣмка, худая, дурно говорившая по Русски, но собой не дурна. Мы ночевали на дорогѣ каждый разъ, и нѣмецкія станціи мнѣ очень понравились. Булгарина человѣкъ теръ ему спину щетками укладывая въ постель. Я никакъ не могъ понять, что это должно было способствовать къ чистотѣ его лица.

Въ Карловѣ мы нашли тетку Гжи Булгариной, извѣстную во всемъ Дерптѣ подъ именемъ Die Tante, гренадеръ ростомъ, и жен-

щина не злая, но которая заставила Булгарина жениться, угрожая выдать его участіе въ 14ъ числѣ; ибо Ѳаддей Венедиктовичъ и Николай Ивановичъ, какъ извѣстно, учавствовали въ Полярной Звѣздѣ.

Объ Карловѣ Булгаринъ писалъ всю свою жизнь столько, что мнѣ довольно будетъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Имѣніе это пустое, въ двухъ шагахъ отъ города, куплено за 60,000 ассиг., садъ ничтожный, но домъ хорошъ. Кабинетъ Булгарина даже былъ убранъ съ роскошью книгами, трубками, палками и ружьями. Въ гостинной, между прочими картинами, былъ портретъ Булгарина офицеромъ Польскихъ улановъ, во Французской службѣ въ Испаніи. Мнѣ отвели комнату возлѣ билліардной.

Въ пансіонѣ были два брата Прокофьевъ и Самойловъ, но слово пансіонъ надо было принимать въ смыслѣ Испанскомъ: casa de pupillos или Англійскомъ boarding-house. Я познакомился съ студентами, и мнѣ дали сигару, отъ которой я былъ болѣнъ.

Не въ зачетъ 1200 р., мнѣ дали учителя въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ, который ходилъ ко мнѣ, и во Французскомъ, къ которому я ходилъ на домъ. Но я завелъ себѣ ружье,

какъ теперь помню, съ прикладомъ изъ корельской березы и сталъ стрѣлять всѣхъ трясогузокъ и воробьевъ, которые угрожали или неугрожали вишнѣ почтеннаго издателя Сѣверной Пчелы. У Булгарина играли по вечерамъ въ вистъ и бывали балы. На одномъ изъ нихъ я познакомился съ Соллогубомъ, который мнѣ показался долговязымъ Полякомъ. Прокофьева младшаго скоро ранили на дуэли подъ мышку, а потомъ страшнымъ образомъ въ грудь, и я принялся учиться фехтовать.

Со мной были „Образцовыя Сочиненія“. Увидавъ ихъ, Булгаринъ сталъ надъ ними ерить, и сказалъ мнѣ единственную умную вещь, которую я отъ него слышалъ: „Коли хочешь писать хорошо, пиши то что знаешь, что испыталъ; н. пр. вчера ты былъ на охотѣ съ нами, ну и опиши охоту“. Но я охладѣлъ къ охотѣ; занявъ у Прокофьева ружье, оно у меня лопнуло, первое потому что было нечисто, а второе что стволъ былъ въ листъ бумаги. Хозяинъ ружья взыскалъ съ меня 150 р., которые мнѣ куда какъ больно было уплачивать. Все чему еще я въ Карловѣ научился было то, что разъ поцѣловалъ въ плечо свояченицу Булгарина, изъ любопытства узнать какой въ этомъ вкусъ, и ничего особеннаго въ немъ не нашелъ.

Булгаринъ человѣкъ не злой и первый увидалъ, что мнѣ у него было дѣлать нѣчего, написалъ роднымъ и помѣстилъ въ пансіонъ къ Ерихсону. Я не любилъ ни Нѣмцовъ, ни Нѣмецкой учености, и отсталъ отъ Русскихъ по неволѣ, à mon corps défendant, но мнѣ было такъ скучно въ казармахъ, что я бы уѣхалъ хоть въ Китай. Ерихсонъ мнѣ далъ читать Миньѣ Французскую Революцію, увѣряя, что Исторія наилучше изучается изъ подробныхъ книгъ. Онъ говорилъ, что пребываніе мое въ Дерптѣ будетъ имѣть на мою судьбу большое вліяніе, и опредѣлилъ меня въ Гимназію въ третій классъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ меня перевели въ Оберъ-Терцію, но я недовольствовался этимъ успѣхомъ и захотѣлъ прямо попасть въ студенты. Принялся я зубрить по Латынѣ лихо, просиживалъ ночи, пилъ кофе, чтобъ не засыпать, и настоялъ на своемъ, выдержалъ экзаменъ въ 1833-мъ году, въ Іюлѣ. Мнѣ еще тогда не было 16 лѣтъ, моложе которыхъ непринимаютъ въ Университетъ — mais il y a des accommodements avec le ciel. Я опредѣлился въ дипломатическое отдѣленіе, ни почему другому какъ потому что Карамзины, Соллогубъ и Прокофьевы принадлежали къ нему же.

VI.

Карамзины жили цѣлымъ семействомъ на дачѣ Браша. Ихъ мать, женщина гордая, звалась людьми Генеральша; братъ ея Князь Вяземскій съ женою, сыномъ Пашею и съ тремя дочерьми жилъ долго у сестры. Прасковья Петровна умерла во Флоренціи, меньшая дочь умерла въ малолѣтствѣ, а старшая, которая вышла за Валуева звалась Марью Петровной, и мы ее преслѣдовали пѣснію Языкова:

Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ручка и ножка ея!
Какъ розы востока живыя,
Какъ нѣжные снѣги полей
Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ грудей!

Старшая дочь Карамзина отъ первой его жены звалась „Ядро Россійской Исторіи“, и была добра до чрезвычайности. Андрей былъ отличный малой — студентомъ. Александръ мѣтилъ въ поэты, Николай умеръ въ Дерптѣ

отъ чахотки, а Владиміръ еще тогда не аристократничелъ. При немъ былъ гувернеръ Тибо, который еще у Курнанда въ пансіонѣ былъ.

Вторая дочь Карамзина была за Кн. Мещерскимъ и они жили въ Дерптѣ. Русскихъ было въ Дерптѣ человѣкъ двадцать и домъ Карамзиныхъ былъ имъ убѣжищемъ. Соллогубъ владычествовалъ бассомъ своимъ. Были два брата Золотаревы и младшій изъ нихъ, который вскорѣ умеръ, былъ красавецъ собою. Марья Петровна была къ нему не равнодушна, а онъ меня не жаловалъ. Въ угожденіе ему, она какъ-то скажи ему, что я пренебережаю умомъ. Я услыхалъ и ей стало совѣстно; она попросила меня ѣсть возлѣ нее за чаемъ. — Ахъ, скажите мнѣ пожалуйста, что мнѣ дѣлать? Я обидѣла Варлама и незнаю какъ поправить. — Весьма легко, княжна, прикажите ему сѣсть возлѣ васъ и спросите его какъ вамъ исправить?

Не такъ легко отдѣлался я въ другой малости. Соллогубъ увидалъ у меня тетрадь выписокъ съ титуломъ Fleures odorifirantes. За это е мнѣ столько досталось ото всѣхъ, что я ужь этой ошибки болѣе никогда не дѣлалъ.

Варламы были два Грека, студенты въ

Дерптѣ, которые теперя занимаютъ какія то мѣста въ службѣ Греческой.

Первый семестръ зовется лисичьимъ и ученья въ немъ мало, какъ будто радость сдѣлаться студентомъ такъ велика, что надо всѣ шесть мѣсяцевъ прокутить. Я прокутилъ свои деньги прежде шести мѣсяцевъ, такъ что признаться въ этомъ дома было совѣстно и пришлось голодать. Однажды я зашелъ къ Сергѣю Прокофьеву, который выѣхалъ изъ Карлова и приготовлялся къ экзамену на частной квартирѣ. Онъ только что отобѣдалъ и я было принялся за остатки его обѣда; но онъ такъ положительно сказалъ, что ему надо сберечь къ ужину, что я не посмѣлъ сознаться въ своемъ голодѣ. Онъ былъ скупъ и сбиралъ новинькіе пятачки. Но это не одна была его странность. Онъ бывало по часу разсуждалъ о вопросѣ надѣть ли ему калоши или большіе сапоги, и шинель или воротникъ? У него были хорошіе кислые щи; разъ услышалъ онъ шумъ въ комнатѣ возлѣ той гдѣ онъ погруженъ былъ въ Малькуса Науку Финансовъ. Схватилъ онъ шлегель (еспадронъ), надѣлъ шлемъ и пошелъ истреблять враговъ. — Кто тутъ? Нѣтъ отвѣта! Глядь по глядь, а это кислые щи ушли, пробка выскочила изъ бутылки. Такъ какъ

онъ былъ добрый малой и совсѣмъ не трусъ, то онъ самъ и разсказалъ это похожденіе. Онъ потомъ вышелъ дѣйствительнымъ студентомъ, поступилъ въ Походную Канцелярію, схватилъ крестикъ, взялъ да и умеръ.

Былъ студентъ Лундтъ, Курляндецъ, ростомъ небольшой; приходитъ разъ ко мнѣ. — Есть у тебя обѣдъ? — Нѣту, а у тебя? — И у меня нѣту. Пойдемъ на охоту. Пошли мы шляться; дѣло было близко къ морозу; прошлялись цѣлый день, подняли одну бѣлую куропатку на такомъ разстояніи, что какъ ни стрѣляли, попасть было нельзя. Идемъ попами домой. Лундтъ завидѣлъ гуся на благородномъ разстояніи отъ избы. Хлопъ, да и въ яхтташъ, обѣдъ у него былъ; но кажется изъ зазрѣнія совѣсти я его не ѣлъ.

Была у меня и дуэль, съ Жидомъ, буршеншафтеромъ, въ концѣ семестра. Я его ранилъ, и это былъ единственный аншисъ[1]) нанесенный когда либо Русскимъ.

На новый годъ, я поѣхалъ въ Петербургъ и сшилъ себѣ мундиръ Дерптскій съ золотыми лаврами во весь воротникъ. Люди безпрестанно

[1]) Аншиссомъ звалась рана, по-крайней-мѣрѣ въ два дюйма длины и при которой мускулъ долженъ былъ тронутъ.

спрашивали: — Вы въ какомъ министерствѣ? Какъ, такъ молоды и такой у васъ большой чинъ. Карамзинымъ сказалъ Государь, что Дерптъ имъ не годится и они поступили въ конную Артиллерію. Греча сынъ также не захотѣлъ оставаться въ Дерптѣ.

У насъ въ Дерптѣ была Академическая муса или Университетскій клубъ, гдѣ Кизирицкій отличался въ шахматы, гдѣ и я былъ членомъ. По возвращеніи моемъ былъ балъ. Я было просилъ дѣвицу Кошкуль на кадриль, но она была ангажирована. Чтобъ отдать мнѣ тоюже учтивостію, пришла выбрать меня въ котиліонѣ. Я терпѣть не могъ вальсировать и извинился преучтиво. Но она приняла это за обиду, пожаловалась кавалеру и на другой день мнѣ прислали двадцать вызововъ. Русскихъ столько не было, за меня заступились Регензеры. Кизирецкій пришелъ съ объявленіемъ что я на мѣсяцъ исключаюсь изъ дамскаго общества. Регензеры и тутъ отстояли, за вызовы послали вызовы, а дирекцію клуба заставили взять свое рѣшеніе назадъ.

Прихожу въ дворянское собраніе. — Вы зачѣмъ сюда, говоритъ Фрейльна Кнорринтъ, съ вами никто не будетъ танцовать? — Вы не будете? — Я пожалуй стану. Мы оттанцовали кадриль, послѣ котораго зову Mlle Брашъ

на мазурку. — Я ангажирована. — Пустился я съ ней въ разговоръ о всякой всячинѣ. Загремѣла музыка, кавалеръ нейдетъ. — Не прикажите ли? Дѣлать нѣчего, пошла танцовать.

Я потомъ провелъ лѣто на дачѣ у Кошкулей. Моя соперница все верхомъ ѣздила, и какъ то все проѣзжала момо моихъ оконъ.

Булгаринъ не разсердится если я разскажу объ немъ анекдотъ другой, а если разсердится, то будетъ имѣть, какъ говорятъ Французы, двойной трудъ. Однажды онъ жаловался на насморкъ и сказалъ что ѣздилъ верхомъ и простудилая отъ сквознаго вѣтра. Какой-то весельчакъ замѣтилъ, что этотъ вѣтеръ входитъ у него въ уши лошади, а выходитъ изъ подъ ея хвоста.

Другой разъ на охотѣ, на мызѣ Сиракузахъ, онъ далъ не простительный промахъ. — Ходили бы вы съ пуделемъ, сказалъ я ему, такъ и пуделей бы не дѣлали. — Ты вотъ учишься физикѣ, а того не знаешь, что на большомъ разстояніи дробь падаетъ дугою, я оттого-то и взялъ слишкомъ высоко. — Коли это правда, то вы и мухи не обидите.

VII.

Пріѣхалъ Крафтштроемъ въ попечители, мундиры наши замѣнили общими со всѣми другими университетами. Я сталъ похаживать на лекціи, но кромѣ Паррота, профессора физики, врядъ ли кого стоило слушать. Брёкеръ толковалъ Мартенса Народное право, которое и безъ толкованій было понятно. У Крузе было свѣденій довольно въ Исторіи, но преподаваніе его дѣлало сухимъ самый интересный предметъ. У Фридлендера люди учились больше на дому, за чаемъ, нежели на лекціяхъ Политической Экономій. Онъ меня полюбилъ только послѣ, когда я ему привезъ письмо отъ Рау изъ Гейдельберга.

Блумъ училъ статистикѣ и географіи, т. е. теорію той и другой, исторію открытій. Всѣ профессора диктовали и придерживались своихъ тетрадокъ, такъ что совсѣмъ не благодарили, если кто зналъ болѣе ихъ. Я этого

не воображалъ и читалъ Геродота, Гере
Роттека безъ всякой пользы для экзаме
Роттекъ, изъ меня сдѣлалъ либерала. Ни Тье
ни Кохъ не имѣлъ того вліянія. Я просидѣ
шесть мѣсяцевъ за книгами и выдержалъ
трети экзамена, которыя засчитывались до и
полненія цѣлаго. Такъ нашъ Университе
пользовался другою привилегію; не надо бы
оставаться сряду три или четыре года, а мо
но было дополнять срокъ по семестрамъ,
какими то ни было промежутками. Для дѣт
бѣдныхъ родителей это весьма благое рас
ложеніе. Такъ и я могъ поѣхать за грани
пробыть полтора года въ отсутствіи и во
титься для дополненія курса и экзамена.

Студентовъ въ Дерптѣ было человѣ
700, и такъ какъ большая часть ихъ были дѣ
арендаторовъ, станціонныхъ смотрителей, ку
цовъ или ремесленниковъ, то духъ былъ дем
кратическій, но изъ университета выходи
чиновники весьма раболѣпные. Студенты го
рили всѣ другъ другу ты, и раздѣлялись
ландсманшафты по тремъ губерніямъ, къ ко
рымъ они принадлежали. Но въ этихъ ко
пораціяхъ ничего не было политическаго. Ру
кая корпорація была составлена Языковы
Татариновымъ и пр. Цвѣта наши были и
зенные: черное, оранжевое и бѣлое. Дуэ

наши были смѣшны, насъ укутывали въ платки, запирали въ бинду, надѣвали огромный шлемъ, а въ перчаткѣ рука едва могла двигаться.

Театра не было, скука страшная, отъ которой спасеніе было въ картахъ да въ пьянствѣ. Я терпѣть не могъ ни то ни другое развлеченіе.

Когда я еще былъ маулезелемъ или лошакомъ, т. е. приготовлялся къ экзамену студенческому, Булгарину носили переать, т. е. выбили бы ему окны, еслибъ онъ не извинился. Но онъ поклялся своими сѣдинами, что онъ всегда былъ объ студентахъ самаго лучшаго мнѣнія и отдѣлался однимъ страхомъ. Студентомъ меня посылали къ нему за объясненіемъ: хотѣлъ-ли онъ травить Алексѣева (поэта) собаками? Сцена была забавная, но мы не вышли изъ взаимнаго уваженія и учтивости.

Память Языкова у насъ чтили тѣмъ легче, что бурсацкія пѣсни его безпрестанно гремѣли между Русскими. И меня провожали его прощальною пѣснію.

Профессора мнѣ не разъ говорили: „Для насъ было бы всего лучше если бъ Русскіе сюда никогда не ѣздили, а то они обратили вниманіе правительства на нашъ университетъ и у насъ отнимаютъ то одну то другую при-

вилегію. Отнимали не много, но за профессорскій институтъ роздали кресты и чины.

Мнѣ какъ то Иноземцовъ сказывалъ: — Вамъ-то за чѣмъ въ ученые лѣзть? — Скусь такой.

Во время Калишскихъ маневровъ, братъ мой Феодоръ проходилъ черезъ Дерптъ и возвращаясь прожилъ у меня день другой. Разъ зашелъ ко мнѣ студентъ и братъ, черезъ нѣсколько минутъ, говоритъ: — Renvoyez donc cet homme. А когда онъ ушелъ, спрашиваетъ: Что это было за сапожникъ? — Студентъ приходилъ меня просить быть его секундантомъ. — Хороши товарищи, нѣчего сказать.

Я передъ отъѣздомъ чуть чуть не попалъ въ хлопоты. У меня на квартирѣ были двѣ дуэли; пришли педеля и захватили оружіе, но по счастію не точенное, секундантовъ, такъ что доказательствъ не было, и мнѣ выдали атестатъ безъ малѣйшаго наказанія, даже выговора, за два съ половиной года пребыванія въ университетѣ.

VIII.

Въ Маѣ 1835 г. я взялъ въ Петербургѣ паспортъ за границу. На пароходѣ въ Любекъ были Андрей Карамзинъ, Шиповъ и Балашева. Генералъ-Адъютантъ Шиповъ все время говорилъ со мною о государственныхъ наукахъ и охотно узнавалъ все по части финансовъ. Балашева какъ-то назвала всѣхъ Поляковъ мерзавцами. Отъ дочери Сперанскаго меня это удивило. У насъ было въ Дерптѣ человѣкъ сорокъ студентовъ изъ Поляковъ, и многіе изъ нихъ весьма порядочные люди. Я не утерпѣлъ доложить, что есть-же исключенія. Секретарь Португальскаго посольства, которому я былъ рекомендованъ, передъ отъѣздомъ, не вшутку перепугался за меня и просилъ быть осторожнымъ.

Съ Карамзинымъ мы вмѣстѣ поѣхали изъ Любека въ Гамбургъ, и въ Гамбургѣ жили въ одной комнатѣ. Онъ оттуда поѣхалъ въ Эмсъ,

а я въ Ахенъ. Въ Ахенѣ я встрѣтился съ Гоголемъ и мы вмѣстѣ ѣздили по окрестностямъ. Хотя Ревизоръ его уже вышелъ въ свѣтъ, я въ немъ ничего не замѣтилъ чрезвычайнаго.

Изъ Ахена, я поѣхалъ въ Остенде и простудился тамъ не въ шутку. Еслибъ я тогда уже познакомился съ Англіей, моя судьба могла быть бы другая. Я былъ бы болѣе практиченъ, но на то мѣсяцъ, другой не доставало; надо было нѣсколько лѣтъ.

Въ Остенде пріѣхалъ за мною Золотаревъ старшій и мы отправились по Рейну; изъ Франкфурта онъ поѣхалъ въ Мюнхенъ, а я въ Веймаръ. Въ Русской церкви я познакомился съ Генераломъ Чевкинымъ. Я ему сказалъ, что Поляки насъ за границею теряютъ въ общественномъ мнѣніи и что въ Лютихѣ, одинъ изъ нихъ наговорилъ мнѣ кучу вещей. — Да вы бы ему сказали, что вы Русскій, такъ онъ бы и замолчалъ. — Напротивъ, его это и ожесточило, что онъ узналъ, что я Русскій.

Я былъ представленъ Великой Княгинѣ Марьи Павловнѣ. Что за милая дама; не ищетъ же она пугать людей и за то ее всѣ любятъ. Изъ Веймара я поѣхалъ въ Іену, на собраніе натуралистовъ и записался въ Географическое

отдѣленіе. Тутъ былъ и Чевкинъ и Гумбольдтъ; намъ дали по медали и по даліи посвященной имени каждаго члена. Возили въ Веймаръ обѣдать къ Великому Герцогу; Принцъ Карлъ Пусскій обѣдалъ съ нами. Въ Веймарѣ нашъ повѣренный въ дѣлахъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нельзя уѣхать прежде нежели я откланяюсь Великой Княгинѣ. Пришлось сходить лишній разъ въ домъ Гёте и посѣтить гробы Шиллера, Гёте и Гердера. Въ театрѣ играли рѣдко, но я видѣлъ Тассо и Колоколъ Шиллера, въ день обѣда при дворѣ, и съ меня было довольно.

Черезъ Лейпцигъ я поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ и записался на лекціи. Ранке и Риттера мы слушали вмѣстѣ съ Грановскимъ, Дитерицце и Ганса вмѣстѣ съ Золотаревомъ. На лекціи Ганса (Философія Права и Уголовное право) ходилъ и Графъ Голенищевъ Кутузовъ, который насъ ввелъ къ Графу Рибопьеру, и посолъ насъ нѣсколько разъ звалъ обѣдать. Ранке читалъ гораздо лучше Раумера. Къ Дитерицце надо было ходить въ восемъ часовъ утра при лампахъ, а къ Стефенсу сей часъ послѣ обѣда, но я старика любилъ, хотя въ его воззрѣніи было мало приложенія. Я сошелся съ Унгернъ-Штернбергомъ, который учился химіи у Мечерлиха; мы вмѣстѣ обѣдали въ Hôtel de Russie, а потомъ ходили въ театръ. Я не про-

пускалъ ни одной трагедіи Шиллера и зналъ ихъ всѣ наизусть. Шарлотта Гагенъ, Кридлендеръ прельщали насъ столько же сколько Крюгеръ, Гура и пр. Бекманъ завлекалъ насъ и въ театръ Кёнигштедтскій.

Къ Гансу я ходилъ на квартиру, онъ былъ озабоченъ тѣмъ, что я записывалъ каждое его слово на лекціи. — Я вѣдь иногда говорю и нелѣпо, сказалъ онъ.

Я его уже тогда спросилъ о его мнѣніи на счетъ эмиграціи. — Это совершенно зависитъ отъ частныхъ обстоятельствъ, отвѣчалъ онъ.

Въ Берлинѣ былъ Мантейфель, у котораго я охотился въ Сарнгофѣ, въ 40 верстахъ отъ Дерпта. Онъ меня познакомилъ съ молодыми Вицлебеномъ, Рёдеромъ и другими.

Изъ Берлина я поѣхалъ въ Парижъ черезъ Франкфуртъ. Ни Франція ни Парижъ мнѣ не понравились. Дилижансы были хуже Нѣмецкихъ, Мецъ показался мнѣ неуклюжъ, а Парижъ мраченъ. Тогда былъ Лерминье въ большой модѣ и я ходилъ къ нему на лекціи, но въ Камерѣ Депутатовъ я учился болѣе нежели въ Collége de France, а дома еще болѣе изъ книгъ. На ту пору я занемогъ серьёзно. Я сошелся съ Бутовскимъ, съ Гурьевымъ, съ Глинкой, который открылъ во мнѣ либерала, съ Гамбсомъ, съ Давыдовымъ, объ которомъ буду го-

ворить послѣ, и познакомился съ семействомъ Рюминыхъ.

Изъ Парижа я поѣхалъ въ Ахенъ, гдѣ познакомился съ женою и дочерью Михайла Ѳеодоровича Орлова и съ Московскимъ комендантомъ Сталемъ, который меня ободрялъ продолжать ученую каррьеру, говоря, что я именемъ моимъ подниму профессорское званіе.

IX.

Въ Баденѣ былъ со мною цѣлый романъ, въ меня влюбилась Англичанка, въ которую былъ влюбленъ Баденскій докторъ. Мать ея Нѣмка, но она старѣе меня. Изъ Дрездена я ей написалъ, что маменька находитъ, что я слишкомъ молодъ, чтобы жениться. Я ее потомъ видѣлъ въ Лондонѣ, уже сѣдую, съ сѣдымъ мужемъ и съ сыномъ.

Между тѣмъ я познакомился съ Швейцаріей, былъ на Ригѣ, всходилъ на Молезонъ, ѣздя въ Грюеръ за сырникомъ, котораго нанялъ въ деревню.

Я почелъ долгомъ остановиться въ Фрейбургѣ, въ Брейзгау, что бъ навѣстить Роттека.

— Я сижу, сказалъ онъ мнѣ какъ лекарь у постели больной — свободы. Да, она можетъ выздоровѣть, но не вѣроятно.

— Развѣ назначеніе человѣчества не есть свобода?

— Назначеніе человѣчества вѣчно бороться за свободу и никогда не достигать ее.

— Любовь къ свободѣ мнѣ кажется такъ естественна.

— Вы ее любите потому что вы жили въ обществѣ великихъ людей древнихъ и новыхъ временъ; но другіе и не помышляютъ объ ней.

Онъ мнѣ показалъ серебряный бокалъ, который ему поднесли его сограждане.

— Вы не можете же, сказалъ я ему, въ такомъ сочувствіи не видѣть любовь къ свободѣ.

Въ Гейдельбергѣ я посѣщалъ лекціи Цахаріи, Тибо и Миттермейера. Цахаріе былъ смѣшной старикъ, ходилъ въ синемъ сюртукѣ и гусарскихъ сапогахъ, диктуя диктовалъ и знаки препинанія и разсказывалъ анекдоты отъ которыхъ иной разъ всѣ помирали со смѣху.

Пробывъ шесть недѣль въ Дрезденѣ, я возвратился въ Берлинъ и попалъ подъ ножъ Дифенбаха, который сдѣлалъ мнѣ одну изъ самыхъ долгихъ и труднихъ операцій, въ слѣдствіе которой я пролежалъ шесть недѣль въ постелѣ. Полковникъ Черникъ былъ такъ добръ что жилъ со мною все это время.

Въ Мартѣ 1837 г. я воротился въ Пет бургъ на перекладныхъ и въ саняхъ.

Въ Дерптѣ я остановился только съ ча чтобъ посѣтить Полкеныхъ, которые со мн были въ Берлинѣ, да отдать Фридлендеру пи мо Рау — мнѣ не терпѣлось обнять моихъ б тьевъ. Я ихъ засталъ за полковымъ обѣдо и познакомился съ Барономъ Мейндорфомъ. всегда замѣчалъ, что люди храбрые бываютъ люди благородные. Опочининъ же мнѣ н твердилъ одно и тоже: „Ты пожалуйста бу остороженъ, за тобой какъ за возвращающим изъ за границы такъ шпіоны и будутъ ходи

Возвратившись въ Дерптъ, я подалъ з экзамену, но Ректоръ Нёіе объявилъ мнѣ, ч такъ какъ я былъ въ Парижѣ, то меня нель допустить къ экзамену. Какое отношеніе мѣетъ Парижъ съ экзаменомъ? Я къ попеч телю, человѣкъ онъ добрый хоть и глупой.

— Никакъ нельзя, надо представить н разрѣшеніе министра.

Я въ Петербургъ, братъ съѣздилъ къ У варову, который отъѣзжалъ въ Вильну и при казалъ написать Крафтштрёму, что если нѣт другаго препятствія, то это отклонить, а мен просилъ навѣстить его въ Дерптѣ. Въ отсут ствіи его Протасовъ, будучи помощникомъ ми нистра, нашелъ, что меня заставляли по напра

сну терять время и велѣлъ прибавить къ бумагѣ Уварова эти слова: „Не имѣя въ виду закона запрещающаго ѣздить въ Парижъ.“ Это единственный случай въ Россіи, что мнѣ оказали справедливость.

Когда я возвратился въ Дерптъ, секретарь попечителя мнѣ сказалъ, что Крафтштрёмъ очень сердитъ на Протасова, но позвалъ меня таки обѣдать и послѣ обѣда сказалъ: „Какой эксцентрическій человѣкъ Головинъ!“ Видно потому что фельдфебель данный въ Вольтеры не могъ меня поставить въ шеренгу. Нёіе струхнулъ и сей часъ допустилъ къ экзамену. Я представился Уварову какъ только онъ пріѣхалъ. Онъ меня принялъ при Крафтштрёмѣ и сказалъ:

— Головинъ, попечитель не могъ не отнестись ко мнѣ по случаю вашего пребыванія въ Парижѣ

— Я и пришелъ благодарить В. П. за милость съ которою вамъ угодно было устранить это препятствіе.

— Скажите, пожалуйста, въ чемъ состоитъ ваше дипломатическое отдѣленіе?

— Мы принадлежимъ къ юридическому факультету и беремъ отъ него публичное и народное право, но мы занимаемъ у Камералистовъ политическую экономію.

— Рау?

— Рау и Сея и Якоба, и другихъ.

Это показалось Министру удовлетворительнымъ; но въ сущности, ни одинъ дипломатъ не вышелъ изъ нашего отдѣленія. Я не знаю опредѣляютъ ли учениковъ правовѣденія судьями, но намъ не давали мѣстъ при посольствахъ, и Несселроде даже корчилъ гримасу смотря на наши дипломы выказывающіе претензіи знать что нибудь больше нежели переписывать.

Я воротился въ Петербургъ кандидатомъ. Я былъ первый Русскій получившій въ Дерптѣ эту степень. Бикъ и Золотаревъ были уже дѣйствительными студентами изъ Москвы. Порошенъ принадлежалъ къ профессорскому институту, а Тютчевъ, Стойковичъ, Сатинъ послѣдовали за мною. Уваровъ сказалъ брату: „Я едва успѣлъ воротиться изъ Дерпта, а вотъ уже вашъ братъ выдержалъ экзаменъ. Посовѣтуйте ему ходить на лекціи въ Петербургскій университетъ и держать потомъ на Магистра. Дерптъ имѣетъ свои привилегіи, потому я не хочу облегчить тамъ экзаменъ на магистра, а мнѣ Государственный Совѣтъ запретилъ производить въ профессора или въ доктора посредствомъ одной дисертаціи.“ Такъ передо мною обрушились всѣ привилегіи профессорскаго института, который такъ много долженъ былъ сдѣлать для просвѣщенія Россіи.

Брёкеръ между тѣмъ писалъ изъ Дерпта, что непремѣнно выдетъ законъ уровнивающій ихъ Университетъ съ другими и позволяющій держать экзаменъ на высшія степени только въ главныхъ предметахъ. Мнѣ какъ то странно казалось держать экзаменъ у Ивановскаго да у Парошина.“ Ну что коли послѣдній спроситъ: Сколько лошадей въ Астраханской, или сколько оспы привито въ прошломъ году въ Архангельской губерніи?

Между тѣмъ братъ у Графини Разумовской какъ-то разговорился съ Графомъ Строгоновымъ, Харьковскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

— Я ищу молодыхъ людей хорошихъ фамилій въ мою канцелярію. Скажите вашему брату заѣхать ко мнѣ. Cela sera au moins une connaissance de faite.

Онъ меня принялъ въ залѣ гдѣ не было ни стула. Это вѣрно средство не просить садиться.

— Vous n'avez jamais servi?

— Non, Monsieur le Comte.

— Vous savez que le commencement est difficile.

— Comme en toute chose, je pense.

— Mais surtout au service; car enfin par quoi faut-il que vous commenciez. Par copier. C'est humiliant, n'est-ce pas?

— Il faut bien que cela soit, puisque les chefs eux-mêmes en conviennent.

— Но впрочемъ въ Харьковѣ вы найдете людей просвѣщенныхъ, у насъ университетъ, при которомъ братъ Мицкевича. Такъ если хотите, подайте просьбу.

Я просьбу не подалъ, да не успѣлъ бы доѣхать до Харькова, какъ Графъ Строгоновъ назначенъ былъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣсто попалъ Князь Долгоруковъ, къ которому ни одинъ гвардейскій офицеръ не шелъ въ адъютанты, который бралъ товаръ въ долгъ и никогда не платилъ, такъ что Хохлы, завидѣвъ его коляску, запирали свои лавки, который наконецъ взялъ взятку дошедшую до свѣденія Государя. Государь помиралъ со смѣху, что и Князья Долгоруковы на такія пакости покушаются, а толстый Князь съ отчаянія отравился!

Графъ Константинъ Бенкендорфъ служилъ у брата въ ескадронѣ и былъ ко мнѣ милостивъ; онъ было все говорилъ: — Что ты въ службу не поступаешь? — Не могу же я входить въ конкуренцію съ канальей, былъ мой отвѣтъ.

На ту пору Васильчиковъ (Князь Викторъ) какъ то меня спросилъ, отъ чего мѣха дороже въ Россіи нежели за границей?

— Отъ того, что правительство наше снимаетъ пѣнку съ... Онъ пожаловался брату говоря: Votre frère déprécie la Russie, и братъ мнѣ сказалъ: Mon cher, vous me compromettez avec vos idées. Какъ будто не всѣ у насъ знаютъ, что ясакъ плотятъ Сибирскіе народы мѣхами, что весь мѣхъ поступаетъ въ казну, которая продаетъ его по какимъ цѣнамъ ей угодно.

Я все это время жилъ въ казармахъ Конной Гвардіи, на мѣстѣ брата Михайлы, который поѣхалъ въ Италію. Мнѣ тамъ совсѣмъ было жить не надо. Спать на диванѣ отнюдь не мое дѣло, а заниматься науками при громѣ шпоръ и кирасъ совсѣмъ нейдетъ.

Карамзины будучи произведены въ офицеры стали важничать. — Я никогда не замѣчаю, сказалъ мнѣ братъ, когда со мною кто важничаетъ. — Да всѣ ихъ товарищи по Университету замѣчаютъ это. Я имъ сдѣлалъ визитъ, они мнѣ его не отдали; у насъ нѣтъ другаго средства дать кому нибудь почувствовать, что мы не хотимъ съ нимъ быть знакомы.

Софья Николаевна увидавъ, что я прошелъ разъ въ Михайловскомъ театрѣ имъ не поклонившись прислала къ намъ Андрея. Я игралъ въ шахматы съ Штенбокомъ; не зналъ онъ какъ пойти, а Андрей не рѣшался подойдти

ко мнѣ. Da stehen die Ochsen am Berge, сказалъ я громко, и тѣмъ дѣло окончилось.

— Вашъ братъ энтузіастъ, сказала Софья Николаевна моему брату, который замѣтилъ мнѣ, что Александръ Николаевичъ Тургеневъ одинъ говоритъ какъ я, но что я еще больше его ухожу въ моихъ мнѣніяхъ. Мое мнѣніе тогда уже было, что:

Проговориться весьма опасно; но что высказать всю истину весьма полезно.

X.

Лѣтомъ 1838го года, я поѣхалъ въ Швецію, изъ Гелзингфорса.

— Какъ ты это паспортъ получилъ? спросилъ меня по возвратѣ Гр. К. Бенкендорфъ.

— Добрые люди дали.

— Да вѣдь ты бы могъ остаться за границей.

— Могъ, да не сдѣлалъ.

Поѣздку въ Швецію я издалъ въ 1839 году. Корсаковъ былъ Цензоромъ. Онъ пропустилъ мои похвалы объ Александрѣ I, съ условіемъ, чтобъ я прибавилъ тоже и объ царствующемъ Государѣ. Объ 10 брюмерѣ мнѣ приходилось сказать, что съ этого числа Бернадотъ отсталъ отъ Наполеона. Корсаковъ не взялъ на себя вычеркнуть слово брюмеръ и предоставилъ на разрѣшеніе Цензурнаго Комитета. Кн. Сергѣй Волконскій потомъ сказалъ брату моему: Что это вы пишете о брюмерѣ? — Нѣтъ, братъ

мой. — Ну мы еще не дошли до того, чтобъ объ этомъ говорить!

Булгаринъ написалъ громадную критику въ Пчелкѣ, что поясняется тѣмъ, что онъ не задолго передъ тѣмъ самъ напечаталъ „Путешествіе въ Швецію“. Онъ меня выдавалъ просто за Якобинца, просилъ меня не вѣрить тѣмъ, которые называли меня Русскимъ Шатобріаномъ, но сознавался, что сердце его радовалось когда я на чужбинѣ вырывалъ рукоплесканія.

Черезъ нѣсколько времени онъ подлетѣлъ ко мнѣ у Фелльета; я обѣдалъ съ Кня. Вяз.

— Фу какая гадкая погода, да это просто житья нѣтъ, сказалъ онъ.

— Кто же и проситъ жить здѣсь? Убирайся!

— Въ pays étrangers?

— Нѣтъ, во свояси, въ Вильну.

— Донесутъ.

— Какъ будто ты не знаешь, что надо дѣлать, чтобъ на тебя не доносили.

— А что?

— Самому доносить.

Онъ отъ меня кубаремъ покатился въ другую комнату.

Соллогубъ встрѣтивъ меня на улицѣ сказалъ:

— Ты собаку съѣлъ въ Государственныхъ наукахъ.

— То ли дѣло твой Большой свѣтъ.[1])

Полевой разругалъ въ Сынѣ Отечества, гдѣ я передъ тѣмъ помѣстилъ даромъ Путевыя замѣтки и Очерки Франціи. Отечественныя Записки похвалили мою наблюдательность.

Но во все это время, спросить читатель, если было довольно для ума, неужели ничего не было для сердца? Въ эти года влюбляются только въ совершенство, а совершенства рѣдки. Нѣсколько близкое къ оному я нашелъ на одномъ балу. — Съ вашимъ именемъ, сказала мнѣ барышня, съ которой я танцовалъ мазурку, надо служить. — Зачѣмъ же надо?

Нашихъ дѣвушекъ воспитываютъ Французскія лоретки; неудивительно что онѣ и перенимаютъ ихъ манеры, съ которыми аристократическая надмѣнность странно контрастируетъ. Еслибъ ихъ воспитывали Англичанки, домашнее счастіе занимало бы ихъ больше туалета.

Я не за долго передъ тѣмъ раздѣлился съ братьями. Мнѣ хотѣли дать имѣніе купленное отъ Бердта. Такъ какъ по моимъ щетамъ оно

---

[1]) Повѣсть Соллогуба.

было куплено на мои деньги, то и слѣдовало придачею къ другому. Этого воззрѣнія братья не раздѣлили, и я согласился взять капиталъ, который еще не былъ готовъ.

Хотя я зналъ, что Русскимъ въ Дерптѣ не охотно даются высшія ученыя степени, я хотѣлъ попытаться добиться до магистерства, и съ этою цѣлію воротился еще разъ въ скучный Юрьевъ.

Я приготовилъ дисертацію изъ политической экономіи[1]) и изъ главнаго предмета написалъ письменный отвѣтъ, который Брёкеръ потомъ очень выхвалялъ. Казалось бы и довольно, такъ нѣтъ, надо зубрить математику, я и въ физикѣ было выдержалъ экзаменъ; но у Профессора Исторіи купивъ уже прежде его атласъ я не зналъ что купить и онъ мнѣ далъ дурныя отмѣтки.

На ту пору, Профессоръ Русскаго права Рейцъ, за либеральныя его правила былъ отставленъ попечителемъ, подъ предлогомъ, что голосъ у него слишкомъ слабъ. Намѣстникъ его долженъ былъ защищать диссертацію, и меня просили ему оппонировать. Онъ между прочимъ увѣрялъ, что дипломатическое равновѣсіе предразсудокъ. Я прочелъ ему цѣлый курсъ ис-

1) Она вышла въ 1841 году въ Лейпцигѣ: Vom Wesen des Geldes, von einem russischen Schriftsteller.

торіи и вывелъ ему, что изъ этого-то и билась вся внѣшняя политика. Профессоръ исторіи сидѣлъ какъ на угольяхъ. — Что мнѣ, спросилъ Ф...., положить въ дипломатическіе вѣсы? — Мечъ Бренна, золото Югурты, перо Меттерниха, отвѣтилъ я. Раздались рукоплесканія. Попечителю было не ловко.

Пріятели Рейца велѣли мнѣ сказать, что ихъ голоса за меня; но я на ту пору получилъ извѣстіе отъ брата, что онъ женится и воротился въ Петербургъ.

XI.

Братъ дѣлалъ отличную партію для себя, во всѣхъ отношеніяхъ, слишкомъ консервативную для меня. Онъ этого не понималъ, и писалъ ко мнѣ, что онъ особенно надѣется быть полезнымъ мнѣ. Когда онъ меня привелъ въ домъ Государственнаго Контролера, который прежде былъ пансіономъ Журдана, я почувствовалъ, что я подъ красной шапкой и какъ я ни силился быть любезнымъ, не могъ преодолѣть глубокой тоски. Невѣста спросила брата: не нахожу ли я ее дурной собою? и выходя братъ сказалъ: — Я вижу, что ученость не даетъ еще свѣтскихъ привычекъ. Такое истолкованіе было для меня самое пріятное.

Я поѣхалъ въ Гелзингфорсъ, и возвращаясь оттуда у меня была сцена съ Кокошкинымъ, которую я и описалъ въ Russie sous Nicolas. Главнымъ поводомъ къ тому было, что Генералъ Оберъ-Полицемейстеру не удалось передъ

тѣмъ отнять у брата четверню лошадей, которыя опрокинули фанарщика, и онъ мстилъ на мнѣ.

Графъ Голенищевъ Кутузовъ поговорилъ за меня Графу Рибопьеру, Рибопьеръ Графу Несселроде, и я представился Вице-Канцлеру. Онъ меня спросилъ какіе языки я знаю? а выходя онъ посмотрѣлъ улыбаясь на мои длинные волосы, не разсуждая, что зеркало мнѣ передало его улыбку и ея значеніе. О дипломатъ! Волосы я носилъ à la mougik. Кажется чего національнѣе? Нѣтъ, сдѣлали изъ нихъ какую то революціонерную вывѣску и Флигель-Адъютантъ полковникъ *** какъ то сказалъ брату: „Оно ничего, да Государь не любитъ“. Великій человѣкъ на малыя дѣла!

На другой день я представился Полѣнову, начальнику департамента.

— Вы хотите служить во Французскомъ отдѣленіи; но во Французскомъ отдѣленіи надо имѣть хорошій почеркъ. Хороша ли у васъ рука?

— Не могу похвастаться.

— Подайте мнѣ образчикъ!

Я пошелъ и написалъ ему какой то комплиментъ по Фрацузски.

— Что жь это хорошо, а современемъ вы еще лучше будете писать. Я вамъ совѣ-

тую, для выгоды вашей службы, отказать отъ вашего жалованья.

Вотъ и поступили мы къ Гну Рикард и сшили себѣ вицъ-мундиръ, а полнаго мундира не шили, не полагая, что этотъ фарсъ продлится долго. Рикардъ былъ человѣкъ хорошій и давалъ мнѣ занятіе что ни есть по умнѣе, но со мной на одной скамьѣ сидѣли дѣти, как Кнорринъ, Лонгиновъ и др.

Въ Отечественныхъ Запискахъ я помѣстилъ статью о темницахъ; мнѣ сказали что чиновники не должны ничего писать не представляя прежде на одобреніе начальства Цензура въ Квадратѣ!

Я сталъ ѣздить въ общество, въ театры, въ маскерады. Однимъ утромъ, я былъ у братьевъ Адлербергов; пріѣзжаетъ Наслѣдникъ, и я не могъ оторваться отъ любопытства видѣть вблизи будущность Россіи. Онъ былъ простъ и милъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Выходя, онъ взялъ со стола мою Поѣздку въ Швецію, раскрылъ, посмотрѣлъ и ничего не сказалъ. На другой день Николай Адлербергъ сказалъ брату моему: — Я не знаю хорошо ли твой братъ сдѣлалъ, что остался, когда пріѣхалъ Наслѣдникъ, не бывши ему прежде представленъ."

Потомъ я очутился въ Петергофѣ, на

разводѣ. Принцъ Павелъ Дармштадскій казался такимъ маленькимъ возлѣ Государя! Драгунскій ординарецъ упалъ съ лошадью. Государь вскрикнулъ: „Встань, садись“! Это былъ голосъ выходящій изъ подъ земли. Какой чудесный Бертранъ! Я ушелъ подальше отъ этихъ сценъ достайныхъ Данте.

Другой разъ я всмотрѣлся пристольно въ Государя въ Дворянскомъ Собраніи и сказалъ себѣ: „Мы съ тобой не долго будемъ друзьями“!

Я въ это время писалъ по Русски Руководство Политической Экономіи. Однажды братъ мой взошелъ въ свой кабинетъ и увидалъ, что я держу въ рукахъ списокъ доходовъ и расходовъ государственныхъ; онъ просто испугался, и сказалъ: „Да ты это напечатаешь!“ Какъ будто въ самомъ дѣлѣ рѣдкость какая, что наши доходы въ 1840 г. равнялись 680,000,000 руб. ассиг., что тайная полиція одна пожирала 50 милліоновъ, а народное просвѣщеніе только 25, и кто не знаетъ, что самая большая часть доходовъ идетъ на армію и что каждый гвардейскій полкъ стоитъ милліонъ въ годъ?

Какъ будто уже прежде этого я не читалъ Записки Графа Александра Кристофоровича Бенкендорфа? (Все любопытное изъ нихъ стоитъ въ Россіи подъ Николаемъ.)

Литературныхъ связей у меня не было. На Булгарина я наступалъ рѣдко, а въ Сенковскаго не находилъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ мнѣ сказалъ, что у него приказаніе доносить на всѣхъ тѣхъ, которые подаютъ статьи, которыхъ, по ихъ духу, помѣстить нельзя. Булгаринъ разъ меня поймалъ въ Дворянскомъ Собраніи.

— Ты въ Отечественныхъ Запискахъ пописываешь; да ты не знаешь, что тамъ за народъ. И пошелъ и пошелъ бранить.

— Булгаринъ, я ему отвѣтилъ, что чернѣе сапогъ мой или твоя душа?

А онъ и Карамзиныхъ и Вяземскаго давай ругать.

— Хочешь я пойду снажу Андрѣю?

— Такъ такто ты со мною? Ладно, я тебя и перомъ и шпагой доконаю.

Полевой мнѣ какъ-то сказалъ: Да вы бы за границу поѣхали писать, на что я ему возразилъ, что авторская дѣятельность не можетъ наполнить жизнь, съ чѣмъ онъ и согласился. Я его спросилъ: Напишетъ ли онъ разборъ книги Бутурлина?

— У меня не двѣ головы на плечахъ, отвѣчалъ уже напуганный писатель.

У Краевскаго я видѣлъ Лермонтова; встрѣ-

чалъ его и у другихъ. Его звали Русскимъ Гёте, отчего не Платеномъ? Его бабушка дала 500 р. Булгарину, чтобъ онъ выхвалилъ „Героя нашего времени.“

Я больше всѣхъ видѣлся съ Зайцевскимъ, морякомъ раненнымъ подъ Варной. Онъ бывало мнѣ говорилъ: — Что жь вы ждете, чтобъ васъ сослали на востокъ, что вы не ѣдете на западъ? — Прикажете сдѣлаться подданнымъ Луи Филиппа?

— Боже васъ упаси.

Объявлены были Бесѣды; я подалъ манускриптъ: „Жизнь и Сочиненія Шиллера“, и больше никогда объ немъ ничего не слыхалъ.

Алексѣй Захаровичъ Хитрово, тесть моего брата, добрѣйшій изъ Русскихъ сановниковъ, захотѣлъ оказать мнѣ свое покровительство. — Мы съ Графомъ Нессельроде, сказалъ онъ, служили въ одномъ полку. Онъ былъ такъ добръ, что написалъ Кудрявскому, начальнику Канцеляріи Графа, что проситъ Вицеканцлера, чтобъ онъ меня взялъ въ свою канцелярію. Старикъ незналъ, что Гурьева сваталась за Муссина Пушкина и получила отказъ. Сынъ Кудрявскаго вскорѣ мнѣ сказалъ, что Графъ Нессельроде приказалъ Полѣнову написать мое назначеніе, объ чемъ я сообщилъ Государствен-

ному Контролеру, а онъ въ Комитетѣ Министровъ подошелъ къ Графу и благодарилъ его, но получилъ слѣдующій отвѣтъ на ярлыкѣ бумажки:

„Je consens à donner la place en question à M. Golovine, à condition qu'il prenne auparavant six semaines des leçons d'écriture, et alors avec plaisir.“

(Я согласенъ дать мѣсто Головину, съ условіемъ, чтобъ онъ прежде взялъ шесть недѣль уроки въ чистописаніи.)

Алексѣй Захаровичъ послалъ за мною и показалъ мнѣ эту записку.

— Надо сознаться, сказалъ я, что у Графа чудесный почеркъ.

— Скажите, дурно вы пишете?

— Я пишу скоро и разборчиво, но Димитрій Несселроде пишетъ какъ бы мухи бродили. Фурманъ пишетъ такъ, что не можетъ самъ разобрать своей руки, и къ нему приставленъ Безобразовъ, который пишетъ какъ нельзя хуже.

— Имѣйте это снисхожденіе, возьмите уроки.

— Да, еслибъ Графъ мнѣ приказалъ, но вы?

— На меня не обращайте вниманія.

Я поѣхалъ къ моему Ментору за совѣтомъ въ Стрѣльну. Указывая на домъ Графа Орлова, онъ сказалъ: — Ему бы Несселроде такого отвѣта не сдѣлалъ бы. Теперь Алексѣю Захаровичу ничего больше не остается какъ ворочаться задомъ къ Несселроде. Сегодня отъ тебя требуютъ уроки въ чистописаніи, а завтра потребуютъ въ танцованіи.

Я подалъ въ отставку.

— Я бы тоже сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ, сказалъ мнѣ Кудрявскій, а черезъ нѣсколько времени замѣтилъ: Vous avez fait un coup de tête en nous quittant. Братъ же потомъ отозвался: Я не знаю гдѣ у меня была голова когда я тебѣ совѣтовалъ выходить въ отставку.

Вотъ вамъ и совѣтники, а потомъ удивляются когда ихъ не слушаютъ. Старикъ Сталь въ Москвѣ мнѣ сказалъ: „Да я самъ видѣлъ какъ Мейендорфъ бралъ уроки въ чистописаніи.“ Въ самомъ дѣлѣ въ прикащики не берутъ худаго писаря. Кому пріятно читать не четко писанную бумагу. Но я былъ рожденъ писателемъ, а не писаремъ, и никогда не сожалѣлъ, что простился съ карьерой гдѣ требуется столько же лакейства сколько чванства, а всего болѣе обмана. Первое условіе дипломата соблюдать тайны, а первое условіе

публициста дѣлать все гласнымъ. Нельзя же служить двумъ божествамъ за разъ. Моя служба продлилась ровно одинадцать мѣсяцевъ, ибо я предпочиталъ зваться Колежскимъ Секретаремъ нежели Титулярнымъ совѣтникомъ, хотя во Франціи Secrétaire de Collège что-то менѣе значитъ учителя, а Secrétaire de gouvernement больше Статсъ-Секретаря.

XII.

Пробывъ четыре мѣсяца въ деревнѣ и перебивъ всѣхъ тетеревей и куропатокъ, я отправился въ Москву гдѣ познакомился съ Павловымъ, Хомяковымъ, Чеадаевымъ. Погодинъ побоялся взять самую простую статью о Дипломаціи, но помѣстилъ въ Москвитянинъ повѣсть мою Левъ. Взявъ пашпортъ у Нейдгардта, я отправился въ Кіевъ, гдѣ находился профессоромъ медицины Дерптскій мой товарищъ Козловъ. Изъ Кіева я поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ увидался съ Зайцевскимъ.

— Божинька, сказалъ онъ мнѣ, дѣлаетъ все къ лучшему.

Глубокая истина! Богъ меня никогда не оставлялъ въ минуту рѣшительную; это самое лучше счастіе. Я твердо увѣренъ, что онъ благословляетъ всякое благое дѣло. Отчего не удалось 14^{e} Декабря? Отъ того что заговорщики спрятали свое знамя, прибѣгли къ неправдѣ говоря, что хотятъ Константина когда

Константина не хотѣли и завлекли солдатъ въ то чего они не понимали.

Въ Вѣнѣ я видѣлъ безподобный портретъ Петра Великаго и отличный *Ecce Homo* Салватора представляющаго Христа чернокудрымъ Евреимъ.

Изъ Вѣны я поѣхалъ въ Тріестъ, потомъ въ Венецію, во Флоренцію, въ Римъ и въ Неаполь. Италіянскія мои впечатленія я отдалъ Баратынскому передъ отъѣздомъ его изъ Парижа въ Италію. Онъ обѣщалъ ихъ напечатать.

Со мною были въ Римѣ два уморительныя приключенія. Иной читатель скажетъ: какъ это съ вами все случаются приключенія; но еслибъ ихъ не было, не было бы и книги. Я умолчалъ слѣдующій анекдотъ, и спрашиваю васъ моя ли въ этомъ была вина? Въ Парижѣ разъ я получаю письмо изъ Берлина на Нѣмецкомъ языкѣ, на мое имя, съ запахомъ любви. Возвратившись въ Берлинъ, отыскиваю по адресу и нахожу уже пожилую и совсѣмъ не пригожую женщину. — Это я, говоритъ она. — Я получилъ письмо, которое ей и показываю. — Это мое письмо. — Вы знаете Головина? — Очень коротко. — Я Головинъ. — Я не васъ знаю. — Но другаго нѣтъ. По свѣдѣніямъ оказалось, что какой то сту-

дентъ профессорскаго института сдѣлалъ мнѣ честь завести амуретку подъ моимъ именемъ. Дурнаго онъ при этомъ ничего не сдѣлалъ, и вѣроятно по средствамъ отнесся къ старой и дурной.

Въ Римѣ я поселяюсь на Пьяцѣ Д'Еспанья, у какой-то Терезы Маручи. Выходя спрашиваю: брать ли мнѣ съ собой ключи? — Я буду васъ ожидать. Въ „вѣчномъ градѣ" театръ оканчивается въ девять часовъ; слѣдовательно я воротился рано, но какъ ни стучалъ, какъ ни кликалъ, простоялъ на улицѣ добрыя полчаса. — Ma, comme si fa questo embroglio? — Non siami vostri servi. (Мы не ваши лакеи.) — Слѣдовательно я съѣду. — Убирайтесь къ черту. — Ночью былъ такой шумъ возлѣ меня, что я на всякій случай придвинулъ Черкесскій кинжалъ, который я захватилъ съ собою въ Тулѣ. На другой день я препокойно перебрался назадъ въ трактиръ. Черезъ недѣлю, Тереза Маручи преучтиво приходитъ просить деньги за ночлегъ. Я даю ей полторы скуды и думаю, что отдѣлался отъ ней. Не тутъ-то было. Приходитъ карнавалъ, Тереза Маручи не наняла своей квартиры и меня требуютъ въ посольство. Вмѣсто посла, Гр. Потемкина, которому я былъ представленъ, принимаетъ меня Г. Сомовъ и пускается въ

толки о Маручи. Сомовъ этотъ былъ племянникомъ и секретаремъ Кривцова, но не попосольству, а для художниковъ, и даже несчитался по иностранной коллегіи. Онъ потомъ сбѣжалъ съ казною художниковъ въ Марсель и поступилъ во Французскую службу, по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Я съ тономъ начальства возражаю Сомову, что надо дать знать Терезѣ Маручи, чтобъ она не безпокоила посольство нелѣпыми жалобами, и Сомовъ видя, что не я его подчиненный, проситъ пойти къ Гр. Штакелбергу. Гр. Штакелбергъ тотъ самый, который почелъ нужнымъ перемѣнить Лютеранскую вѣру на Римскую, что не доказывало большаго ума и большой прогресивности, разсказываетъ мнѣ, что Тереза Маручи требуетъ плату за мѣсяцъ, на что я ему докладываю, что она сама согласилась, чтобъ я съѣхалъ съ ея квартиры немедленно. — Но она вамъ не довольно ясно отказала. — Ну это, Графъ, дѣло вкуса. Она мнѣ сказала: F.... voi à la porta, мнѣ же не ожидать было, чтобъ она къ словамъ присоединила дѣйствія. Черезъ недѣлю требуютъ меня опять въ посольство; но этотъ разъ уже къ Кривцову, который сразу понялъ дѣло и объявилъ, что bono gubernio будетъ извѣщено, чтобъ Тереза Маручи оставила насъ всѣхъ въ покоѣ.

Другое приключеніе было еще смѣшнѣе.

Я нанялъ ветурино до Неаполя; съ нами ѣхалъ Французъ, котораго пашпортъ не былъ визированъ; рѣшили послать его въ посольство. Я понялъ, что ждать придется долго и *con amore* направилъ свои шаги къ церкви Латранской. Вдругъ за мной бѣжитъ въ погоню солдатъ и требуетъ, чтобъ я воротился назадъ. Я ему толкую, что пашпортъ мой гласитъ, что мнѣ дается шесть дней на отъѣздъ; но потомокъ Велизарія Римскимъ своимъ тесакомъ въ ножнахъ хлопъ меня поспинѣ разъ и другой. — Это дѣло другое, пойдемъ къ капитану воротъ. — Что вамъ отъ меня угодно, спрашиваю капитана. Капитанъ себя за волосы. — Ахъ онъ оселъ, говоритъ онъ про солдата, я ему велѣлъ за вороты изъ вашей кареты никого не пускать, а онъ понялъ, что и въ городъ никого не пускать, отдалъ ружье свое проходящему солдату, да за вами въ погонь. — Часовой, которой такую вещъ сдѣлалъ бы въ другой землѣ былъ бы разстрѣлянъ. Я пойду жаловаться въ посольство. (Отъ чего Боже упаси.) — Что вамъ угодно, чтобъ я сдѣлалъ съ солдатомъ? — У васъ чай на то есть положенія. — Уставъ велитъ посадить его подъ арестъ. — За чѣмъ же дѣло стало? Посадили молодца въ башню,

а какъ мы тронулись, такъ онъ мнѣ показываетъ знаками что ему хороше. А мнѣ подавно.

Французъ оказался превеселый спутникъ, и мы съ нимъ изъѣздили всѣ окрестности Неаполя, но Неаполь мнѣ понравился меньше Флоренціи, и я поѣхалъ во Францію.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, братъ мой просилъ Уварова нельзѣ дать мнѣ какое нибудь занятіе за границей. Министръ отвѣтилъ: „У меня только литературный одинъ корреспондентъ въ Парижѣ, но я поищу какое нибудь занятіе.“ Естественно было, что пріѣхавъ въ Парижъ я освѣдомился кто этотъ счастливецъ. Толстой, говорятъ мнѣ, показываютъ его карточку, на ней преважно стоитъ: Correspondant du ministre a l'instruction publique.“ Я къ нему съ визитомъ.

— Я, говоритъ, вамъ скажу, откровенно, что я имѣю обязанностію также опровергать статьи противныя Россіи. Такъ какъ я полагалъ, что онъ авторъ замѣчаній насчетъ указа затрудняющаго выѣздъ Русскихъ за границу, то я ничего не нашелъ особеннаго въ этихъ словахъ. Онъ прибавилъ: „Я напишу Уварову, а вы съ своей стороны попросите.“ Я написалъ брату и отвѣтъ Графа Уварова былъ, что Толстой не у него, а у Графа Бенкендорфа подъ начальствомъ, и что онъ ему обо мнѣ ни-

чего не писалъ. Выходя разъ вмѣстѣ отъ Князя Петра Долгорукова, Толстой меня и спрашиваетъ объ рѣшеніи Уварова. Я докладываю: незнаю долженъ ли ему сказать, но такъ какъ онъ одобрилъ, то я и бухнулъ. Толстой мой почернѣлъ до волосъ.

Бутовскій потомъ имѣлъ препорученіе мнѣ сказать, что Толстой себѣ выговорилъ объ частныхъ дѣлахъ Начальнику III^го^ отдѣленія ничего не писать. Что Толстой былъ замѣшанъ въ 14^ъ^ числѣ я это зналъ давно и что онъ написалъ брошюру въ пользу Паскевича, которая его помирила съ правительствомъ было также извѣстно. Слѣдовательно удивленіе мое было велико когда Мухановъ разъ мнѣ сказалъ, что я поступилъ съ нимъ дурно, разсказавъ Исторію Толстаго. Когда именно Толстой написалъ въ *Quotidienne*, что въ *Russie sous Nicolas Ier* кромѣ анекдотовъ ничего нѣтъ, то я отвѣтилъ ему въ *Corsaire* его анекдотомъ. Но Г. Муханову надо было сердиться на Толстаго, а не на меня. Волконскаго любовница жила съ однимъ изъ моихъ близкихъ родственниковъ. Мухановъ (коротко-рукій) мнѣ ничего не разсказалъ чего я не зналъ или не узналъ отъ другихъ. А я могу разсказать кое что чего онъ не знаетъ, а именно о его братцѣ въ Варшавѣ. Что онъ Князя Паскевича винитъ въ воровствѣ, это онъ

дѣлаетъ очень хорошо, что Кн. Горчаковъ во всемъ на него полагается до такой степени, что когда С.... пришелъ просить руку его дочери, Князь отвѣтилъ: Спросите Муханова, это дѣло Кн. Горчакова, но что дочь Муханова въ Петербургѣ властна, это не хорошо.

Лѣто 1842 года я провелъ въ Баденъ-Баденѣ, и на волоскѣ висѣло, что я не поѣхалъ на зиму въ Мюнхенъ, отъ чего вся моя участь сдѣлалась бы совершенно другою; но я воротился въ Парижъ и принялся издавать Духъ Политической Экономіи, по Французски; ибо такого роду книга на Русскомъ языкѣ и сотни читателей не нашла бы. Издатель Мальтуса и Рикардо въ Парижѣ мнѣ сказалъ: „Во всей камерѣ Депутатовъ нѣтъ и десяти человѣкъ, которые бы занимались наукою государственнаго хозяйства.“

Для личной безопасности, я однакожъ почелъ долгомъ отнестись къ Гну Толстому.

Мнѣ во время оно, сказалъ онъ, было препоручено снестись съ Демидовымъ, по случаю статей, которыя онъ писалъ въ *Journal des Débats* и пригласить его прекратить такого роду публикаціи. Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ станутъ преслѣдовать; коли не то ни се, будутъ смотрѣть сквозь пальцы, а если

она будетъ въ пользу Россіи, то васъ могутъ и наградить.

— Могу ли я положиться на васъ?

— Вы можете принять мои слова за офиціальныя.

Около этого времени Глинка, братъ адъютанта Чернышева, секретарь нашей миссіи въ Швеціи, выдалъ въ Парижѣ: Философію права. Ему за это никакихъ непріятностей не было, и онъ теперь посломъ въ Бразиліи. Зачѣмъ же у Русскаго Правительства двѣ мѣры и два вѣса?

Кн. Петръ Долгоруковъ поссорился въ Парижѣ съ Нарышкиной и обѣщался ей насолить.

— Que peut me faire ce polisson, сказала она, а онъ взялъ да напечаталъ брошюру о главныхъ дворянскихъ Русскихъ домахъ, гдѣ увѣрялъ, что имя Нарышкиныхъ происходитъ отъ Ярыги.

Я узналъ о существованіи этой брошюрки, когда Князъ прислалъ мнѣ ее на домъ, подъ именемъ Графа Алмагро, а въ Петербургѣ мнѣ и Князю вышелъ вмѣстѣ приказъ воротиться въ Россію.

Вотъ какъ было дѣло:

Графъ Бенкендорфъ послалъ къ моему брату адъютанта распросить, что я за человѣкъ. Братъ надѣлъ мундиръ и поѣхалъ къ Графу.

— Братъ мой, говоритъ онъ, отличный

человѣкъ, неспособный ни на какое черное дѣло. Но онъ воспитывался за границею и не раздѣляетъ нашего образа мыслей.

Какъ будто Бенкендорфъ не зналъ, что я воспитывался въ Дерптѣ, а любезный ротмистръ не разсудилъ, что за не раздѣленіе общихъ мыслей, у насъ людей ссылаютъ въ Сибирь.

— Воротится ли вашъ братъ?

— О да (братъ не помнилъ, что разъ грѣясь у комина, онъ мнѣ сказалъ: „Если тебѣ все у насъ не нравится, зачѣмъ ты не эмигрируешь“! Странныя слова.)

Коли вашъ братъ добръ, то напишете ему, что я его буду защищать (Хорошая преспектива!), но что послушаніе будетъ ему зачтено.

Государь увидавъ брата во дворцѣ спросилъ:

— Что у тебя за братъ въ Парижѣ?

Братъ мой поклонился. Изъ этого сдѣлали исторію, что будто Государь его взялъ за руку, подвелъ къ окну, сказалъ: „Я все знаю, напиши брату, что ему бояться нѣчего, но что воротиться надо.“

XIII.

Я не знаю вѣрите ли вы во сны? Я имѣю эту слабость.

Разъ мнѣ снилось въ Петербургѣ, что я вхожу въ Парижѣ въ foyer de l'opera и кто-то, указывая на меня, говоритъ: — Вотъ Русскій эмигрантъ. Я разсказалъ этотъ сонъ брату Михайлѣ, а онъ мнѣ отвѣтилъ: „Тѣмъ и кончится."

Другой разъ мнѣ снилось, что я привязалъ погремушки къ хвостамъ животныхъ похожихъ на кошекъ. Они ужасно засуетились, стали бѣгать въ кружокъ. Вдругъ поднялся голубь, и сталъ ихъ безжалостно преслѣдовать, покуда одно изъ нихъ упало мнѣ на глазъ, лапами вверхъ, и я проснулся. Раскрывъ глаза, я догадался, что эти кошки представляютъ Гг. министровъ, которымъ я привяжу смѣхъ и страмъ. Но кто голубь?

23го Февраля 1843 г. въ Парижѣ снилось

мнѣ, что огромная кошка голубая, стоя на заднихъ лапахъ плевала мнѣ въ лице. По цвѣту я догадался, что это тайная полиція. Я записалъ число и вышло, что приказъ мнѣ воротиться былъ подписанъ Несселроде 23го Февраля.

Получивъ увѣдомленіе о предстоящей грозѣ, я пошелъ къ Долгорукому, онъ ни объ чемъ не былъ извѣщенъ и струхнулъ, но вечеромъ былъ у Ламартина и дня черезъ три, Балабинъ мнѣ говорилъ. — Я не понимаю какъ у Ламартина узнали о вашемъ дѣлѣ прежде посольства.

Еслибъ мнѣ сказали: Вы хотите издать книгу, подайте ее въ цензуру, я бы повиновался; но карты подъ столъ и я подъ столъ, и рапортуюсь больнымъ.

Долгоруковъ встрѣтивъ меня говоритъ: Мы Русскіе, намъ надо ѣхать, на что я отвѣтилъ: Мнѣ становятъ піэдесталъ, я на него взойду. Въ *Débats* статья выходитъ объ одномъ Долгорукомъ и къ нему приходитъ Тянскій. Онъ запираетъ дверь на ключъ и говоритъ, что онъ отрекнется отъ своего изданія и предлагаетъ денегъ бѣднымъ Полякамъ, которыхъ Тянскій не беретъ. Воротившись же онъ объявляетъ Дубелту, что я пріѣду когда узнаю что съ нимъ ничего не сдѣлали. Его ссылаютъ въ Вятку, а я ѣду въ Котре гдѣ встрѣчаю

семейство одного изъ нашихъ министровъ. Одно слово, и я взошелъ бы въ ихъ семейство и носилъ-бы звѣзды; но я предпочелъ крестъ свой, и матушка ихъ сказала брату, воротясь въ Петербургъ: — Что вашъ братъ за медвѣдь!

Когда я вородился въ Парижъ, Графъ Константинъ Бенкендорфъ приходитъ ко мнѣ. — Я говорилъ о тебѣ съ Дубельтомъ передъ отъѣздомъ и спрашивалъ могу ли я дать тебѣ честное слово, что съ тобою ничего не случится? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что они разбирали твою книгу и ничего въ ней не нашли. Я спросилъ не поговорить ли мнѣ съ дядью, но онъ отвѣтилъ: не за чѣмъ безпокоить. Я оставилъ твоего брата и его жену въ слезахъ. Гумбольдтъ писалъ объ тебѣ Государю, говоря, что преслѣдованіе твое не дѣлаетъ добра, что книга твоя хороша. Государь тебя знаетъ, твоя карьера вѣрна. Мой дядя не могъ поступить иначе. Еслибъ былъ доносъ изъ Россіи, онъ бы его замялъ, но изъ заграницы нельзя.

Столыпинъ говорилъ: — Поѣдемъ вмѣстѣ, мой дядя Мордвиновъ въ восхищеніи отъ твоей книги.

Я укладывался, вдругъ приходитъ грубое письмо отъ Дубельта. Я его показываю Бенкендорфу.

— Partez, mon ami.

Столыпинъ говоритъ: Я скажу Дубельту, за чѣмъ онъ пугаетъ людей.

Я зашелъ къ Белизеру у котораго мнѣ сказали что моя книга запрещена въ Россіи.

Я вижу Толстаго въ театрѣ возлѣ Кокошкина, онъ мнѣ говоритъ, что ему отъ Бенкендорфа былъ выговоръ зачѣмъ онъ защищалъ мою книгу развѣ, не читалъ предисловія.

Отъ Графа Несселроде запросъ: когда я ѣду? На это я отвѣчаю, что я беру уроки въ чистописаніи. Подъ судъ за государственную измѣну и не послушаніе! Но вѣдь я уже не былъ подъ начальствомъ Гр. Несселрода.

Я вижу Опочинина, онъ мнѣ говоритъ, что во всемъ виноваты мои братья; вижу Кудрявскаго (тотъ и другой уже не въ живыхъ), онъ мнѣ сообщаетъ, что Графъ Несселроде сказалъ: Pourquoi m'a-t-il mêlé dans toute cette affaire? Эти Господа хотятъ вредить людямъ оставаясь въ сторонѣ.

Я издалъ въ 1844ъ году Науку Политики. Балабинъ говоритъ, что статья о Дипломаціи Шаривари; но развѣ сама дипломація не Шаривари?

Въ Академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ, Г. Иполитъ Пасси, бывшій министръ финансовъ отдаетъ отчетъ о моей Политической Экономіи и говоритъ, что это лучшее

руководство. Бланки возражаетъ, что я не снисходителенъ къ моимъ предшественникамъ, хотя объ немъ говорю весьма лестно. Дрозъ отвѣчаетъ, что я правъ касательно Мальтуса теоріи о народонаселеніи.

У Графини Кастеланъ Киселева спрашиваютъ: Что вы это дѣлаете съ Головинымъ?

— Помилуйте ничего, онъ можетъ возвратиться въ Россію.

Въ *Gazette de France* на это является грозная статья. Балабинъ приходитъ въ редакцію спросить отъ кого эта статья. — Изъ портфеля самаго Г. Женуда, отвѣчаютъ ему. Если Г. Балабину такъ интересно знать, я могу долотить ему, что статья эта была подана Маркизомъ Пина, который служилъ въ нашей Гвардіи. Балабинъ говорилъ: — Если бъ Головинъ поѣхалъ въ Россію, онъ бы узналъ, чего отъ него хотѣли. Графъ Бенкендорфъ увидавъ брата моего у Гр. Разумовской. говоритъ: „Напишите вашему брату, что Государь привыкъ чтобъ его слушались и не любитъ, чтобъ съ нимъ шутили, что достаточно одного Его слова, чтобъ онъ получилъ приказаніе отъ Луи Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа“.

Я прошу аудіенціи у Французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, Дюшателя. Меня принимаетъ его секретарь Маке. Я ему по-

казываю письмо, говоря: — Если вы не можете меня защитить, благоволите сказать, я уѣду въ Лондонъ.

— Я надѣюсь, отвѣчаетъ онъ что Русское правительство не потребуетъ вашей высылки. Одного слова не достаточно. Вы можете печатать Политическихъ Экономій сколько вамъ угодно. Мы не входимъ въ мелочныя ненависти.

Въ скоромъ времени послѣ того въ *Gazette des Tribunaux,* выходитъ извѣстіе, что за отказъ воротиться въ Россію, да за революціонерныя книги Бакунинъ да я отданы подъ судъ. На это я отвѣчаю, что книги мною изданныя не имѣютъ направленія, которое Русское правительство хотѣло бы имъ придать, а Бакунинъ ничего не издалъ; что же касается до права пребывать за границею, то оно упрочено за Русскимъ дворянствомъ различными грамотами и не можетъ быть отнято послѣдующими указами. Бакунинъ не понявъ значенія моихъ словъ отвѣтилъ, что онъ публиковалъ кое что, а что Михайло Феодоровичъ Романовъ не давалъ никакой грамоты Русскому дворянству. . .

Черезъ нѣсколько дней приходитъ ко мнѣ чиновникъ Дюшателя и проситъ объясненія насчетъ статьи помѣщенной обо мнѣ въ Gazette des Tribunaux. Я ему даю нумеръ той же газеты съ моимъ отвѣтомъ и экземпляръ

„Духа Политической Экономіи“ съ надписью: Автору Законной благотворительности. Мои преслѣдователи остались съ носомъ. Встрѣтивъ же Бакунина у Н. И. Тургенева, я ему сказалъ: Во время оно два Французскіе попа эмигрировали въ Бельгію и безпрестанно ссорились“. — Не будемте этими попами, возразилъ Бакунинъ подавая мнѣ руку, и мы никогда не спорили болѣе ни объ чемъ, уважая мнѣнія одинъ другаго.

Какъ-то я встрѣчаю Флигель-Адъютанта Чернышева.

— Что ваши братья дѣлаютъ? спрашиваетъ онъ меня.

— Сердятся все зато что я имъ врежу по службѣ.

— Что за пустяки, Пестеля повѣсили, а брата его сдѣлали Флигель-адъютантомъ.

— Да меня-то не повѣсили и надѣюсь никогда не повѣсятъ.

Вечеромъ видитъ онъ общаго пріятеля и говоритъ ему, что мои братья за меня страдаютъ.

Это еще ничего а то другіе перестали вы совсѣмъ мнѣ кланяться. Секретарь Бутовскаго вздумалъ не отдать мнѣ моего поклона въ Италіянской оперѣ. Я подошелъ къ нему и велѣлъ ему снять шляпу. Онъ было мнѣ вызовъ

посылалъ, да обдумался, пришелъ ко мнѣ на домъ увѣряя, что онъ меня уважаетъ.

Курскій Головинъ въ это время просился за границу и ему отказывали въ пашпортѣ принимая его за моего родственика. Брата моего также было не пустили, но онъ написалъ письмо Михайлу Павловичу и пріѣхалъ со мною на свиданіе въ Брюссель.

— Ты себя ни за что погубилъ.

— То покажетъ будущее.

— Да напиши Государю письмо.

— Я Опочинину показывалъ твое черновое начинающееся, этими словами: „Цѣлой моей жизни не достанетъ, чтобы загладить мою вину.“ Твой товарищъ полагаетъ, что я такого письма написать не могу.

— Какой ты либералъ? вѣдь я знаю за что ты не воротился.

Онъ намекалъ на то, что у себя за обѣдомъ мнѣ давалъ ершей а себѣ клалъ стерлядь изъ ухи, или на то, что передъ гостями ставилъ Лафитъ а передо мною простое вино. Но я былъ выше такихъ пустяковъ.

Когда меня судили въ Сенатѣ, Мордвиновъ замѣтилъ, что мнѣ не дѣлали трехъ формальныхъ вызововъ, на что Государь отвѣтилъ: „Принять письма Гр. Бенкендорфа за формальные вызовы“. Тогда меня приговорили къ

ссылкѣ въ Сибирь, а Государь помиловалъ на вѣчную каторжную работу. Бросились искать моихъ имѣній, да не нашли. Долгорукаго же возвратили изъ Вятки въ Москву для того чтобъ сдѣлать различіе между послушнымъ и непослушнымъ. Потомъ чувствуя всю нелѣпость приговоровъ отсутствующимъ за то что они въ отсутствіи, Русскіе Солоны издали приказаніе впредь такихъ не судить, а смотрѣть на нихъ какъ на граждански умершихъ.

На смерть Баратынскаго я помѣстилъ нѣсколько строкъ въ *Journal des Débats*, и вдругъ получаю изъ Флоренціи письмо отъ брата: „Я вчера былъ у Графа Орлова и меня привѣтствовали этими словами: Вашъ братъ сдѣлалъ новую мерзость, онъ написалъ, что страданія участь людей способныхъ въ Россіи“.

Изъ Рима онъ мнѣ писалъ: Я видѣлъ сонъ, ты несся съ лошадьми въ пропасть.

На другой день, я нашелъ объясненіе этого сна въ *Débats*, которые извѣщаютъ, что ты печатаешь книгу объ Россіи. Ради Бога не дѣлай этого, и я тогда тебя никогда не оставлю“.

Каждый долженъ быть счастливъ на свой ладъ, сказалъ Фридрихъ Великій.

И — о мнѣ говоритъ: Простите имъ великодушно, не печатайте вашей книги, вѣдь Государя параличъ разобьетъ.

— Не бойтесь, силенъ, вынесетъ.

Б — ъ приѣзжалъ рекомендоваться сродни и уговаривать не писать, ибо лаской дѣлается больше нежели бранью, какъ будто мы недовольно валялись въ ногахъ нашихъ Царей.

Камергеръ Пелчинскій одинъ меня поддерживалъ въ моемъ предпріятіи, что должно доказать правительству, какъ мало оно можетъ полагаться на своихъ агентовъ.

Въ Маѣ 1845 г. вышла „Россія подъ Николаемъ.“ Кюстинъ побѣжалъ съ нею въ *Débats,* говоря: — Вотъ Русскій, который меня оправдываетъ во всемъ. Женудъ писалъ: Вы не любите жужжаніе мухи, вотъ вамъ кулакъ я по лбу. Journal de Commerce говорилъ: Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: „Въ правый глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце.“ *Revue Indépendante* писала: Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору.

Corsaire-Satan говорилъ: „Надо чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адрессовать противъ ней такой протестъ Европѣ.

Г.... ій сказалъ: „Черезъ пятьдесятъ лѣтъ Русскіе оцѣнятъ эту книгу“.

Гречъ сказалъ: — Что не выдумано то переврано, а Шатобріанъ: — Cette préface est touchée de main de maître.

Киселевъ пробовалъ распустить слухъ, что я у него просилъ мѣсто — вѣрно Швейцара посольства.

Книгу мою перевели на Шведскій и на Испанскій, на Венгерскій и на Греческій языкъ.

Обыкновенно думаютъ, что я былъ приговоренъ за „Россію подъ Николаемъ“; но это было моя первая каторжная работа.

XIV.

Николай Павловичъ былъ въ Лондонѣ въ 1845 г. и не понялъ, что „журналы его поссорили съ народомъ не за тарифъ, а за Польшу, и что послѣ порабощеніи Вентріи, ему не позволяютъ ходить по чужимъ Королевствамъ.

Преслѣдованіе Уніатовъ его совершенно теряло въ общественномъ мнѣніи[1]). Онъ воротился за деньгами, взялъ деньги православной церкви назначенныя было на жалованье духовенству и поѣхалъ въ Сицилію. Въ Прагѣ онъ послалъ адъютанта за моей книгой, запершись въ вагонъ и до Вѣны, т. е. четыре часа

---

[1]) Въ церкви Св. Петра онъ написалъ въ куполѣ: „За матушку Россію молился Николай". Если бъ молитва эта была сердечна и принята Богомъ, то потомству не остался бъ этотъ памятникъ.

Въ Веронѣ, онъ такъ боялся быть убитъ Поляками, что колотилъ стѣны дома гдѣ остановился, чтобы видѣть не спрятанъ ли убійца въ стѣнахъ, ѣдъ только свое холодное кушанье и спалъ съ собакой въ комнатѣ.

не выпускалъ ее изъ рукъ. Слѣдовательно я имѣлъ долгую аудіенцію; но самой глухой тотъ кто не хочетъ слышать. Въ Генуѣ его посѣщаетъ Графъ Бриньола, который былъ чрезвычайнымъ Сардинскимъ посломъ при коронаціи въ Москвѣ, въ 1826 г. Государь, разсказывалъ Графъ, былъ такъ милостивъ, что принялъ его полоская ротъ. (Графъ принималъ за милость недостатокъ учтивости). Разговоръ упалъ на Кюстина. (Не за долго передъ тѣмъ Царь читалъ Кюстина во дворцѣ, и бросилъ книгу на полъ, сказавъ: „Моя вина, зачѣмъ я говорилъ съ этимъ негодяемъ“) — Кюстинъ, сказалъ Государь, Французъ, онъ можетъ писать что хочетъ объ Россіи. Но я не знаю, слыхалили вы объ другой книгѣ? Онъ назвалъ мою. Что его болѣе всего бѣсило, это заглавіе: Россія подъ Николаемъ; за чѣмъ не Россія въ блаженное царствованіе Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго и. пр. пр. Я знаю его братьевъ, прибавилъ онъ, они люди честные, а онъ пишетъ мерзости объ своей землѣ. Пѣна выходила ему изо рта. Бриньола испугался и сказалъ: „Одинъ дурной, Ваше Величество, изъ 60 милйоновъ хорошихъ“.

Пельчинскій хоть говорилъ мнѣ: — Вы одни изъ 60 милйоновъ изобличили неправду.

— Острякъ Французъ повторилъ мнѣ извѣстную фразу:

— De quel pays êtes-vous donc pour dire tant de mal du vôtre? (Какой-же вы земли, чтобъ говорить такъ дурно объ вашей?)

— De celui-là dont je dis tant de mal, au danger de perdre votre estime. (Той самой, объ которой я говорю такъ дурно, не смотря на опасность потерять ваше уваженіе.)

Мнѣ впрочемъ были памятны стихи Ламартина:

Je suis concitoyen de tout homme qui pense,
La vérité c'est mon pays[1]).

Доказательствомъ, что Государь ставилъ свою личность выше отечества послужитъ слѣдующій, анекдотъ который Гр. Орловъ разсказывалъ Жеребцовой, матери своей жены.

Разъ вечеромъ въ шлафоркѣ Николай Павловичъ ходилъ по комнатѣ при Графѣ (нынѣ Князѣ). Вспоминая, что Кюстинъ сказалъ, что животъ у него сливается съ грудью, такъ что нельзя узнать гдѣ одинъ оканчивается и гдѣ начинается другая, раскрылъ онъ халатъ и хлопай рукою сказалъ: „Развѣ это не животъ, а это не грудь“? Потомъ раскрывъ шкафы и вы-

[1]) Я согражданинъ того кто мыслитъ.
Истина, вотъ отчизна моя.

бросивъ бумаги на столъ, сказалъ: „Пускай мерзавецъ придетъ покажетъ гдѣ я писалъ мнѣ безъ ѣ? Ну, послѣднее было сказано Статсъ-секретаремъ Бароном Модестомъ Корфомъ, тѣмъ самымъ кому потомъ препоручено было описать восшествіе на престолъ Николая Павловича — новое доказательство какъ мало можно полагаться на приверженцевъ такаго рода.

Само это описаніе стольже не удачно сколько опроверженіе онаго издателями Лондонской Полярной Звѣзды. Эти господа напрасно перепечатали отчетъ комиссіи въ возраженіе Барону Корфу. Они говорятъ, что пора оставить пошлое это воззрѣніе утверждающее, что тайныя общества въ Россіи были сдѣланы въ подраженіе Нѣмецкимъ. По развѣ сама Полярная Звѣзда въ Лондонѣ не подражаніе Звѣзды Рылѣева и др?

Я еще не терялъ надежды воротиться въ Россію, при Наслѣдникѣ, но надо было упрочить мое положеніе за границею. Я взошелъ съ просьбою быть натурализированымъ во Франціи, хотя въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, въ Парижѣ, мнѣ сказывали, что никого не натурализируютъ безъ согласія Государства которому проситель принадлежитъ. Министръ Юстиціи мнѣ отвѣтилъ, что просьба моя не можетъ быть представлена на разрѣшеніе Ко-

роля. Я сходилъ съ этимъ рѣшеніемъ къ Ламартину.

— Что я могу сдѣлать, сказалъ онъ, рѣчь въ Палатѣ Депутатовъ? Министръ отвѣтитъ мнѣ съ какимъ нибудь закономъ въ рукахъ, объ существованіи котораго я не знаю. Сходите отъ меня къ Одильонъ Барро, онъ знаетъ законы. Пошелъ я къ Одильонъ Барро. При имени Ламартина, онъ всякій разъ приподнималъ свою бархатную шапочку, и наконецъ сказалъ: „Если преніе завяжется о Польшѣ, то я вамъ обѣщаю взять слово за васъ". Точно Польша имѣла какую нибудь связь съ моимъ дѣломъ. Консервативной депутатъ поговорилъ съ министромъ (garde des sceaux), который отвѣтилъ:

— Отвѣчаете ли вы за то, что Головинъ будетъ Французомъ по сердцу? Человѣкъ который „сжегъ свои корабли" для Россіи будетъ ее всегда любить больше Франціи.

На ту пору мнѣ прислали 40,000 фр. изъ Россіи. У меня было долгу тысячъ на десять. То было время „горячки желѣзныхъ дорогъ". Утверждали, что смѣты привительства о вѣроятномъ ихъ доходѣ сдѣланы ниже того что сбудется. Я взялъ акцій, но держать ихъ когда ихъ цѣна Мѣнялась каждый день, было врядъ ли возможно. Родшильдъ меня непре-

дувѣдомилъ когда ему вздумалось произвести бессу, я потерялъ тысячъ двадцать. Это ни что въ сравненіи съ потерею другихъ. Я выигралъ знаніе биржи, которая не входитъ въ разсмотрѣніе политической экономіи, написалъ статью и отдалъ ее Воловскому, у котораго она и осталась. По мнѣ ничего не прощалось, и Шевыревъ, встрѣтившись на улицѣ въ Москвѣ съ Герценомъ, подбѣжалъ къ нему съ радостною вѣстію: „Каковы ваши! Головинъ проигралъ все свое состояніе на биржѣ въ Парижѣ!“ Мнѣ въ этомъ помогъ совѣтами Пельчинскій, бывшій любимецъ министерши финансовъ. Вскорѣ мнѣ удалось его уличить. Терлецкій мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ у него на биржѣ письмо отъ III^го^ отдѣленія. Не за долго передъ тѣмъ, Малитурнъ спрашивалъ меня объ Обресковѣ и говорилъ, что Французское правительство не терпитъ пребыванія тайныхъ агентовъ и что потому и Товянскій былъ высланъ изъ Франціи. Я успокоилъ его на счетъ Обрескова, но обротилъ оружіе противъ Пельчинскаго. Камергеръ мой перепугался:

— Товянскаго, говоритъ, не за то выслали.

— Да какія вы это бумаги изъ III^го^ отдѣленія получаете?

— Это запросы о Финансахъ.

— На то есть Корреспондентъ Министра Финансовъ.

Я вамъ покажу письма Гр. Орлова.

Пельчинскій приходитъ на другой день.

— Какъ это вамъ не стыдно Головинъ, вы мой пріятель, а позволяете меня звать шпіономъ. Вѣдь этимъ Господамъ можно дать въ лице.

— Можно, я и васъ буду защищать если вы мнѣ покажете вашу переписку.

— Да развѣ я не писалъ книгу противъ Россіи?

— Ваша оппозиція останавливается у подножія престола[1]).

Да вѣдь Государь мнѣ дурака сказалъ („Зачѣмъ ты посылаешь ко мнѣ дежурными дураковъ камергеровъ, сказалъ онъ Волконскому, когда Пельчинскій пришелъ ангажировать Марью Николаевну отъ Барона Баранта, не соблюдая должныхъ титуловъ).

— Онъ иному генералу и матюга загибаетъ. Да гдѣ бумаги ваши?

— Я раздумалъ, я не могу вамъ ихъ показать.

---

[1]) Книжка эта была подписана не его именемъ, а „Государственнымъ мужемъ“, и Государь про нее сказалъ: Вотъ еще дуракъ, который мнѣ дастъ совѣты.“

— Ну такъ я съ вами и знакомства продолжать не могу.

Я въ это время писалъ въ *Corsaire-Satan* Русскій курьеръ, и Луи Филиппъ помиралъ со смѣху („se tenait les côtes de rire“) отъ моихъ анекдотовъ объ Николаѣ. Какъ-то ко мнѣ заѣхалъ Алексѣй Гречъ, который женился на женѣ Брюлова, и потомъ скончался.

— Меня, говоритъ, въ отсутствіи батюшки, потребовалъ къ себѣ Дуббельтъ; показываетъ *Corsaire*. „Глядите, что объ насъ пишутъ, сказалъ онъ въ иступленіи“. Я его утѣшилъ словами: вѣдь это не всѣ такъ думаютъ, а одинъ только журналъ.

Анекдотъ про Александровскую губу и двухъ купающихся женщинъ, которыхъ Государь перепугалъ голыхъ и послалъ къ Коменданту Захоржевскому былъ особенно удаченъ.

Я какъ то вижу сидитъ Захаръ Алексѣевичъ Хитрово у Café de Paris возлѣ Обрескова. Я ему преучтиво кланяюсь, а онъ мнѣ кивокъ; я преучтиво спрашиваю о здоровье, а онъ мнѣ кивокъ.

Павель Матвѣевичъ Толстой со всѣмъ не то.

— Какъ вамъ это не стыдно, говоритъ онъ мнѣ на улицѣ, съ вашимъ ли именемъ писать такія вещи? Вы огорчаете ваше семейство, и что это вамъ приноситъ? Развѣ вы

думаете, что мы незнаемъ, что вы пишете, вѣдь мы все знаемъ, да вы только бѣсите Государя.

— Кто вы, сколько васъ? Пять тысячъ человѣкъ счастливыхъ, а остальные? Развѣ за нихъ и голоса не надо подымать?

— У васъ ужъ голова съ молоду этимъ набита, васъ не исправить.

Курьеровъ сидитъ возлѣ меня за столомъ въ Hôtel de Mirabeau и заводитъ разговоръ объ эмигрантахъ. — Вѣдь это, говоритъ, кукишь въ карманѣ показывать. Разговоръ нашъ на другой день стоитъ въ Сатанѣ. Курьеровъ бѣжитъ въ редакцію.

— Что вы это со мною дѣлаете, да вы меня губите.

— Какъ, что?

— Да зачѣмъ вы мое имя-то поставили?

— Какое имя?

— Курьеровъ.

— Г. Головинъ пишетъ цѣлый годъ Русскій курръеръ, такъ мы думали, что онъ только въ шутку прибавилъ овъ.

— Со всѣмъ нѣтъ, мой отецъ былъ курьеромъ Константина Павловича въ Варшавѣ и. Е.В. насъ облагородилъ подъ именемъ Курьеровыхъ.

— Весьма жалко, но мы никакъ не могли догадаться. Другой оригиналъ Г. Песоцкій, издатель театральнаго Пантеона и пр. пр., при-

сталъ ко мнѣ, чтобъ я за него поручился у часовщика. Денегъ въ срокъ, какъ водится, не прислалъ. Меня вели въ тюрьму, я заплатилъ вдвое, а Г. Песоцкій высылая долгъ объявилъ, что касается до издержекъ, то я долженъ былъ ихъ предупредить, точно я его банкиръ или коммиссіонеръ.

Лѣтомъ 1846 г. я поѣхалъ съ Созоновымъ въ Лондонъ. Откуда ни возьмись и Толстой и Пельчинскій тамъ. Послѣдній идетъ въ Польскую Централизацію и говоритъ: — Меня очернили, но я честный человѣкъ. Однажды приходитъ къ нему Бернацкій и спрашиваетъ: — Чѣмъ вы это заняты?

— Ищу разрѣшеніе Польскаго вопроса.

— Русское правительство разрѣшило вѣдь этотъ вопросъ штурмомъ Варшавскимъ.

Стараніями Лорда Стуарта, въ шесть недѣль я былъ натурализированъ Англичаниномъ совсѣми правами туземца, исключая права быть членомъ Парламента и Частнаго Совѣта. Но разумѣется еслибъ меня выбрали въ Палату, то я былъ бы утвержденъ въ этомъ качествѣ. *Siècle* сдѣлалъ изъ этого укоръ Французскому правительству, а Графъ Несселроде, прочитавъ статью, отмѣтилъ ее краснымъ корандашемъ и послалъ ее съ курьеромъ къ Государю. Русское правительство дѣлало за то выговоръ Анг-

лійскому и когда я хотѣлъ поднесть Принцу Альберту экземпляръ слѣдующаго моего сочиненія: *Types et Caractères russes,* то онъ отказался принять его, но это потому что у него правило не принимать подарковъ, ибо онъ не довольно богатъ, чтобы отдаривать.

Пельчинскій мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ Ость-Индію, какъ въ новую страну гдѣ бы я нажилъ себѣ состояніе, а братья мои предложили мнѣ втроемъ полторы тысячи ассиг. въ годъ, съ тѣмъ, чтобъ я никогда ничего не писалъ про Россію. При первой же страницѣ пансіонъ прекратился бы и я бы ничего объ нихъ не слыхалъ. Я продалъ Записки Русскаго Священника за 4000 франковъ, и заключилъ контрактъ на Исторію Россіи за 12000 фр. и изъ Rue de la Madeleine персѣхалъ въ Rue de Milan.

Изъ Французскихъ литераторовъ я больше всѣхъ видалъ въ это время Шапюса и Гозлана. Понсара я встрѣчалъ у Мадамъ д'Ансело и у Графини д'Агу, гдѣ я познакомился и съ Гервегомъ. Теофиль Готье ходилъ въ диванъ Оперы.

Изъ курьезныхъ Русскихъ были въ это время Стремоуховъ и Сомовъ. Первый выдавалъ себя за офицера, который замахнулся саблей на бригаднаго командира и былъ сосланъ солдатомъ на Кавказъ, откуда онъ бѣжалъ въ

Парижъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ былъ полковымъ писаремъ, родомъ изъ Польскихъ Губерній. Онъ взималъ хорошую дань съ Русскихъ, но дѣлалъ все разныя проказы. Префектъ Полиціи прислалъ разъ спросить у меня свѣденіе объ этомъ человѣкѣ, который выдавалъ себя за моего секретаря. Я объявилъ, что я его избавлю отъ него, и черезъ Давыдова и Себастіани опредѣлилъ его въ иностранный легіонъ, въ Африку.

Сомовъ пустился дѣлать фальшивыя Русскія асигнація, и попалъ въ тюрьму, изъ которой онъ бы и не вышелъ безъ революціи 1848 г. У многихъ его знакомыхъ дѣлали обыски, но ко мнѣ не приходили, уваженіе за которое парижской полиціи я былъ внутренно благодаренъ.

Я охотнѣе всего ѣздилъ въ Парижѣ въ Англійское общество. Дочь одного Лорда была ко мнѣ не равнодушна, но была не много хвора и не очень мила. Однажды она мнѣ говоритъ:

— Какъ бы я хотѣла знать по Французски какъ вы.

— Угодно вамъ учить меня по Англійски, я васъ буду учить по Французски.

— Извольте, но съ условіемъ, что вы примете плату.

У меня языкъ прилне къ гортани.

Какъ-то артистъ откупался отъ конскрипціи и давалъ концертъ въ Сян-Рокѣ. Мнѣ навязали кучу билетовъ. Куда дѣвать, коли не Англичанамъ сбывать? Посылаю полдюжины къ моему лорду. Онъ отвѣчаетъ, что у него есть больные дома, что онъ беретъ три билета и дастъ мнѣ знать въ середу возьметъ-ли остальные три. Проходитъ нѣсколько середъ, отвѣта нѣтъ; я заплатилъ 35 фр., какъ вдругъ приходитъ пакетъ съ 6 билетами и 15 франками. Надо очень хвастаться щедростію; я отослалъ деньги назадъ, а билеты сжегъ.

Между забавными знакомыми, была Гжа Вейсъ, урожденная Княжна Бонапарте. Она была въ разводѣ съ мужемъ своимъ, Англійскимъ посломъ въ Аѳинахъ, какъ-то топилась въ Серпантинѣ въ Лондонѣ, но не утонула. Сестра ея развелась съ Лордомъ Дудлей Стуартомъ, а съ дочерью ея Сѣдоминой былъ я на короткой ногѣ, но раздѣлялъ эту честь со многими другими.

Въ Ноябрѣ 1847го года, на Польскомъ митингѣ, Бакунинъ прочелъ свою извѣстную рѣчь, и былъ за нее высланъ изъ Парижа. Въ палатѣ депутатовъ Гизо за это потрепали, и чтобъ поправить ошибку, Дeба напечатали статью о моихъ книгахъ, говоря, что если я дурной

патріотъ, то и Лесажъ и Лабрюеръ дурные Французы, потому что и они съ умомъ изобличали недостатки своихъ соотечественниковъ. Киселевъ жаловался на эту статью, и продолженіе никогда не вышло.

У Графа Красновскаго бывали вечера; на одномъ изъ нихъ Графъ Островскій читалъ трагедію свою „Гризельда“, и просилъ меня поговорить объ этомъ чтеніи въ Корсеръ-Сатанѣ. Я упустилъ титулъ Красновскаго, онъ завязалъ со мною переписку, дѣло доходило до дуэли, но окончилось обѣдомъ въ *Café Anglais*, и Красновскій заказалъ своимъ людямъ иначе обо мнѣ не докладывать какъ объ князѣ Ховрѣ, отъ котораго Головины ведутъ свое происхожденіе.

XV.

Въ политикѣ если горы часто рождают мышей, то изъ мухъ иногда дѣлаются слонь Изъ банкета вышла Революція Февральска Бенжаменъ Делессеръ писалъ Луи Филиппу ве черомъ 22го числа, что все состоитъ благопо лучно. Барошъ, которому крѣпко хотѣлось пе реворота, гуляя по улицѣ Риволи съ Этьен Араго, говорилъ ему: Гдѣ же вашъ народъ? — Вы видите эти камни, отвѣтилъ ему директор Водевиля, это визитная карта народа, он завтра воротится строить барикады. Революція началась крикама: „Да здравствуетъ ре форма!“ Войско было изнурено тревогами, н не надо думать, что пистолетъ выстрѣлны вечеромъ 23го числа передъ министерством иностранныхъ дѣлъ былъ случайностію. Он былъ выстрѣленъ человѣкомъ знавшимъ, чт этотъ выстрѣлъ повлечетъ за собою залпъ сол датъ. Залпъ убилъ или ранилъ 50 человѣкъ

трупы понесли по улицамъ, народъ бросился строить барикады. Тогда только Томасъ въ Національ рѣшился раздать повязи трехцвѣтныя Полякамъ, которые пошли превозглашать республику. Еще на другое утро Маластъ ухаживалъ за Одильонъ Барро думая, что онъ еще будетъ министромъ.

Карлъ X. потерялъ тронъ за то что онъ стрѣлялъ въ народъ, а Лудвигъ Филиппъ за то что онъ не противился народу. 24го Февраля онъ велъ себя какъ честный человѣкъ, но какъ слабый монархъ, что не избавило Францію отъ потоковъ крови пролитыхъ Каваньякомъ и Наполеономъ. Однимъ изъ предлоговъ этихъ кровопролитій, со стороны армии было, что съ нею поступилъ народъ дурно 24го числа; но люди спасали жандармовъ (муниципаловъ) подвергая опасности собственную жизнь.

Я все-таки обязанъ употребить фразу надъ которой мои пріятели смѣялись: „Когда я взошелъ въ Тюльери“, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостинной и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшатель бѣжали передѣтыми въ лакеи. Еслибъ Герцогъ д'Омальской воротился изъ Африки, его бы еще приняли въ Короли. Мнѣ подали

во дворцѣ книгу, говоря, что это реэстръ королевскихъ милостей; но это была онись дома королевскаго. Я написалъ: „Народъ Парижскій видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать". Эти слова подписали многія тысячи; но куда дѣвалась книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурнаго Макона, чтобъ выпить ее на здоровье народа.

Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что кромѣ глупостей ничего не происходило, до того дня когда Ламартина потрепали въ отель де Виллѣ за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

— Вы намъ можете оказать, сказалъ онъ, большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

— Давайте мнѣ меморіи о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ по товарищески.

Я ему подалъ ноту о состояніи Русской арміи: она была грозна — на бумагѣ. Онъ сей часъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксембургъ и увѣрилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще

болѣе укрѣпилъ это мнѣніе объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 человѣкъ.

Я на это представилъ сэрію нотъ говорившихъ: „Вы не хотите войну за границей, вы будете имѣть войну дома.“ „Одной дивизіи съ трехцвѣтнымъ знаменемъ довольно, чтобъ сдѣлать много великихъ дѣлъ,“ и пр. У Ламартина я видалъ и Моле и Ротшильда и Хонскаго и Островскаго; ихъ роли были совершенно различны.

Манифестаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я учавствовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разгнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали кругъ „Братства народовъ“. Бюро состоялъ изъ девяти президентовъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о состовленіи его въ клубѣ Барбеса, рукоплесканія, были громки и долги.

15го Мая, я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ Народномъ Собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на терассѣ и Дюкъ де Гиши, бывшій офицеромъ въ первомъ легіонѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подходятъ меня арестовать, за то что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ и они меня оставили въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько дней я прихожу къ Ла-

мартину на домъ — Проводите меня да Люксембурга, сказалъ онъ.

Ваша политика войны, продолжалъ онъ дорогой, политика кофейныхъ.

— Слово это не ново. Валевскому сказалъ это, Талейранъ въ Лондонѣ, а Салванди сказалъ что кофейныя суть владечество народное (souveraineté) на малой ногѣ. Если политика войны политика кофейныхъ, то политика мира политика лавокъ, Луи Филиппа.

— Какъ вы хотите чтобъ мы дѣлали войну; у насъ всего 30,000 войска.

— Это исторія шинелей, которыхъ не доставало извѣстному полку въ 1830 г.

— Но чтобъ идти въ Польшу надо имѣть дорогу.

— „Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. „Вы послали Сюркура въ Берлинъ, знали ли вы, что онъ женатъ на Русскои и остался подъ вліяніемъ Россіи?

— Я зналъ это, и именно потому что я зналъ это, я его туда послалъ.

— Слѣдовательно бумаги, которыя вы положили на столъ президента народнаго собранія не имъ писаны?

— Нѣтъ.

Я зналъ противное. О Тартинъ[1]) думалъ я.

---

[1]) Такъ называли Ламартина въ народѣ ватрушкэ. —

— Что новинькаго въ Россіи? спросилъ Ламартинъ.

— Государь купилъ у Графинѣ Тиссенгаузенъ рудникъ Уральской за 70,000 фр., который и трети того не стоитъ. Ее посылаютъ въ Вѣну, чтобъ играть при Фикельмонѣ роль, которую Княгиня Ливенъ разыгрывала при Гизо.

— При 70,000 Ламартинь поднялъ ухо востро. Мнѣ показалось, что еслибъ у меня было препорученіе купить его, я купилъ бы его дешево.

— Въ вашемъ положеніи непріязни противъ Россіи, сказалъ онъ, я сожалѣю, что не могу вамъ предложить мѣсто.

Ни натурализацію подумалъ я, и мы разошлись. Онъ этотъ день былъ какъ то особенно худо одѣтъ и употреблялъ выраженія простолюдныя. Это было средство нравиться народу.

Разъ какъ то я вышелъ въ новомъ лѣтнемъ платьи. На Вандомскомъ плаццѣ собиралась національная гвардія на банкетъ. Ко мнѣ подошли легіонеры, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Согражданинъ, подайте ваше мнѣніе, мы идемъ на банкетъ по 3 франка, не слишкомъ ли это дорого для ремесленниковъ?

— Мнѣ кажется, что такъ.

— Совѣтую вамъ говорить, сказалъ реакціонеръ, вы разодѣты въ пухъ.

— Я радуюсь торжеству народа, гражданинъ, и если я получаю больше защищая республику нежели вы нападая на оную, то надо сердиться на васъ самихъ.

Насмѣшники перешли на мою сторону. Я шелъ далеко въ моихъ мнѣніяхъ, я зналъ, что для того, чтобъ получить что нибудь, надо требовать всего; чтобъ удержать мизинецъ надо ухватить руку. Но не надо было требовать съ оружіемъ въ рукахъ.

Наконецъ грянули четыре дня Іюня, и революція пошла вспять. Каваньякъ доказалъ еще разъ неспособность военныхъ людей быть государственными людьми. Въ началѣ было дѣло полицейское, онъ изъ него сдѣлалъ дѣло военное подтверждая эти стихи Скриба:

Vous raisonnez, mais jamais vous battre,
Nous nous battons, sans jamais raisonner.

Военная тактика велитъ не позволять непріятелю сосредоточивать свои силы, а онъ ждалъ, чтобъ инсурекція приняла наибольшой объемъ. Республиканцы стали драться съ республиканцами, и ясно было, что только ихъ общіе враги могли извлечь изъ этого пользу.

Пошли арестаціи, винили въ востаніи Русское золото, искали Русскихъ агентовъ. Гер-

цена и другаго соотечественника остановили на улицѣ, сдѣлали у нихъ обыскъ, забрали бумаги. Меня просили заступиться. Я отправился къ Ламорисьеру. Онъ меня принялъ съ глинянной трубкой во рту. Я ему сказалъ:

— Вы остановили двухъ Русскихъ демократовъ вмѣсто двухъ Русскихъ агентовъ. Я ручаюсь за нихъ, прикажите выдать ихъ бумаги.

— Назовите мнѣ Русскихъ агентовъ.

— Жомини и Толстой.

— Я депортирую Жомини.

— У васъ нѣтъ доказательствъ противъ него.

— Поставьте насъ на слѣдъ.

— Приставьте къ нему секретаря.

На другой день былъ сдѣланъ повальный обыскъ у Толстаго. Когда къ нему пришли агенты, онъ воскликнулъ: — Я не понимаю откуда происходитъ ненависть ко мнѣ Головина.

Еще въ Февралѣ я встрѣтилъ въ Passage Choiseue Якова Николаевича Толстаго съ Павломъ Матвѣевичемъ Толстымъ и невольно сказалъ: „Еще не убрался!“

— Милостивый Государь! закричалъ Павелъ Матвѣевичъ. Я остановился, онъ продолжалъ: — Кому адресовались эти слова?

— Не къ вамъ.

— Такъ къ комуже?

— Васъ не много. Что же вамъ угодно?

— Вы все не соглашаетесь, что вы сами накликали на себя всю бѣду.

— Laissez-moi, vous me compromettez.

— Comment je vous compromets?

— Oui, votre compagnon étant le correspondant du ministre de la police, si l'on me voit avec vous, on ne saura que penser de moi.

Я опять принялся за перо. Дѣйствія кончались, приходила пора ихъ описывать. Тогда одни Жирарденъ да Ламартинь находили издателей. Мнѣ дали 500 фр. за Революціонерную Европу и я началъ ее писать. Такъ какъ этого было мало, то я писалъ для другихъ объявленія правилъ (professions de foi), брошюры за которыя платили мнѣ хорошо, но на которыхъ я свое имя не ставилъ.

Когда еще существовалъ нашъ клубъ, ко мнѣ приходили два агента Бонапарта просить, чтобъ я стоялъ за его возвращеніе во Францію.

— Да какъ онъ возвращается, спросилъ я, какъ претендентъ или какъ гражданинъ?

— Онъ всегда былъ республиканцемъ.

Но когда въ клубѣ я сказалъ нѣсколько словъ въ пользу возврата Наполеоновъ, одинъ изъ членовъ мнѣ замѣтилъ:

— Вы ошибаетесь, Головинъ. Наполеонъ будетъ нашею погибелью.

Каваньякъ былъ ничѣмъ не лучше Наполеона. Республика была тогда тяжела деспотомъ, а за этими господами дѣло никогда не стоитъ. Мнѣ Фази говорилъ: — Я знаю Бонапарта какъ васъ, и всегда видѣлъ въ немъ демократа.

Въ Château Rouge былъ банкетъ. Билльо, сдѣлавшійся послѣ министромъ Наполеона, сказалъ рѣчь заключая ее словами: „Да здравствуетъ Республика демократическая и соціальная!“ Ледрю Ролленъ произвелъ Коленса въ Нѣмцы и просилъ рукоплесканія мученикамъ свободы. Я говорилъ послѣдній и просилъ три свистка палачамъ. Собраніе разошлось съ свистками; иные не понимали зачѣмъ освистывали мою рѣчь, другіе дивились введенію Англійскаго обычая.

Бастидъ былъ олухъ Царя Небеснаго. Когда ему Боденштетъ привезъ извѣстіе о Октябрской революціи въ Вѣнѣ, онъ поникъ головою. Австрія была ему нужна для опоры Папства и для противудѣйствія Россіи. Онъ былъ Іезуитъ или Неокатоликъ. Каваньякъ помогалъ Папѣ и Наполеонъ былъ такъ испуганъ этимъ, что онъ посылалъ Гр. Бомона въ собраніе поповъ увѣрить ихъ, что и онъ всегда будетъ защищать Папу.

Въ Ноябрѣ, на Польскомъ митингѣ, говорилъ я рѣчь, и объ Франціи сказалъ:

Non regionam delor, ma guarda e passa!

Сидѣвшій за мною президентъ членъ народнаго собранія просилъ своего сосѣда объяснить ему значеніе этихъ стиховъ Данте.

Я имѣю на душѣ эмиграцію Гр. Браницкаго. Общіе пріятели пришли мнѣ сказать, что онъ получилъ вызовъ въ Россію, но что выгода общая требуетъ, чтобъ онъ остался. Въ слѣдствіе того я помѣстилъ извѣстіе объ его отказѣ въ двухъ журналахъ. Захожу къ нему, а онъ готовитъ отвѣтъ, что онъ не отказывался. Нѣсколько минутъ разговора убѣдили его взять отвѣтъ назадъ. Потомъ Киселевъ ему сказалъ: — Вы меня обвинили въ шпіонствѣ, но шпіоновъ надо искать между Поляками, на что Графъ отвѣтилъ: — Имѣя преимущества вашего мѣста, вы должны сносить и невыгоды онаго. Матушка его при мнѣ разъ сказала: — Вы всѣ честолюбцы. Онъ вскорѣ основалъ журналъ: *La Tribune des Peuples*, подъ руководствомъ Мицкевича, который въ политикѣ не много зналъ.

Бакунина, въ это время, схватили въ Саксоніи и выдали Австріи. Дѣло его было просто. Флоконъ далъ ему Французскій паспортъ и 3000 фр., чтобъ онъ поѣхалъ революціони-

ровать Германію. Онъ объ немъ сказалъ:„ Еслибъ во Франціи было 300 Бакуниныхъ, Франціей нельзя бы было управить. Спрашивается какая надобность, чтобы ею управлялъ Г. Флоконъ. Когда же Бакунинъ попалъ въ тюрьму, Французское правительство его не защитило. Послѣ восьми лѣтняго содержанія въ Шлюсселбургѣ, онъ еще въ Сибири, точно мы жандармы Австріи.

XVI.

Народъ произвелъ Бонапарта въ президенты, а онъ самъ произвелъ себя въ Генералы Національной гвардіи. Ожидая реакцію на долго, я помышлялъ объ отъѣздѣ изъ Франціи, и Жемсъ Фази, президентъ республики Женевской мнѣ предлагалъ мѣсто профессора политической экономіи, съ условіемъ, чтобъ въ преподованіи моемъ ничего не было соціальнаго.

28го Января 1849го г. было волненіе на улицахъ и большое стеченіе народа у воротъ С. Дени и С. Мартенъ. Мы вышли въ Браницкимъ и пошли по бульварамъ. У церкви С. Маделены показалась кавалкада. — Это Шангарнье, сказалъ Графъ, и пошелъ въ сторону; я остался, и по консульскому султану узналъ Бонапарте; за нимъ бѣжали грязные мальчишки крича: „Да здравствуетъ Наполеонъ!“

Я остановился передъ лошадьми и крикнулъ: „Да здравствуетъ республика демократи-

ческая!“ Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера верхомъ и мужчина во фракѣ, съ красной ленточкой въ петлицѣ, который мнѣ сказалъ: — Гражданинъ, этого-то и хочетъ президентъ, онъ разослалъ свое министерство.

— Это дѣло другое возразилъ я, гражданинъ Бунопартъ подайте мнѣ руку. (C'est différent, citoyen Bonaparte, donnez moi la main.)

Три лошади храпѣли въ эту минуту у меня на груди. Гражданинъ Наполеонъ подалъ мнѣ руку въ бѣлой замшевой перчаткѣ; ростомъ онъ не величекъ, самъ собою длинно личекъ. Еслибъ мнѣ кто нибудь сказалъ: „Онъ тебя надуваетъ“, я бы его за руку легко стащилъ на землю. Едва выпустилъ я его руку, подошли два хорошо одѣтые мужчины, которые закричали президенту въ усъ и рыло, или какъ говорятъ Французы, au nez à la barbe: „A bas la réaction!“ „Долой реакція!“ Намѣреніе президента было проѣхаться вдоль по бульварамъ, но за Монтмартрскимъ предмѣстіемъ, онъ, встрѣтилъ бы Богъ знаетъ что; потому онъ обдумался и воротился по Rue de la Paix домой.

На другой день въ Монитёрѣ не было извѣстія о перемѣнѣ министерства Одильонъ Барро, и я написалъ въ Реформу и въ *Voix*

du Peuple, что я беру назадъ пожатіе руки президента.

За этимъ былъ процессъ въ Буржѣ. Г. Лагранжъ почелъ нужнымъ меня вытребовать туга, въ надеждѣ меня компрометировать. Это былъ случай для меня сдѣлать рѣчь въ пользу Польши, что я и не упустилъ. Стенографъ Монитёра просилъ меня ее написать, и на другой день стояло въ скобкахъ: „Знаки нетерпѣнія Г^на^ Прокурора Бароша“ при лучшихъ моихъ словахъ въ пользу Польши.

Г^нъ^ этотъ Лагранжъ, не депутатъ, и Кавель были наши злѣйшіе доносчики.

Воротясь въ Парижъ, дама обратила на меня вниманіе, которая прежде и знать обо мнѣ не хотѣла. Я не понималъ этой перемѣны покуда не вспомнилъ, что Лагранжъ, не зная гдѣ я живу, сказалъ въ Буржѣ, что я обѣдаю въ *Hôtel des Princes.* У этой барышни была самая красивая рука Франціи, но пустая.

Вскорѣ мнѣ дали приказаніе выѣхать изъ Франціи. Г^нъ^ Барошъ увѣрялъ, что мое показаніе въ Буржѣ не было тому причиною. Г. Воловскій, успокоивъ своего деверя Фоше, министра внутреннихъ дѣлъ, далъ мнѣ письмо къ Ребильо, префекту полиціи. Это былъ тотъ самой жандармскій полковникъ, который при Луи Филиппѣ остановилъ Наполеона. У него

былъ одинъ только глазъ, которымъ онъ читалъ Горація.

— Помилуйте, говоритъ онъ, вашъ доссье, т. е. собраніе доносовъ на меня, весьма толстъ.

— Что же въ этомъ удивительнаго? Литература упала, и вы почти одни платите за письменные доклады. Я удивляюсь какъ вы не больше ихъ получаете. Но надо посмотрѣть, что въ этихъ докладахъ.

— Но вотъ доносъ, что вы сказали на вечеру у Г. Ламартина, что Франція слѣдуетъ подлой политикѣ касательно Польши.

— Отъ котораго числа доносъ?

— 22го Мая прошлаго года.

— Ламартина въ этотъ вечеръ не было дома, былъ шумъ въ Люксембургѣ, я остался десять минутъ, говорилъ съ тремя лицами, я увѣренъ въ двухъ, слѣдовательно это третій донесъ; но въ то время я самому Гну Ламартину говорилъ что хотѣлъ, ибо онъ былъ довольно великъ, чтобъ слушать истину.

— Вы учавствуете въ соціалистическомъ журналѣ.

— Какъ его зовутъ?

— La Tribune des Peuples.

— Ну посмотрите какъ вы дурно увѣдомлены, я вышелъ изъ этого журнала именно потому, что Мицкевичъ Наполеонистъ.

— Да еще при Луи Филиппѣ васъ хотѣли услать.

— Въ первый разъ слышу.

— Вотъ предложеніе Министра военныхъ дѣлъ.

— Вѣдь я не военный, это по просьбѣ какого нибудь Русскаго Флигель-Адъютанта.

— Вы не думаете, что мы повинуемся вліянію Россіи.

— Полковникъ, мнѣ довольно было васъ видѣть, чтобъ этому не вѣрить.

— И такъ вы мнѣ обѣщаете, что я объ васъ не буду слышать.

— Это не отъ меня зависитъ, а отъ недостатка занятія и платы тѣхъ Господъ, которые вамъ пишутъ.

13 Іюня 1849го г. была, какъ извѣстно, манифестація въ пользу Рима. Ко мнѣ зашелъ утромъ Герценъ.

— Пойдемъте въ Château d'Eau на манифестацію.

— Помилуйте, послѣ 15го Мая, манифестаціи безъ оружія, не послѣдняя глупость.

— Да такъ было рѣшено вчера, въ засѣданіи.

— Я товарищей не оставляю, пойдемте.

Проходила національная Гвардія. Француз-

скіе голоса ни какъ не могли ее одушевить. Я крикнулъ: „Да здравствуетъ Римская Конституція!“ Они отвѣтили.

— Что же вы это, сказалъ Герценъ, не хотѣли идти, а теперь такъ горячитесь.

— Дѣлать дѣло, такъ дѣлать.

Когда тронулась процессія, на бульварахъ насъ встрѣтила мертвая тишина.

— Это не хорошій знакъ, сказалъ я пріятелямъ. Передъ rue de la Paix показались штыки: Я кричу: Штыки долой, поворотъ лицемъ! Ничего не понимаютъ, нашу колону разрѣзали и пошли бѣжать. „Да не бѣжите!“

— Нельзя, ноги уносятъ, примѣръ соблазнителенъ.

Я пошелъ гулять въ Елизейскія поля.

На другой день опять приказаніе выѣхать изъ Франціи. Я уже запасся Англійскимъ пашпортомъ въ Швейцарію. Пошелъ въ Полицію.

— Извольте ѣхать въ Англію.

— Не хочу въ Англію. Да и 24 часовъ мнѣ не довольно, чтобъ сжечъ мой бумаги, уѣду въ четыре дня.

Мнѣ дали Французскій пашпортъ съ надписью: „изганъ по разрѣшенію совѣта министровъ“.

Я пошелъ съ этимъ пашпортомъ въ Анг-

лійское посольство. Спрашиваю прилично ли Англійскому подданному ѣздить съ такимъ ярлыкомъ?

Мы не можемъ предписывать Французскому правительству, сказалъ мнѣ секретарь, какое употребленіе дѣлать съ нашими пашпортами.

— Я буду жаловаться Токевилю, министру иностранныхъ дѣлъ. Угодно вамъ будетъ поддержать мое письмо?

— Извольте.

У меня было мебели тысячъ на восемъ, я ее продалъ за 800 фр.

У Гервега, я вижу Герцена и прошу у него 200 фр. въ займы. Онъ вышелъ въ комнату гдѣ были гости, чтобы дать мнѣ ихъ при свидѣтеляхъ.

Я переѣхалъ Французскую границу не показывая пашпорта, и пришедши къ Фази въ Женевѣ, вручилъ ему этотъ документъ. Онъ послалъ его въ Жексъ обмѣнить на мой Англійскій пашпортъ, что и сдѣлалось.

Когда я увидалъ подъ-префекта Жекса онъ мнѣ сказалъ:

Я надѣялся, Г. Головинъ, имѣть удовольствіе сдѣлать ваше личное знакомство въ Жексѣ!

— У васъ было приказаніе меня арестовать?

— Ни какъ нѣтъ.

Фази говоритъ: „Здѣсь Герценъ, въ Hôtel de Bergue.“

Иду къ нему.

— Вы какими судьбами?

— Да пріѣхалъ съ пашпортомъ П...., а на границѣ слѣзъ, Кондукторъ догадался въ чемъ дѣло, такой умный. Я сюда пришелъ весь въ пыли, потребовалъ ванную съ о-де-Колонемъ: это произвело сенсацію.

— Да васъ выслали, что ли?

— Нѣтъ, да житья въ Парижѣ нѣтъ.

— А жена?

— Она съ Гервегомъ пріѣдитъ.

— Таксъ.

Я переѣхалъ въ Hôtel de Bergue, и мы съ Герценомъ сблизились. Онъ пѣвалъ „Солдатъ стелитъ эпанчу“, — „Чижикъ ѣдитъ въ лодочкѣ“, и разсказалъ мнѣ свои тюрьму и ссылку. Я пробовалъ читать его „Кто Виноватъ?“ Когда пріѣхалъ Гервегъ, онъ предпочелъ его мнѣ и я поѣхалъ въ Брюссель. Отъ профессорства самъ Фази отсовѣтовалъ, говоря, что я бы не нашелся въ своемъ обществѣ.

Въ Брюсселѣ меня стали гнать во всѣхъ трактирахъ, потому что изъ Женевы я написалъ Токкевилю, что одинъ жандармъ могъ отнять у меня дипломатическій пашпортъ, чтобъ замѣнить его полицейскимъ. Добрый Лордъ Сту-

артъ написалъ мнѣ, что Пальмерстонъ протестовалъ противъ моей высылки изъ Франціи, не знаю энергически ли, но Ребильо былъ выговоръ, и онъ сталъ мнѣ мстить въ Брюсселѣ. Онъ написалъ Бельгійской полиціи, что меня выслали два раза изъ Франціи. Такъ какъ у него одинъ глазъ, то не удивительно, что онъ видѣлъ вдвое. Между тѣмъ интриги въ трактирахъ ни къ чему не повели, потребовали меня въ ратушу, обходились грубо, хотѣли дать путевый листъ (feuille de route), да я не взялъ. За меня заступились Скршенецкій, Гауманъ, представили меня деверю министра юстиціи.

— Да вы, говоритъ, не гнѣвайтесь, это доказываетъ только, что мы придаемъ вамъ большую важность.

— Покорно благодарю.

— Вы знаете, что чиновники ратушные люди безъ воспитанья.

— А у меня поговорка: Каковъ лакей таковъ и баринъ.

Англійская миссія говоритъ, что я могу остаться если хочу, но я дѣла свои покончилъ. Одье, министръ, прислалъ мнѣ Англійскій паспортъ съ позволеніемъ оставаться шесть недѣль. Я поѣхалъ на другой день.

Все это время я писалъ въ *Liberté*, издаваемой въ Парижѣ пріятелемъ моимъ Барильо-

ономъ, и на высылку мою изъ Бельгіи я написалъ, что Г. Ребильо называетъ либераловъ республиканцами, республиканцевъ соціалистами, соціалистовъ комунистами, а коммунистовъ разбойниками. *Nation,* бельгійскій журналъ, помѣстилъ грозную статью, говоря, что Бельгія сдѣлалась французскою провинцею.

Пріѣхавши въ Лондонъ, я написалъ брошюру: „Нѣсколько истинъ Франціи.“ Друзнъ де Лисъ, будучи посломъ, просилъ меня черезъ Гено де Мюсси зайти къ нему, говоря, что можетъ быть можно дѣло обдѣлать.

У насъ былъ долгій разговоръ.

— Да за что васъ выслали?

— Подъ предлогомъ, что мое пребываніе опасно. Но такъ какъ Киселевъ изъявилъ свою особую радость, то я долженъ полагать, что это было по наущенію Русскаго правительства.

— Я не могу принять это истолкованіе. Мы обыкновенно предаемся тщательному изысканію: опасно ли пребываніе иностранца, и только убѣдившись въ этомъ, высылаемъ его.

— Въ теоріи такъ, но въ практикѣ иначе. Ваши тайные агенты служатъ и Россіи. Ils cumulent les emplois, и дѣлаютъ угодное той и другой полиціи. Россія издерживаетъ, какъ мнѣ сказалъ Гр. Бенкендорфъ, больше на тай-

ную полицію во Франціи нежели въ Россіи. Гдѣ же имъ взять столько агентовъ если и не во французской полиціи? Я же, съ своей стороны, занятъ, и мнѣ нѣтъ времени контроминировать дѣйствія этихъ господъ. Впрочемъ я у васъ не прошусь жить во Франціи, я только желаю проѣхать черезъ Францію, чтобъ провести зиму въ Испаніи.

— Подайте мнѣ просьбу.

— Будучи Англійскимъ подданнымъ, я могу просить только Пальмерстона.

— Мы не позволимъ ни какому правительству спрашивать у насъ отчета въ высылкѣ иностранца.

— Не давно высылали Юнга, пріятеля Клифтона, также по видимому за непріязнь французскому правительству. По изысканію оказалось, что его высылаютъ за то, что онъ волочился за Мистриссъ Говардъ.

Друэнъ де Лиссъ вытянулъ лицо съ аршинъ; но мы разстались пріятелями. Я не ожидалъ результата его рапорта, а взялъ себѣ паспортъ подъ именемъ Англичанина. Въ это время я жилъ въ Лондонѣ съ княземъ Любомірскимъ, и мы вмѣстѣ поѣхали во Францію. Онъ уговорилъ меня въ Парижъ не ѣздить, и мы разстались въ Лиллѣ. Въ Лиллѣ мы хохотали какъ никогда въ жизни, надъ фран-

цузомъ, который попросилъ у меня паспортъ потерявъ свой, но мы пѣли пѣсеньку:

Mon père est à Versailles,
Ma mère est à Paris,

За нами шелъ мальчикъ съ вещами; мы спросили его изъ какой онъ страны?

— Изъ Версаля, и мы померли со смѣху. Онъ не понималъ что смѣшнаго въ томъ что онъ изъ Версаля, а это-то и увеличивало насъ смѣхъ. Дѣло было ночью, люди просыпались и выглядывали въ окно на шумъ нашъ, а мы отъ того пуще хохотали. Улыбнитесь и вы, любезный читатель. Изгнанику приходится только смѣяться надъ пороками людскими, а это горькій смѣхъ.

До Шалона я тащился въ паташкахъ, нѣчто въ родѣ нашихъ сидѣлокъ. Въ Шалонѣ я встрѣтилъ Мадамъ Б..... и мы провели съ ней въ Ліонѣ два пріятныхъ дня. Изъ Ліона, она поѣхала въ Алжиръ, а я въ Женеву.

XVII.

Въ Женевѣ я нашелъ Сазонова и Богоѣвскаго, который разсказалъ мнѣ свои непріятности: Баринъ его обидѣлъ и не хотѣлъ ему давать удовлетворенія.

— Русскій офицеръ долженъ знать что дѣлать сказалъ я ему.

— А что?

— Того бьютъ кто не дерется.

Онъ на другой день пошелъ на ученіе карабинерной роты и вздулъ своего противника палкой. Но потомъ ему камнями голову исколотили, а когда я уѣхалъ, его выслали изъ Женевы.

Въ Парижскомъ народномъ собраніи Депутатъ Жоли потребывалъ объясненія, у Бароша за что меня выслали изъ Франціи. Барошъ отвѣчалъ, что я принадлежу всѣмъ тайнымъ обществамъ, а я даю честное слово, что я въ жизни не былъ членомъ ни одного тайнаго общества.

Меня чуть чуть въ Женевѣ не заѣли мыши, объ чемъ полный разсказъ можно прочесть въ романѣ моемъ: Der Flüchtling, а безъ Броницкаго я бы не зналъ какъ уѣхаль.

Въ Эксъ анъ Савуа я встрѣтилъ Гр. Кутузова, который на меня не обращалъ вниманія. Я почелъ своимъ долгомъ, послѣ недѣльнаго пребыванія, проститься съ нимъ

Намъ съ вами, Графъ, не удалось сказать двухъ словъ,
Что образъ жизни вашъ каковъ?

Грибоѣдовъ былъ такъ уменъ, что Графъ отвѣтилъ мнѣ его стихожъ:

По прежнему-съ.

— Я не хотѣлъ уѣхать отсюда не сказавъ вамъ, что кромѣ пріятныхъ воспоминаній о нашемъ прежнемъ знакомствѣ, я къ вамъ не имѣю другихъ чувствъ.

— Наши политическія мнѣнія съ того времени такъ измѣнились.

— Мои остались тѣми которыми они были. Мы раскланялись и разошлись.

Въ Ниццѣ входитъ Кутузовъ въ лавку гдѣ я стоялъ и говоритъ: Bon jour, но такъ какъ этотъ bonjour могъ адрессоваться къ лавочнику какъ и ко мнѣ, я ему ничего не отвѣтилъ, а Давыдовъ изъ этого сдѣлалъ исторію, и пересталъ мнѣ кланяться. Съ Давыдовымъ я былъ на ты съ 36го года, и мнѣ это показа-

лось тѣмъ обиднѣе, что я не зналъ, не вѣдалъ, что онъ Кутузову сродни.

Тогда я писалъ *Courrier Russe* въ *République*, Парижскомъ журналѣ, и сказалъ про Давыдова, его не называя:

„Кожа-то Французская, а душенка-то Русская.“

Давыдовъ посылаетъ мнѣ вызовъ, и кто же его приноситъ? Богоѣвскій. Я пишу Герцену, чтобъ онъ былъ моимъ секундантомъ, на что онъ отвѣчаетъ: „Tu l'as voulu George Dandin“, и думая, что ужъ я потерянъ уговариваетъ Богоѣвскаго насъ мирить. Богоѣвскій мнѣ говоритъ:

„Я на пистолетахъ не допущу, а на шпагахъ. Завтра что ли? — Ну завтра не знаю успѣемъ ли, надо ѣхать въ Монако. Приходитъ и другой свидѣтель Давыдова, какой-то Chargé d'Affaires и выходитъ засѣданіе.

— Хотѣлъ ли я обидѣть Давыдова?

— Это ему лучше знать.

— Препоручали ли вы Венгерцу сказать что онъ сказалъ?

— Венгерецъ говоритъ, что онъ не мальчикъ на посылкахъ.

— Да зачѣмъ вы послали журналъ Давыдову?

— Чтобъ онъ его прочелъ. (Afin qu'il

n'en ignore.) Я обиженъ тѣмъ, что Давыдовъ пересталъ мнѣ кланяться.

Тѣмъ кровопролитіе и кончилось.

Съ барономъ Базанкуромъ было дѣло посерьёзнѣе. Его двоюродный братъ, а потомъ онъ самъ пустили въ меня изъ окна яицами съ мукой. День былъ карнавала. Я отвѣтилъ камушкомъ въ гардину. Вечеромъ онъ мнѣ говоритъ въ Касино, что онъ не вѣритъ, чтобъ я это сдѣлалъ. — Помилуйте, мы совсѣмъ не на такой ногѣ чтобы повѣсничать. Онъ что то возражаетъ и я ему говорю, что я къ его услугамъ.

— Я имѣю только одно приказаніе для васъ, не дѣлать это другой разъ.

Я ему посылаю вызовъ, онъ не принимаетъ, а слыветъ первою шпагою Франціи и Наварры говоритъ, что онъ имѣетъ право посылать мнѣ вызовъ а не я. Впрочемъ по Сардинскому обычаю выборъ оружія оставался за нимъ. Одумавшись посылаетъ мнѣ секундантовъ, которымъ я докладываю, что мы съ нимъ довольно грызлись въ клубѣ Литераторовъ, чтобъ не бросать другъ въ друга шуточными прожектилями, что и теперь онъ пишетъ въ *Assemblée Nationale,* и я въ *République,* вслѣдствіе чего его дѣйствіе мнѣ казалось лежитимистомъ, который хотѣлъ забѣлить краснаго.

— Да это карнавалъ.

— Карнавалъ для другихъ но не для насъ, и мы можемъ принимать участіе въ немъ, но не брать другъ друга за мечень. Наконецъ когда я ему сказалъ: Je suis à ses ordres, это не надо было принимать въ буквальномъ смыслѣ и давать мнѣ приказаніе. Я приказаній отъ Г^на^ Базанкура не принимаю.

Взялось rendez-vous, но пришло одно письмо объявляющее, что драться не за что.

По диктовкѣ Герцена я написалъ въ Ниццѣ его *Développement des Idées révolutionnaires* за 140 фр. Революціонернаго въ этой брошюрѣ только титулъ и желаніе.

Съ Г. Матье я основалъ въ Ниццѣ журнальчикъ на сезонъ: *Carillon* — Колокольчикъ и писалъ въ немъ статью: „Les Prussiens, les Russiens et les autres chiens à Nice.“ Журналъ выходилъ по субботамъ, лакеи въ ливреяхъ ждали его появленіе. Чей-то будетъ чередъ бѣжать сквозъ мои строи? Графъ Панинъ жилъ въ Ниццѣ, я его прозвалъ. Pas Nain, но я думаю что онъ слишкомъ уменъ, чтобъ обижаться такой невинной шуткой. Г. Скотъ нашъ консулъ скорѣе могъ обидѣться своимъ именемъ, но онъ сознавался, что мы его сильнѣе при Сардинскомъ правительствѣ. Не смотря на то вышелъ приказъ выслать меня, Герцена, Матьё и Дамета.

Но я уже былъ въ Турйнѣ. Валерio интерпеллировалъ въ Палатѣ депутатовъ министерство объ нашей высылкѣ и Галваніо отвѣчалъ, что онъ не зналъ, что мы такіе почтенные писатели и что насъ оставятъ въ покоѣ.

Въ Туринѣ я прожилъ лѣто 1851го года въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а на зиму поѣхалъ въ Генуу, гдѣ познакомился съ Вишневскимъ, который изъ Кракова переселился банкиромъ въ Генуа. Тутъ я написалъ брошюру: *La France et l'Angleterre comparées* и напечаталъ ее въ Туринѣ.

Возвратясь въ Туринъ, я нашелъ тамъ Гна Барильона, и основалъ *Journal de Turin* съ книгопродавцами Карроти и Базарини. Графъ Нани долженъ былъ въ немъ участвовать, но онъ не зналъ писать по Французски и я далъ ему и Песчи денегъ, чтобъ они вышли изъ журнала.

Съ Герценомъ были чрезвычайныя приключенія. Онъ тѣмъ болѣе имѣлъ право на мое содѣйствіе, что и въ дѣлѣ съ Базанкуромъ онъ и Матье должны были быть моими секундантами. На запросъ его я ему отвѣчалъ изъ Генуи: „Votre second tant que vous voulez, votre premier jamais.“ Вашимъ секундантомъ даже съ условіемъ, что съ вашей головы ни волоса не упадетъ, но вашимъ премье никогда.“

Эту ролю взялъ на себя другой и когда мнѣ прислали отчетъ случившагося въ Цюрихѣ, для помѣщенія въ журналъ, я сожалѣлъ, но помѣстилъ. Герценъ меня укорялъ въ томъ, что у меня офицерскія манеры, на что я ему отвѣчалъ: Нѣтъ, я не офицеръ, а студентъ, но въ этомъ и ваше достоинсво, что вы остались студентомъ. Я писалъ въ Карильонѣ что если меня назвали по головѣ Головинымъ, то его по сердцу Герценомъ. Въ Республикѣ, я билъ барабанъ объ затерявшихся его 10000 т. въ Москвѣ, объ которыхъ упомянуто и въ *Men of our Time*. Онъ разъ мнѣ писалъ „Мы не друзья, а пріятели.“ На это я ему разсказалъ анекдотъ про дворянина подружившагося съ купцемъ, купецъ назови его разъ другомъ, а дворянинъ его въ ухо: „Не забывайся, молъ, мы пріятели, но не друзья.“ На это Александръ Ивановичъ, сирѣчь Искандеръ, отвѣтилъ, что между нами дворянинъ я, а купецъ онъ.

Журналъ пошелъ не дурно. Въ Туринѣ былъ депутать Г. Авигдоръ родомъ Французскій Жидъ, а манерами Англійскій прикащикъ, который и имени своего не зналъ подписывать, а брошюрами морочилъ Савоярдовъ. Я его изобличилъ, онъ подослалъ ко мнѣ стенографа палаты депутатовъ съ предложеніями. Обѣщалъ турусы на колесахъ, а когда дѣло дошло до

исполненія, съ Жидовскою ловкостію отвѣтилъ: „Contre fineau, fineau et demi.“

Журналъ не проповѣдывалъ демократіи, а требовалъ исполненіе Статута (Конституціи). Въ Фельетонѣ печатались: *Portraits et Esquisses russes* въ пандантъ: *Types et Caractères Russes.*

Однажды открывъ сочиненія Максимо д'Азеліо, я нашелъ въ нихъ статью: Честь Италіи и честь Австріи, напечатанная въ первый разъ въ 1848 г. Она мнѣ понравилась, я велѣлъ перевести ее на Французскій и напечатать въ журналѣ цѣликомъ. Тогда былъ Австрійскимъ министромъ въ Туринѣ Графъ Апони, женатый на Графинѣ Бенкендорфъ, тотъ самый который былъ въ мое время въ Петербургѣ секретаремъ. Онъ явился къ Азеліо съ нумеромъ *Journal de Turin* и говоритъ: — Вы насъ увѣряете въ доброжелательствѣ, а посмотрите что вы пишете. — Я ни тѣломъ ни душей не виноватъ, возражаетъ Сардинскій романистъ, это старая статья напечатана безъ моего вѣдома. — Такъ вы дайте намъ удовлетвореніе. Сей часъ требуютъ въ полицію нашего отвѣтствующаго правителя, который вмѣстѣ занималъ почетную должность наборщика. Велятъ напечатать, что статья Максимо д'Азеліо съ 1848 г. и что онъ въ 1852 г. не раздѣляетъ тѣхъ же мыслей, а Головину скажите что мы

его ушлемъ въ 24 часъ. Я велѣлъ подъ сообщеніемъ напечатать: *Communiqué,* слово тогда грязное и ненавистное во Французскомъ журнализмѣ, а Г. Президенту совѣта я почелъ долгомъ написать, что статья его была переведена и напечатана только изъ особаго уваженія къ нему. Секретарь его извѣщаетъ меня весьма учтиво о полученіи письма, а меня требуютъ къ Квестору. Я запасся журналомъ Армоніа, который не долго передъ тѣмъ перепечаталъ статью министра внутреннихъ дѣлъ безъ всякаго введенія, и когда Квесторъ сообщилъ мнѣ приказаніе выѣхать изъ Піэмонта, я ему показалъ Армонію спрашивая:

— Не двухъ ли родовъ у нихъ мѣра и вѣсъ?

Квесторъ говоритъ, что еще можно поправить.

— Нѣтъ, отвѣчаю, я остановился на этомъ

Уже передъ тѣмъ дано было приказаніе Французу издававшему журналъ въ Шамбери выѣхать, а за тѣмъ Дамету писавшему *L'Avenir de Nice* Англійскій посланикъ, Сэръ Гудсонъ поѣхалъ въ Геную къ д'Азеліо. Какъ потомъ мнѣ Г. Куртней говорилъ, разговоръ у нихъ былъ крупной.

— Вы высылаете издателя конституціональнаго журнала за вашу собственную статью. Помыслите о вашей славѣ.

— Господинъ министръ, отвѣтилъ ему д'Азеліо, я принужденъ буду просить Королеву васъ отозвать.

Мнѣ сказали, что Англичанъ потому не высылаютъ что за нихъ требуетъ ихъ правительство вознагражденіе. Я оцѣнилъ мои потери въ 350 фунтовъ стерлинговъ и просьбу мою подалъ Сэру Гудсону. Я уже поѣхалъ въ гости къ Брофферіо на Лагго Маджіоре, у Биннецолы, а оттуда въ Лугано, гдѣ я зналъ Каттанео, историка Ломбардской Революціи. Я прожилъ въ Лугано до того, что заболѣлъ отъ скуки и отъ вина изъ несцѣлаго винограда. Черезъ Базель я поѣхалъ съ своимъ пашпортомъ въ Парижъ. Audaces fortuna jurat, и никто меня не остановливалъ. Мнѣ было странно слушать въ вагонахъ разговоръ Наполеонистовъ.

— Армія, говорили офицеры, осыпана благодѣяніями (a été comblée), наши жалованья почти удвоены. Въ Парижѣ отъ Стразбургской дороги я по пріѣздѣ сей часъ отправился къ Сѣверной и ночевалъ въ отели возлѣ. Рано утромъ на другой день, я взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Палэ Руаялъ. Все еще спало. Парижъ походилъ на старую, растрепанную куртизанку. Черезъ Булонь я пріѣхалъ благополучно въ Лондонъ.

XVIII.

Литературное поприще совсѣмъ не такъ легко какъ иные полагаютъ.

— Написать драму, говорилъ мнѣ Леонъ Гозланъ, также трудно какъ выстроить корабль; срубить деревья, пригнать, спустить судно не труднѣе нежели поставить пьесу на сцену.

— Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать, говорилъ мнѣ Гауманъ, вы не пишете для толпы.

— На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей, говорилъ мнѣ Піори въ Парижѣ.

— Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой, говорилъ при мнѣ Женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная что я его слушалъ, изъ чего я заключалъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ.

Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой и послѣдующая дополняла предидущую. Надо искать

автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобъ писать, а всегда постовлялъ себѣ какую нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовался къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность, такъ что за имѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно пріѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться Англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спроситъ свою дорогу на улицѣ.

Тогда „дяля Ѳома, Онкель Томъ“ имѣлъ колоссальный успѣхъ. Я задумалъ ажитацію въ пользу Русскихъ крестьянъ. О, какъ легко дѣлать зло, и какъ трудно дѣлать добро! Я адрессовался къ Кобдену, котораго я часто видалъ въ предъидущее пребываніе мое въ Англіи. Я ему писалъ, что Англія занимается тѣмъ что происходитъ въ Америкѣ, а не видитъ того что творится на Европейскомъ материкѣ. Въ Америкѣ и четырехъ милліоновъ рабовъ нѣтъ а въ Россіи 13,000,000. Тамъ они черные, здѣсь они бѣлые. Я просилъ о серіи митинговъ пользу free work, свободнаго труда. Кобденъ мнѣ отвѣтилъ, что вмѣшательство въ дѣла

чужихъ государствъ противно правиламъ „общества мира“, что онъ одобряетъ дѣйствіе Дучессы Саусерландъ. Лордъ Дудлей Стуартъ, который блисталъ сердцемъ болѣе нежели умомъ, спросилъ объ отвѣтѣ Кобдена и замялъ дѣло.

Я тогда написалъ по Французски Русскаго Онкля Тома. Нельсонъ въ Эдинбургѣ купилъ манускриптъ за 80 ф. ст. и никогда его не издалъ.

Переводчика найти весьма трудно, или онъ по Французски или по Англійски не довольно знаетъ. Я далъ Кавказъ переводить Чеху и Французу; оба перевели дурно, а аферистъ, который издалъ его по поламъ со мною безъ моего согласія продалъ изданіе книгопродавцу и мнѣ счетовъ не далъ. Я было въ судъ, а адвокатъ говоритъ: „Хозяинъ книги воленъ дѣлать что хочетъ съ нею.“

Съ „легкой руки“ Катихизиса Русскаго народа, Герценъ завелъ Русскую печатню и съ Поляками подружился. Они ему льстили, а такъ какъ я съ Чарторискими былъ знакомъ и съ Стуартомъ не расходился, то „централизація“ холодѣла ко мнѣ. Я даю Искандеру статейку, — не помѣщаетъ. — Что же? — Да вы на вашъ счетъ печатайте. — Ай да гусь!

Въ это время я писалъ въ Морнингъ Адвертейзерѣ. Герценъ посылаетъ письмо

въ журналъ — Что же? онъ меня спрашиваетъ. — Charbonnier est maître dans sa loge, вы же не помѣщаете моей Русской статьи. Гаукъ съ которымъ онъ жилъ помираетъ со смѣху.

Восточный вопросъ завязывается. Я издаю „Письма Русскаго дипломата“ по Французски и по Англійски, но безъ моего имени, и разумѣется заставляю мнимаго автора говорить какъ бы Русскій дипломатъ говорилъ о Царьградѣ, Герценъ отзывается, что мнѣ надо дать Егорія за эти письма.

Я сначала жилъ въ Ню-Бондъ-Стритъ. Въ томъ же дому со мною жилъ какой-то Принцъ Армянскій. Присылаетъ мнѣ записку, проситъ знакомиться. Я беру объ немъ свѣденія, всѣ его знаютъ за Принца Корикоса или за Принца Армянскаго. Вдругъ у него завязывается процессъ за прелюбодѣяніе. Нашелъ же онъ у меня средство вымолить двадцать гиней и былъ таковъ, а потомъ оказался Жидомъ изъ Явы и въ Берлинѣ его за долги посадили въ острогъ.

Квасные патріоты распустили про меня слухъ, что я не люблю Россію. Нѣкто путешествуя говорилъ въ Парижѣ: „Бакунинъ ругаетъ Россію, вѣдь у него же есть мать, братья, слѣдовательно онъ и ихъ ругаетъ!“ Нельзя

и требовать, чтобъ люди непривыкшіе къ гласности, и смотрѣли на нее съ надлежащей точки. Если я скажу на примѣръ, что книгопродавецъ И.... былъ посѣченъ, въ Шт^ьемъ отдѣленіи, за продажу запрещенныхъ книгъ, развѣ я этимъ обижу Г. И....? Нимало; честь и слава ему, что онъ изъ разнощиковъ попалъ въ купцы, что научился по Французски и просвѣщаетъ публику. Позоръ палачамъ; но я этого не писалъ, до сихъ поръ.

Любитъ легко страну, которая осыпаетъ васъ благодѣяніями, попробуйте любить ее въ изгнаніи, когда васъ гонятъ изъ страны въ страну и когда на васъ клевещутъ. Развѣ я не всегда отличалъ оффиціальную Россію отъ не оффиціальной?

— Да, я люблю Польшу! Моя вѣра велитъ любить побѣжденныхъ. Но я никогда не хотѣлъ дать Польшѣ ножъ, чтобъ она зарѣзала Россію.

Въ 1854 году, былъ въ Лондонѣ митингъ за Польшу, отъ „Централизаціи“. Было приготовительное засѣданіе, чтобъ условиться какъ говорить. Ледрю Ролленъ важно сидѣлъ въ креслахъ, я подошелъ преучтиво спросить объ его здоровьи, зная, что онъ недавно былъ передъ тѣмъ боленъ. Онъ что-то проворчалъ

сквозь зубы. Мнѣ невольно пришелъ на умъ разсказъ Алфіери о представленіи его Лудвигу XV. Какъ онъ ни кланялся, король на него не взглянулъ. — Фу пропасть, пишетъ онъ да если бъ собачка спрашивала слона о здоровьи, то слонъ бы оглянулся подумавъ: Кто это маленькое животное такъ учтивое?

Завязались споры; я сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Наполеона оставить въ покоѣ и спрашиваю Ледрю Роллена объ его мнѣніи.

— Какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать, развѣ я могу пактизировать съ Наполеономъ?

— Да говорятъ, что онъ дѣлаетъ уступки.

— Это говорятъ Французскіе агенты. Господа я отказываюсь отъ рѣчи.

— Господа, я не останусь въ долгу; говорить не буду я.

Я взялъ шляпу и ушелъ. Въ тотъ же день написалъ я Ледрю Роллену записку говоря, что мнѣ было бы очень интересно знать исправляетъ онъ ли обиды съ тою же легкостію съ которою онъ ихъ наноситъ.

Приходитъ ко мнѣ Герценъ, говоритъ, что Ледрю Ролленъ предлагаетъ повторить передо всѣми, что онъ сказалъ, а слова его объ агентахъ ко мнѣ не относились.

— Въ такомъ случаѣ, если хотите, мы поѣдемъ къ нему сами.

Ледрю Ролленъ насъ принялъ какъ нельзя лучше, и былъ вѣжливъ, какъ порядочному Французу слѣдуетъ быть.

Герценъ говорилъ, что я только въ литераторы гожусь, и въ самомъ дѣлѣ я любилъ болѣе другихъ Луи Блана и Феликса Пиа, и находилъ въ нихъ болѣе ума и души.

Откуда ни возьмись, вдругъ Русская печатня, отъ Русскаго вольнаго общества въ Лондонѣ, издаетъ воззваніе къ Русскимъ войскамъ въ Польшѣ не драться. Меня не спрашивали, а полку нашего прибылъ одинъ Энгельсонъ, который уже и въ мертвыхъ. Я почелъ долгомъ протестовать и Герценъ издалъ хоть мой протестъ.

— Что же, спрашиваетъ онъ меня, надо быть полковникомъ чтобъ относиться къ войскамъ?

— Надо проливать не одни чернила, надо не бояться пороха.

Ссора была неминуема, но я таки попробовалъ ее отклонить, пошелъ къ Герцену, а жилъ съ нимъ на одномъ скверѣ — Euston Square, и говорю, что ссора, мнѣ кажется, не нужна для общаго дѣла.

— Я къ вамъ не чувствую симпатіи, возражаетъ онъ.

— Тогда бы я чувствовалъ къ вамъ антипатію, которой не ощущаю.

— Я не могу позволить, чтобъ иногда меня волили, а иногда не жаловали.

— Вамъ никто не позволитъ выдавать себя за представителя Россіи. Этого не дѣлалъ и Бакунинъ.

— Будемте вести полемику, вѣдь мы же другъ друга агентами звать не будемъ.

Полемики я не велъ, но когда мнѣ случилось отписать къ нему объ чемъ-то, а онъ воротилъ письмо мое не распечатанное, тогда я написалъ въ Морнингъ Адвертейзерѣ, по случаю митинга, на которомъ нѣкто Г. Талландье имѣлъ представлять Францію, а Герценъ Россію, что желательно было бы, чтобы Нѣмцы не представляли Россію въ эмиграціи.

На это Герценъ отвѣтилъ, что онъ родился въ Москвѣ и былъ воспитанъ въ Москвѣ; но развѣ у насъ мало остзейцевъ въ томъ же самомъ положеніи? A la guerre comme à la guerre, и съ моей стороны разумѣется было это только придирка и Герценъ оказалъ мало тактики разсказавъ свою генеалогію, никто его въ ней упрекать не думалъ. Но за мѣсто того, чтобъ разсердиться на себя, онъ еще пуще разсердился на меня.

— За чѣмъ, говорилъ я ему, не начинаете

вы революціи съ себя, и не назоветесь Сердцевымъ или Яковлевымъ? У него бывали вечера, гдѣ подавался виски-пуншъ, обѣды, гдѣ онъ подносилъ рюмочку краснаго вина. Герценъ въ Лондонѣ, въ Ниццѣ или Москвѣ были три различные человѣка. Онъ любилъ, чтобъ ему поклонялись; иные надъ нимъ смѣялись, называя его деспотомъ. „Я иду ко властямъ“, говаривалъ одинъ изъ его посѣтителей, идя къ нему.

Въ Юстонъ-Скверѣ я написалъ по Англійски: „Народы Россіи и Турціи“ въ двухъ частяхъ. Пресса приняла ихъ хорошо, но издатель Нѣмецъ едва выручилъ мнѣ издержки.

Война, которая должна была открыть Россіи глаза, просвѣтить Турцію, или совершенно ее погубить началась. Еще въ 1850 г. меня спрашивали о моемъ мнѣніи насчетъ похода противъ Россіи, предпринятаго Турціею въ пользу Венгріи и Польши. Я отвѣтилъ, что если полумѣсяцъ пойдетъ впереди, то дѣло дурное. Но Николай велѣлъ выйдти войскамъ изъ Дунайскихъ Княжествъ. Мнѣ тогда еще сказалъ Лордъ Стуартъ: Россія съ одной Англіей не приметъ войны, а съ Франціей и съ Англіей вмѣстѣ и подавно.

Союзъ былъ готовъ уже тогда, и Австрія менѣе помѣшала бы Россіи; но гордость должна была погубить Николая послѣ.

Въ 1854 г. потерялъ я брата моего Михайла Гавриловича, который умеръ въ Петербургѣ отъ холеры. Ударъ этотъ чуть меня не сокрушилъ. Мнѣ сообщили извѣстіе неожиданно у Ротшильда, и я на силу устоялъ на ногахъ. Другіе родственники не почли нужнымъ написать мнѣ строки и я долженъ былъ молить о подробностяхъ столь грустнаго для меня событія. Покойникъ завѣдывалъ моими дѣлами, и я остался безъ гроша, заложилъ всѣ вещи до портофеля, за который мнѣ ничего не дали. По неволѣ я потребовалъ настоятельно что мнѣ приходилось и мнѣ выслали 9000 рублей: но банкиръ, будучи Русскій купецъ, сначала предложилъ мнѣ свой товаръ — кожу за деньги, потомъ выслалъ половину суммы. Извольте съ такими распоряженіями попробовать себѣ нажить состояніе. Я переѣхалъ къ Роланди, гдѣ и получилъ извѣстіе о смерти Николая Павловича. Странная вещъ, что въ 1851 году, я былъ у *raping-spirits* или у двигателей столами, которымъ вѣрилъ и покойный Государь до того, что онъ разбилъ разъ столъ, не повиновавшійся его командѣ. Воодушевленная женщина мнѣ объявила, что тотъ объ которомъ я думаю умретъ въ 1855 г. Я сожалѣлъ объ деньгахъ и не вѣрилъ, а тутъ невольно вспомнилъ объ ея предсказаніи. Я ду-

малъ, что Наслѣдникъ мнѣ сей часъ откроетъ входъ въ Россію и написалъ ему, что я буду счастливъ имѣть добрѣйшаго изъ монарховъ. Въ одномъ изъ сообщеній Лорду Кларендону я писалъ, что все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ приблизить возшествіе на престолъ Александра Николаевича, который сдѣлаетъ Россію счастливою.

Въ Морнингъ Адвертейзерѣ появилась статья обвиняющая его въ томъ и другомъ. Я на нее отвѣтилъ говоря, что приличнѣе обождать его дѣйствій прежде нежели судить объ немъ, что Кавелинъ справедливо сказалъ ему: „Благодарите Бога за то, что онъ далъ вамъ доброе сердце“ и что онъ еще отцу своему говорилъ, что онъ простилъ бы участниковъ въ 14ъ числѣ. За эту статью поднялась на меня гроза, меня стали звать Русскимъ агентомъ и шпіономъ. Говорятъ, что на такія вещи не отвѣчаютъ, но qui ne dit mot consent, т. е. молчаніе знакъ согласія и мы съ Герценомъ и другими въ томъ же журналѣ отстояли Бакунина въ томъ же обвиненіи. Толстыя головы радикальнаго журнала увѣряли, что Австрія не выдала бы Бакунина Россіи, еслибъ онъ не былъ Русскимъ агентомъ, такъ что еслибъ Кошутъ былъ выданъ Турціей Австріи, то и онъ былъ бы Австрійскимъ агентомъ. Меня еще обвиняли въ томъ, что я дерзалъ сказать, что

Русскимъ путь въ Индію не черезъ Азіатскую Турцію, а черезъ Персію. Это было тѣмъ подлѣе отъ Морнингъ Адвертейзера, что я писалъ въ немъ во все время пребыванія моего въ Англіи, а получилъ отъ него всего какихъ нибудь 20 ф. Я кричу à bas les masques; защищаясь подъ моимъ именемъ, требую чтобъ меня атаковали не безъимянно. Первый рыцарь поднявшій свое забрало былъ майоръ Роландъ. Я его разъ только видѣлъ у типографщика Тукера, гдѣ онъ мнѣ сказалъ: „У вашихъ соотечественниковъ больше мозгу нежели у моихъ; Англичане выигрываютъ сраженія, а Русскіе войны.“ Я ему пишу частную записку, говорю: „что вамъ нападать на изгнанника, если вы чувствуете, Майоръ, ратоборство, ступайте въ Крымъ, тамъ найдете съ кѣмъ поговорить.“ Онъ это письмо пересылаетъ издателю, и въ арену входитъ. Ф. Максъ (не Карлъ), который и Бакунина атаковалъ. Но я зналъ, что ими двигаетъ Уккертъ, который и Пальмерстона укорялъ въ томъ, что онъ проданъ Россіи, а Маццини въ томъ, что онъ отъ Австріи получаетъ деньги.

Удары посыпались надъ головами Макса и Роланда. Таинственный рыцарь привелъ примѣръ Поляка, бывшаго съ Шартистами, а потомъ очутившагося въ другомъ лагерѣ, но умалчивалъ, что онъ отъ него на митингѣ получилъ двѣ плеу-

хи. Не дурно было знать какъ законъ Англійскій ведетъ себя въ такихъ случаяхъ. Я посовѣтовался съ адвокатомъ, который мнѣ сказалъ, что политическій характеръ оспоривать не составляетъ либелы, и что во время войны не найдется жюри за меня. На мою сторону вышелъ Ричардсъ, что уровняло бой, ибо насъ стало двое противъ троихъ. Я заключилъ споръ повтореніемъ словъ уже стоявшихъ въ Сондей Темсѣ, что я не предвижу ничего, что бы могло меня понудить принять изгнаніе въ отдаленной провинціи, которое новый государь вѣроятно мнѣ предложитъ за великую милость. Мои предсказанія сбылись: Александръ II. оправдалъ общія надежды и мои частныя. Но я узналъ мѣру Англійскаго политическаго гостепріимства. Если вы служите принципамъ, Англичане вамъ помогаютъ сколько эти правила полезны имъ, но если они приносятъ пользу вашей, а не ихъ землѣ, они противъ васъ. Джонъ Буль жестокъ, сказалъ я въ другомъ сочиненіи [1]). Прочтите отчеть кулачныхъ боевъ въ *John Bell's Life in London*. Съ какою радостію привѣтствуютъ они кровь: „Пунцовикъ брызгнулъ, пурпуръ хлынулъ, кларетъ обильно потекъ“ и пр. пр.

---

[1]) Десять лѣтъ въ Англіи.

XIX.

Какъ-то случайно и не вольно, я познакомился съ Едвардомъ Штерномъ изъ Митавы, ни дать ни взять Армянскій Принцъ. Онъ провѣдалъ, что у меня есть деньги и сталъ жаловать ко мнѣ. — Вѣдь только торговля, говоритъ онъ, обогащаетъ людей, я въ ней взросъ, домъ моего батюшки извѣстенъ свѣту, довѣрьтесь мнѣ, мы заведемъ торговый домъ.

Я молъ:

Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закаулокъ!

Но Штернъ мой пріискалъ себѣ товарища — Генриха Пикерсгиля, уроженца Московскаго, но Англичанина, только что женившагося на Англичанкѣ съ состояніемъ.

— Мы вамъ домъ дадимъ, если хотите, въ поручительство за ваши деньги. Взгляните на наши сношенія, вотъ письма со всѣхъ краевъ Европы. Домъ, думаю, брать не годится, коли

идти на барыши, такъ надо принимать и рискъ. Кожа двухъ человѣкъ стоитъ 500 ф., хоть иная и гроша не стоитъ, а я и не зналъ, что въ Англіи товарищъ на товарища не имѣетъ уголовнаго иска. Дернулъ меня нелегкій, далъ я векселъ Савина, котораго впрочемъ дисконтировать было не возможно, да еще 100 ф. придалъ. Едва спустилъ я деньги, гляжу, Штернъ мой кутить пошелъ. Я пишу письмо, что деньги не на кутежъ даны, и меня увѣдомляютъ о полученіи письма. Совѣтуюсь съ адвокатомъ. Одно спасеніе: прикинуться должнымъ и велѣть захватить деньги, но это фальшъ, а не спасеніе. Дѣлать нѣчего: Il faut faire bonne mine ou mauvais jeu. Сбираюсь въ Америку — и давно пора!

Севастополь не унываетъ
Службу лишню забываетъ.

Отбилъ штурмъ, Англичане на меня косятся, какъ будто я двигаю всѣми нитями войны. Ѣду въ Ливерпуль гдѣ и сажусь на пароходъ. Давно хотѣлось мнѣ ступить на другое полушаріе, подышать воздухомъ новаго свѣта и повѣрить: хуже ли тамъ лошади и лучше ли люды? Была сиверка большая и страстей я набрался не много. Пароходъ ѣхалъ тихо, кормили дрянно, общество ни то ни се.

Наконецъ я въ Бостонѣ, въ River Hôtel.

Ни дать ни взять провинціальной Французскій городъ, курить на улицахъ нельзя, по воскресеньямъ и водки и дома пить нельзя. Встрѣчаю Карчинскаго. — Вы что здѣсь? — Подъ судомъ. — За что? — За наборъ солдатъ въ Крымъ. — И по дѣломъ.

Ѣду къ Вебстеру, сыну извѣстнаго оратора въ Маршфельдѣ. Принимаетъ радушно, по Русски, гощу у него нѣсколько дней, и пріятно мнѣ одному забыться въ библіотекѣ покойнаго Даніила Вебстера. Клей чисто Американскій ораторъ, но Вебстеръ всемірный, и библіотека его не безъ интереса для Европейца. Сынъ его наконецъ мнѣ говоритъ:

— Я васъ очень полюбилъ, мнѣ бы весьма было пріятно, чтобъ вамъ понравилась Америка, и что бъ вы поселились съ нами. Я послалъ сына къ полковнику Кинней, въ Никарагу. Кинней былъ другомъ моего отца, онъ долженъ былъ жениться на моей сестрѣ, которая скончалась. У него въ Тексасѣ цѣлое графство. Онъ великой человѣкъ. Въ Никарагѣ онъ купилъ большое пространство земли и мы заводимъ тамъ колонію. Чудесная земля Никарага, три посѣва въ годъ. Я вамъ скажу конфиденціально, Россія хочетъ пріобрѣсти гавань въ Центральной Америкѣ, чтобъ отвлечь вниманіе отъ восточной войны. Я вамъ очень

совѣтую взять нѣсколько акцій въ нашей компаніи.

Вотъ и даетъ онъ мнѣ рекомендательное письмо къ Фабенсу, бывшему Американскому Консулу въ Грей-тонѣ, и я ѣду въ Нью-Іоркъ.

Фабенсъ и пріятель его Свифтъ въ St. Nicholas Hôtel на меня очень выгоднаго впечатленія не производятъ и я беру акцій какъ можно меньше — на 200 долларовъ.

Отъ Штерна приходитъ письмо, проситъ еще капиталу. Держи карманъ шире! Американцы трясутъ мнѣ руку — того гляди, что вывихнутъ плечо. Отъ Пульскаго доставляю рекомендательное письмо Сандерсу — порядочный оселъ! Нью-Іоркъ такъ и пышетъ плутовствомъ, ѣду въ Филаделфію. Къ Филаделфіи у меня магнитъ. Въ Брейтонѣ я познакомился съ Американкой прехорошинькой, которая мнѣ просто сказала: „Follow me to America, поѣзжайте за мной въ Америку“. Ищу ее какъ иголку, нахожу бѣлокъ въ Франклинъ-Скверѣ, а ее нѣтъ какъ нѣтъ. Въ Директоріи ищу — все не то; изъѣзживаю по всѣмъ адрессамъ множество долларовъ — все не то. Хочу объявить пристойное награжденіе тому кто ее найдетъ и только черезъ два года объяснилось недоразумѣніе: имя ея пишется съ другою буквою! О буква! Одна буква иногда въ жизни спа-

саетъ отъ большихъ непріятностей, или вводитъ въ огроменыя муки. Ну что бы стало со мною, еслибъ я женился на Американкѣ безъ состоянія, любящей шелковыя платья? Въ Соединенныхъ Штатахъ гораздо лучше быть столяромъ нежели авторомъ.

Возвратясь въ Нью-Іоркъ, хожу по Бродвею и покупаю за дешевую цѣну золотыя часы на аукціонѣ, которые въ рукѣ моей оказываются мѣдными. Если съ вами, читатель, случится подобное, бросьте часы въ лице купца — вы имѣети на то полное право.

Г. Райнъ, старинный мой пріятель, сотрудникъ въ Нью-Іорксомъ Геральдѣ помѣстилъ весьма лестный разборъ моихъ „Народовъ Россіи и Турціи“, и я отправился на водопадъ Ніагары, въ которомъ достало бы воды, чтобъ потушить Везувій. Видъ его утишилъ всѣ бури моего сердца впродолженіи пяти дней, послѣ которыхъ я поѣхалъ на Св. Лоренцій, къ тысячѣ островамъ. Давно ли я бросилъ туманный Албіонъ, а мнѣ уже пріятно встрѣчать въ Канадѣ Англійское приличіе послѣ Американской дикости.

На озерѣ Св. Георгія, я провелъ наилучшій день моей жизни, но несчастіе всегда кроется подъ радостію. Въ трактирѣ (Фортъ Вилліамъ) гдѣ я причалилъ ночевать, едва за-

писалъ я имя свое въ книгу и напился чаю, какъ человѣкъ подошелъ мнѣ сказать, что комнатъ нѣту.

— За чѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали, теперь уже поздно плыть мнѣ въ другой отель.

Черезъ минуту или двѣ является баринъ, который заговорилъ со мною по Французски.

— Правда, сударь, что комнатъ нѣтъ, но я сей часъ увидалъ ваше имя въ книгѣ, и сказалъ хозяину, что непремѣнно надо вамъ отыскать постель. Вслѣдствіе того, прикащикъ отеля уступитъ вамъ свою комнату.

Наружность моего собесѣдника между тѣмъ говорила, что онъ Нѣмецъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ Пруссакъ изъ Кёнигсберга и звался Шёненбергъ. Сказавъ, что онъ офицеръ въ ландверѣ, что онъ много слышалъ обо мнѣ, что онъ женатъ на Американкѣ, большой піанисткѣ, онъ вѣроятно уступилъ мнѣ свою комнату, и будучи бухгалтеромъ, къ крайнему моему удивленію, зачелъ мнѣ только за половину дня, вмѣсто цѣлаго.

Не долго послѣ возвращенія моего въ Нью-Іоркъ, я встрѣтилъ этого барина на улицѣ, и такъ какъ мнѣ надо было писаря, я спросилъ его не знаетъ ли онъ кого нибудь? Онъ сей часъ вынулъ изъ кармана тетрадь отлично на-

писанную и предложилъ мнѣ свои собственныя услуги. Я далъ ему переписовать и переводить, а по окончаніи недѣли предложилъ ему десять долларовъ; но вскорѣ получилъ отъ него записку, просящую 25 д., въ зачетъ будущихъ его трудовъ; на слѣдующей недѣлѣ пришла другая записка еще о 25 д. для его пансіона или борда. Я чувствовалъ, что этому не будетъ конца, и такъ какъ мнѣ хотѣлось быть полезнымъ и ему и себѣ, а отецъ его содержалъ трактиръ въ Кёнигсбергѣ, то я предложилъ ему открыть Baarroom или питейную. Предложеніе было принято съ восторгомъ и вскорѣ 400 моихъ долларовъ ушли на учрежденіе. Я зналъ, что Американцы охотнѣе покупаютъ рюмку ликера нежели книгу, и въ самомъ дѣлѣ очищалось въ день доходу долларовъ шесть, но все это поступало къ Шёнебергу. Я полагалъ, что онъ будетъ сидѣть самъ, а онъ пріискалъ какого-то барона Вицлебена, пріятеля Графа Липпе. Они мнѣ вскорѣ донесли, что Г. Шёненбергъ уплачиваетъ моимъ новымъ виномъ свои старые долги. Я приказалъ запереть заведеніе, завязался процессъ, но господа доносчики показали передъ судомъ, что ни объ чемъ не знаютъ и мнѣ надо было позволить Гну Шёненбергу хозяйничать по своему. Вскорѣ онъ и прохозяйничелъ все, а когда я его встрѣ-

тилъ и спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать съ мебелью, то онъ мнѣ припокойно отвѣтилъ, что онъ потерялъ на меня время, а время деньги, и по Американскимъ законамъ трудъ становится выше денегъ. Что ни земля, то и нравы другіе.

На ту пору, получено отъ Штерна, извѣстіе, что онъ разошелся съ своимъ товарищемъ, но что я ничего не потеряю.

Съ одной только Нью-Іоркской Трибуны удалось мнѣ получить 35 д. за разныя статьи, которыя я помѣстилъ въ этомъ журналѣ.

Съ Сандерсомъ былъ у меня споръ въ журналахъ объ смертной казнѣ за политическія преступленіяся. Онъ хотѣлъ приложить паръ къ эшафотамъ. Отъ того ему и осталось имя Steam-Guillotine, а такъ какъ желѣзныя дороги въ Америкѣ безпрестанно бьютъ людей, то и ихъ прозвали „паровыми гилльотинами“.

Я жилъ это время въ Бруклинѣ. Г. Фуллеръ, издатель Миррора (Зеркала) также пробовалъ изловить меня на учетѣ его векселей, утверждая, что это отличное помѣщеніе денегъ по 7%, но на эту удочку я не попался.

Къ генералу Дуффу Гринъ я ѣзжалъ на дачу, покуда не убѣдился, что и онъ мѣтитъ на бѣдный мой кошель.

Въ Октябрѣ 1855го г., я поѣхалъ въ Ва-

шингтонъ и остановился въ *National-House*. Тутъ я встрѣтилъ Нѣмца книгопродавца, съ которымъ я познакомился въ Лондонѣ. Между тѣмъ какъ я говорилъ съ нимъ, другой Нѣмецъ сказалъ мнѣ:

— Я не помню гдѣ я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть.

— И я не припомню гдѣ имѣлъ честь.

(Я въ жизни его никогда не видалъ.)

— Полковникъ Бурхардъ, сказалъ книгопродавецъ.

— Вы въ первый разъ въ Вашингтонѣ? спросилъ Венгерецъ.

— Въ первый.

— Я почту за счастіе васъ представить Г^ну Президенту и Статсъ-Секретарямъ, если вы съ ними не знакомы.

— Благодарю васъ покорно.

За обѣдомъ онъ меня представилъ Сенаторшѣ М***, а на другой день въ Бѣломъ домѣ, (*White House*), или въ домѣ президента, директору почтъ, который представилъ меня Генералу Пирсу. Потомъ онъ свелъ меня къ начальнику канцеляріи иностранныхъ дѣлъ и пр. Я узналъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ никогда не бывалъ знакомъ, но что обычай Американскій позволяетъ представлять людей и не зна-

комымъ. Сенаторша М*** была хороша собой и разъ въ минуту откровенности мнѣ сказала:

— Я не знаю за чѣмъ Нѣмецъ говоритъ, что я жена Сенатора, я вдова Англійскаго офицера.

Слово вдова мнѣ нравилось больше Сенаторши, но я захотѣлъ испробывать моего полковника, и такъ какъ я всякій разъ спрашивалъ за обѣдомъ вино, попробывалъ я спросить вина на имя Бурхарта. Пошли телеграфическія депеши между нимъ и бухгалтеромъ.

— Объ чемъ идетъ дѣло полковникъ?

— Бухгалтеръ спрашиваетъ меня требовалъ ли я вина, и я отвѣчаю, что нѣтъ.

— О это я позволилъ себѣ заказать на ваше имя, чтобъ меня не приняли за пьяницу. Но вотъ мой кошелекъ.

Къ моему удивленію онъ взялъ его и вынулъ изъ него нужныя деньги.

Я имѣлъ мѣру человѣка, пошелъ за другими свѣденіями и узналъ, что мнимый полковникъ Венгерскій бѣглый Австрійскій солдатъ Францъ Пуло, котораго сбирались прогнать сквозь строй за присвоеніе серебрянной ложечки, а онъ далъ тягу въ Америку, гдѣ хотѣли его приставить полковникомъ къ главному штабу. Оставалось сенаторшѣ быть авантюрьеркой, и оказалось, что она изъ этихъ красавицъ, ко-

торыя лѣтомъ ѣздятъ на воды а зимою на народныя собранія, чтобы торговать своими прелестями.

Въ Америкѣ преслѣдуютъ наложничество, вслѣдствіе чего женщинъ содержатъ въ публичныхъ домахъ. До сихъ поръ проклинаютъ въ Нью-Іоркѣ Польскаго Князя, который выдавалъ свою любовницу за жену. Однажды за столомъ, дама говорила съ такою ненавистію о наложничествѣ, что мнимый мужъ ея вознегодовалъ и сказалъ ей: — Если ты будешь продолжать такой разговоръ, я всѣмъ скажу, что ты не моя жена.

По возвращеніи въ Нью-Іоркъ, у меня былъ диспутъ съ Атласомъ, по случаю арестаціи дамы, которая переодѣлась мужчиной. Журналъ этотъ соглашался, что извѣстнаго рода свободы меньше въ Соединенныхъ Штатахъ нежели въ Европѣ, но утверждалъ, что отъ того-то именно больше общественной свободы нежели во Франціи. Власть отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, въ Соединенныхъ Штатахъ, равняется нулю, между тѣмъ какъ донось человѣка не имѣющаго въ томъ другаго интереса какъ общаго интереса гражданина, на мужчину живущаго не въ бракѣ или даже носящаго осенью шаль какъ женщина принимается судомъ.

Всѣ Европейскіе демократы, которыхъ я видѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, мнѣ сказывали, что все что происходитъ тамъ охладило ихъ къ демократіи. Взятки ежедневны; при мнѣ судили судью Стуарта за взятіе 500 д. съ женщины, и судья Френчъ, которому я выражалъ мое удивленіе, мнѣ сказалъ шутя: „По-крайней-мѣрѣ есть преимущество, которое иностранцы намъ неоспорятъ — быть первыми плутами міра.“ Самъ Данілъ Вебстеръ говорятъ, взялъ 35,000 д. съ южныхъ Штатовъ за знамѣнитую свою рѣчь:

„May the sunn in heaven never shine upon the broken and deshonorated fragments of a ounie glorious Union.“

Драки въ Конгрессѣ безпрестанны, а развратъ въ главныхъ городахъ черезъ край! Американцы не знаютъ лучшаго употребленія свободы, какъ наживать деньги — обманомъ. Кризисъ 1857го года я предсказывалъ въ 1855 году, говоря, что лавки на Бродвеи попрыгаютъ одна за другой; ибо не только, что платятъ за наемъ слишкомъ дорого, но вообще купцы намѣрены платить только если сдѣлаютъ хорошія дѣла.

„Свѣтлыхъ воспомининій“ я не написалъ бы книгу, но чтобъ показать, что я не пишу одни тѣни, скажу, что Америка не испортила

людей какъ Фридриха Каппа[1]) или Доктора Кальта, объ которымъ съ сожалѣніемъ узнаю, что онъ умеръ. Г. Дана, въ Геральдѣ человѣкъ европейски образованный. Г. Брислебенъ котораго за Фурьеризмъ выслали изъ Парижа, въ мое пребываніе въ Нью-Іоркѣ, попалъ въ смѣшное общество „свободной любви“ (Free lope). Механика, народное просвѣщеніе — предметы заслуживающіе вниманіе Европейца. Профессоръ Геологіи Дана, профессоръ Зоологіи въ Кембричѣ Агацицъ (родомъ Швейцаръ), профессоръ Робертсонъ въ Колумбіи, множество ученыхъ заслужили всеобщее уваженіе. Нигдѣ не отдаютъ авторамъ столько почестей, какъ въ Америкѣ: Прескотту, Ирвингу, Лонгфелоу. При мнѣ Рашель и Теккерей были приняты въ разверстыя объятія, хотя пріемъ Линдъ и Елсслеръ еще превосходилъ ихъ.

На Польскомъ празднованіи, я говорилъ въ Нью-Іоркѣ рѣчь, въ которой я Американцамъ сказалъ болѣе одной истины. — Когда демократъ, говорилъ я, пріѣзжаетъ сюда изъ Европы полный надеждъ и упованій и находитъ царствующій здѣсь безпорядокъ, что остается ему дѣлать? Какъ говорилъ Вольтеръ, спрыгнуть съ земнаго шара! Онъ научается любить по-

[1]) Его вышла у Дункера въ Берлинѣ Исторія Америк. Генерала Штёбена.

лицію, сожалѣть о жандармахъ, вздыхать по квартальнымъ! Молодой Ирландецъ, уроженецъ Американскій отвѣчалъ, что я раздѣляю заблужденія общія всѣмъ иностранцамъ объ Соединенныхъ Штатахъ. Но заблужденія съ моей стороны не было. Союзъ былъ великъ въ колыбели, а взросъ въ болѣзни и недугѣ. Добродѣтели которыя показали Американцы въ борьбѣ за свободу, заснули въ нихъ послѣ побѣды, и не будучи вызываемы общею опасностію только выразились въ механическомъ развитіи. Однажды въ С^ъ^ Николасъ отели подошелъ ко мнѣ южный Американецъ и сказалъ, что онъ очень радъ былъ видѣть Русскаго, будучи увѣренъ, что я оправдываю рабство. Удивленіе его было велико, когда я возразилъ ему, что я ни мало не приверженецъ этого учрежденія. — Да, помилуйте, сказалъ онъ, рабство позволено библіею. — Мармоны утверждаютъ, что она оправдываетъ и многоженство.

Выходя съ Польскаго митинга, ко мнѣ подошелъ Полякъ, или лучше сказать Варшавскій Жидъ, съ огромною брилліантовою булавкою, увѣрялъ что онъ меня видалъ въ Парижѣ и просилъ объ совѣтѣ по своимъ дѣламъ, такъ какъ я знаю Америку, а онъ недавно изъ Мелбурна, гдѣ онъ содержалъ отель и нажилъ себѣ большой капиталъ. Я думалъ, что дѣло

идетъ о какихъ нибудь финансовыхъ операціяхъ, но Г. Франкенштейнъ, такъ его звали, хотѣлъ купить имѣніе, и въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ себѣ скоро на Лонгъ-Айландѣ (Длинномъ островѣ) ферму. Капиталъ будто имъ нажитый съ каждымъ днемъ уменьшался въ устахъ его; сначала это было полъмилйона, потомъ стало сто тысячъ франковъ. Очутилось, что онъ за купленную имъ землю уплатилъ только 800 долларовъ, но нашелъ средство по документамъ имъ пріобрѣтеннымъ доставить себѣ кредитъ. Бекешь который онъ себѣ сшилъ также вѣроятно способствовалъ къ этому. Въ долгъ онъ открылъ трактиръ, а при трактирѣ café chantant, который удалялъ жильцевъ, но вѣрно удался бы еслибъ верхній этажъ т. е. пустыя квартиры не пожирали всего дохода пѣвчей и питейной. Видя это, онъ сталъ никому не платить, и въ одно прелестное утро уѣхалъ во Францію на Араго.

Люди скажутъ, что это былъ не Американецъ а иностранецъ, no qui se ressemble s'assemble.

Когда Американское правительство стало преслѣдовать наборщиковъ солдатъ въ Крымъ, господа Англійскіе послы и Консулы умыли себѣ руки и притворились, что ничего объ этомъ не знаютъ. Вслѣдствіе того Поляки ос-

тались на мостовой безъ куска хлѣба. Нѣкоторые изъ легіона Смоленскаго обратились ко мнѣ прося заступиться. Я велѣлъ представить ихъ требованія черезъ адвоката Гну Станлей, канцлеру британскаго Консульства въ Ню-Іоркѣ. Баринъ этотъ, у котораго была впрочемъ прехорошенькая жена возъимѣлъ ко мнѣ Ахиллесовскій гнѣвъ и, увидавъ у Дельмоника, толкнулъ меня сказавъ: „Вы на моей дорогѣ!“ Я подошелъ къ нему и говорю: „Вы такъ слѣпы, что я вамъ совѣтую носить очки.“ Черезъ нѣсколько минутъ онъ извинился говоря: „I beg your pardon, Sir, I confess that it was ratter a thoughtless action on my part.“ (Я прошу прощенія, признаюсь, что это былъ съ моей стороны необдуманный поступокъ.) Онъ приписывалъ вѣрно мнѣ статьи въ журналахъ, которыя его заѣдали и послѣдствіемъ чего было удаленіе Крамптона и трехъ Англійскихъ Консуловъ. Кларендонъ снесъ эту обиду мужественно.

XX.

Сани-обминбусы Нью-Іоркскія стоило бы перенять. Лошадей запрягаютъ въ нихъ до двадцати, а кучеръ одинъ, ѣздоковъ же цѣлый гуртъ, веселый и шумный. Но вообще зима не стоитъ Русской; въ морозъ люди посклизаются и падаютъ, (Генералъ Кассъ чуть себя до смерти не ушибъ такимъ родомъ въ Вашингтонѣ), а такъ какъ незнаютъ кому чистить улицы, то набирается грязи и снѣгу до семи футовъ. Не удивительно, что я схватилъ горячку въ Мартѣ 1846го года и поѣхалъ лечить ее въ Гаванну, на пароходѣ Катаубѣ. При первыхъ лучахъ южного солнца я и выздоровѣлъ.

Куда лучше ѣхать за „солнечными ощущеніями“, какъ туда гдѣ солнце печетъ круглый годъ? Но люди ходятъ въ Кубѣ полуголые, они же всѣхъ цвѣтовъ, отъ чернаго до краснаго дерева и до цвѣта сѣрой древесной коры, и рабовъ больше нежели вольныхъ. Рабство же Мистриссъ Стоу не хвалитъ.

Гаванна со всѣмъ не такъ красива, какъ я ее ожидалъ, но Испанцы уже черезъ чуръ гостепріимны и не позволяютъ вамъ платить ни въ кофейныхъ ни въ лавкахъ. Я нашелъ самый радушный пріемъ.

Разумѣется всего лучше въ Гаванѣ, что сигары дешевы; папиросы свертываютъ дворники и солдаты, а сигары негры руками, которыя бѣлѣе внутри нежели съ наружи, но потому что это у нихъ обще съ обезъянами. Они ихъ же прислюниваютъ губами со всѣмъ не красивыми, такъ что надо быть страстнымъ курителемъ (Профессоръ Брёкеръ говорилъ про себя: Je suis un grand fumier за мѣсто fumeur), чтобъ такой видъ не отбилъ охоту отъ сигаръ.

Трактировъ въ Гаваннѣ хорошихъ нѣтъ, а комаровъ бездна, вино Каталанское хорошо, варенье чудно, а кофе дуренъ.

Видъ плантацій табачныхъ и сахарныхъ ничего не представляетъ особеннаго, но видъ кофейныхъ плантацій красивъ и уплачиваетъ вполнѣ поѣздку во внутренность острова.

Меня спросятъ зачѣмъ же рабы будучи многочисленнѣе владѣтелей не бунтуютъ? У нихъ и былъ разъ заговоръ, но его открыли. Они замышляли истребить всѣхъ бѣлыхъ муж-

чинъ, а бѣлыхъ женщинъ сохранить для собственнаго своего употребленія. Ихъ разкасировали по нашему, кого засѣкли, кого заслали.

Однажды и былъ случай, что негръ ворвался въ комнату своихъ барышень; что у него было съ одной изъ нихъ, осталось тайной, она разумѣется говоритъ, что ничего, но покуда никто не беретъ ее за мужъ, а онъ выскочилъ изъ окна и убился.

Въ Соединенныхъ Штатахъ уже потому нельзя жить, что въ южныхъ штатахъ половину года свирѣпствуетъ желтая горячка.

Она рада всѣмъ, званнымъ и незваннымъ,
А пуще иностраннымъ.

Побывавъ въ Ню-Орлеанѣ и убѣдившись, что мнѣ нѣчего дѣлать съ обранкрутившимися Французами съ go-a head Янке и съ алегаторами на озерахъ и на Миссисипи, я пустился въ возвратный путь въ Европу, и послѣ 25и дневнаго плаванія, при отличной погодѣ, прибылъ въ Саусамптонъ. Такъ какъ въ этой книгѣ, я долженъ говорить объ скучномъ самомъ себѣ, то я и не буду занимать читателя летучими рыбами, сверкающими червячками, голыми неграми и разодѣтымъ Королемъ Сулукомъ. Не стану также угощать его сахраненными яицами, масломъ и молокомъ, которыми насъ кормили дорогой вмѣстѣ съ похудѣвшими курами.

Скажу только, что вино на пароходахъ такъ хорошо и дешево, что не дурно бъ выпить за святую Русь, которую все время носилъ я въ сердцѣ.

Въ Нью-Іоркѣ я пописывалъ статьи въ тамошнемъ Экономистѣ, и сбирался издавать свой журналъ: Европейская почта, но издатель перваго мнѣ отсовѣтовалъ и я обѣщалъ себѣ начать его въ Англіи, если меня не пустятъ въ Россію. Въ Америкѣ мнѣ писали: „до свиданія въ Петербургѣ“, но пріѣхавши въ Лондонъ, я не нашелъ подтвержденія этой надежды, хотя еще подъѣзжая къ Англіи, получили мы пріятную вѣсть о заключеніи мира. Напротивъ, говорили, что Герценъ и я будемъ одни выключены изъ амнистіи.

У Герцена, какъ-то за обѣдомъ, я держалъ съ Г. Бодиско пари въ 1000 фр., что Константинополь Русскіе не возьмутъ, и Александръ Ивановичъ насъ разнялъ. За Севастополь пришлось мнѣ поплатиться; ибо не могъ же я говорить Англичанамъ, что Севастополь совсѣмъ не такъ крѣпокъ какъ увѣряютъ. Г. Бодиско находился при посольствѣ нашемъ въ Вашингтонѣ, но на мой запросъ отвѣчалъ, что онъ не помнитъ, но что положится на Герцена.

Слѣдовательно, по пріѣздѣ, я принялъ на себя бодрость спросить запиской Искандера пом-

нить ли онъ о пари, на что мнѣ онъ отвѣчалъ, что онъ удивляется моей попыткѣ съ нимъ связать снова знакомство, что онъ пари принялъ за шутку, что онъ изумленъ какъ я могъ отыскивать его черезъ миссію въ Нью-Іоркѣ и что надѣется, что другой попытки съ моей стороны сойтись съ нимъ не будетъ.

На это важное письмо я отвѣтилъ, что вѣроятно Г. Бодиско находился шутя при посольствѣ въ Вашингтонѣ (въ Нью-Іоркѣ не имѣется Русской миссіи), что отъ меня не зависѣло дать нашей ссорѣ серьёзной оборотъ, но люди, которые не даютъ удовлетворенія не въ состояніи и обидѣть, а посему я и не обращаю вниманія на его колкости.

Г. Пикерсгиль между тѣмъ далъ тягу въ Москву, куда еще я не могъ за нимъ слѣдовать, а Штернъ находился въ Мидлесбурѣ, откуда онъ мнѣ писалъ, что онъ, въ ожиданіи великихъ благъ женился на дѣвушкѣ безъ состоянія.

Передъ отъѣздомъ въ Америку, я ему далъ на продажу вина, чаю и попугая, а по возвращеніи онъ меня извѣстилъ, что чай выпили у него горничныя, вино пріятели, а попугай разбилъ клѣтку, и онъ бы долженъ былъ зачесть мнѣ за его пропитаніе. Когда же я за-

мѣтилъ ему, что это не торговля, то онъ отвѣтилъ, что онъ не мой слуга!

По возвращеиіи въ Лондонъ, я встрѣтилъ Г. Огарева, съ которымъ я нѣкоторое время былъ на пріятельской ногѣ въ Парижѣ и который пріѣхалъ къ шапошному разбору эмиграціи. Онъ притворился какъ будто меня не знаетъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ: „Когда я повздорилъ съ Николаемъ Павловичемъ, то его адьютанты перестали мнѣ кланяться, и это казалось мнѣ странно; но когда я поссорился съ Герценомъ, то учителя его дѣтей также перестали мнѣ кланяться; но что всего мнѣ кажется страннѣе это то, что онъ вамъ видно приказалъ меня не узнавать и со мной не говорить.“ Повернувшись къ нему я было продолжалъ свой путь, но онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Головинъ, это не изъ за того, а за то, что вы поступили дурно съ Герценомъ.

— Онъ вамъ такъ разсказалъ, а такъ какъ вы ему должны сто тысячъ, то вы и повѣрили.

Поэтъ нашъ остолбенѣлъ передъ такимъ фактомъ, точно онъ крѣпостной Герцена и долженъ дуться на кого баринъ гнѣвается.

Я бодро принялся издавать журналъ на трехъ языкахъ подъ именемъ: Россія. Полиглотные журналы должны быть очень велики,

чтобъ удаться, но я еще мало зналъ характеръ Англичанъ и не думалъ, что ихъ патріотизмъ такъ узокъ, что вражда ихъ ко всему Русскому продолжалась долѣе войнъ съ Россіей. Притомъ первое условіе журнала въ Лондонѣ имѣть контору въ журнальномъ кварталѣ, въ Стрендѣ, и такъ какъ я дѣлалъ все на мой счетъ, то моя одежка не позволяла мнѣ протягивать ноги въ дорогія палаты. Я началъ въ Фельетонѣ „Записки русскаго крѣпостнаго“, которыя были еще писаны въ Америкѣ. Русскіе, хоть и полиглоты, не поддержали мое начинаніе, которое и достигло только до 15 нумера.

Въ тоже время я приступилъ къ печатанію на Англійскомъ моихъ Американскихъ Впечатленій (Stars and Stripes), вопреки пословицѣ, что надо быть сумасшедшимъ, чтобъ быть своимъ издателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фриманъ, которому я поручилъ продажу этой книги вскорѣ потомъ обанкрутился, а Аппletонъ, котораго агентъ согласился взять за него продажу въ Нью-Іоркѣ, нашелъ, что книга слишкомъ обидна для его отечества [1]). Онъ уже въ это время печаталъ на Нѣмецкомъ путешествіе Австрійскаго Славофила Коля, которое наполне но похвалы.

---

[1]) Въ ней почти ничего не стоитъ разсказаннаго здѣсь.

Парижскій миръ выговорилъ амнистію Россіи всѣмъ тѣмъ, которые носили оружіе противъ ней, въ послѣднюю войну, и я удивлялся отчего мнѣ еще ее не давали, и рѣшился написать Князю Горчакову, нашему министру иностранныхъ, которому меня разъ представилъ въ Петербургѣ Кудрявскій у себя на квартирѣ. Я тогда служилъ въ Иностранной коллегіи, и Князь мнѣ сказалъ: „Avec de la persévérance, vous arriverez, Monsieur Golovine.“ Въ письмѣ моемъ я говорилъ, что даже мои противники должны согласиться, что я поставлялъ надежды всей жизни на восшествіе на престолъ нынѣшняго Императора, а что касается до раздражительности молодой націи относительно критикъ, то Князь знаетъ слишкомъ хорошо человѣческое сердце, чтобы думать, что любовъ къ отечеству можетъ умереть въ сердцѣ даже глубоко обиженнаго и озлобленнаго писателя. Я просилъ Е. С. о облегченіи мнѣ возвращенія на родину.

Облегченіе было съ моей стороны выраженіе учтивости, но неужели Князь не зналъ, что ни одинъ эмигрантъ, который уважаетъ себя, не принимаетъ условной амнистіи?

Между тѣмъ дорогой мой Штернъ пріѣхалъ въ Лондонъ заключивъ товарищество и заведя не одинъ, а три или четыре торговыхъ

домовъ. Денегъ онъ мнѣ не привезъ, а все на что онъ согласился это было дать мнѣ векселя на три года, съ условіемъ чтобъ они остались въ рукахъ общаго нашаго пріятеля. Я уже пытался заводить ему процесъ и зналъ, что мнѣ надо было прежде всего письменное признаніе долга. Въ три года утекло бы много воды, но я понималъ его умысель и не намѣревался ждать, чтобъ онъ съигралъ съ своимъ новымъ товарищемъ, то что сдѣлалъ со мною.

Коронація обошлась безъ меня, въ Лондонъ пріѣхалъ посломъ Графъ Хребтовичъ, который воспитывался въ Дерптѣ, и когда одинъ изъ моихъ братьевъ совѣтовался съ Гречемъ, другой посовѣтовался съ Графомъ посылать ли меня въ Дерптъ, на что онъ отвѣчалъ положительно. Вдругъ получаю я отъ него приглашеніе явиться къ нему для офиціальнаго сообщенія. Записки эту мнѣ отдали въ Конторѣ моего журнала. Зачѣмъ скрывать истину? У меня канули слезы, при мыслѣ что, мнѣ возвращена родина. Уѣзжая изъ Россіи, въ послѣдній разъ, я говорилъ стихи Байрона:

А ты, о родина, прости,
Ночъ добрая тебѣ.

А теперь мнѣ казалось, что я бы съ радости поцѣловалъ бы матушку-землю русскую, поста, вляя на нее ногу. Могъ ли я думать, что и

тутъ найдутся преграды — ограниченія, въ добротѣ Александра II-го?

Посолъ меня принимаетъ съ радушіемъ стараго знакомаго, а я какъ блудный сынъ говорю:

— Графъ! вы имѣли уже разъ большое вліяніе на мою судьбу убѣдивъ моихъ родныхъ послать меня въ Дерптъ, а нынѣ вы имѣете сообщить для меня стольже важную перемѣну въ моей участи.

Хрептовичъ жметъ мнѣ руку, проситъ садиться и сказавъ, что все нельзя сдѣлать за разъ подаетъ мнѣ ласкутокъ бумаги въ ладонь, который гласилъ тако:

„Въ слѣдствіе просьбы изъ Лондона бывшаго Колежскаго Секретаря Ивана Головина, лишеннаго своихъ правъ, Государь Императоръ, въ день коронаціи благоволилъ подписать его прощеніе. Права ему возвращены, въѣздъ въ столицы запрещенъ. Сверхъ того, онъ обязанъ будетъ поступить въ службу.“

Графъ слѣдилъ за мною когда я читалъ этотъ ярлыкъ. При словахъ: „вьѣздъ въ столицу запрещенъ“, лице мое изъявило удивленіе, но при обязанности поступить въ службу, я взглянулъ на Графа, такъ что онъ покраснѣлъ.

— Въ военную службу? спросилъ я думая о солдатскомъ ремнѣ.

Въ службу по вашему выбору, Гнъ. Головинъ.

— Я старъ, Графъ, и Лондонъ мѣсто изгнанія какъ другое.

— Какое же ваше рѣшеніе?

— Я полагаю что, мои родные будутъ мнѣ писать.

— О, они навѣрно вамъ отпишутъ.

Графъ провелъ меня преучтиво говоря: „Voilà une bonne résolution!“

Одна учтивость къ Государю помѣшала мнѣ отказать за разъ, мнѣ не вѣрилось, что въ день коронаціи онъ нашелъ время укоротить мою амнистію. Головинскій дворецъ былъ такъ хорошо освѣщенъ въ этотъ день.

Богъ съ ними съ столицами, но ѣхать куда? къ матушкѣ, въ Тверь; но ѣхать въ Тверь не заѣзжая въ Петербургъ ни въ Москву, для этого надо было взять дорогу по которой шелъ Французъ дорога, историческая, но служить у какого нибудь Болховского нельзя.

Я написалъ къ Ивана Матвѣевичу Толстому прося его объяснить мнѣ мое положеніе. Въ провинціи, я зналъ одного только хорошаго человѣка. Данаурова, да и тотъ теперь въ Петербургѣ. Должно ли это условіе быть униженіемъ, за чѣмъ? Вѣдь я Христіянинъ.

Толстой отвѣтилъ карандашемъ на слѣду-

ющей бумагѣ Графу Хрептовичу: „Будьте такъ добры сказать Головину, что мать его, которая живетъ въ Тверской губерніи здорова, и что братъ его ему писалъ.“ Двѣ эти строки поставили меня въ фаворъ при посольствѣ.

Братъ мой Генералъ писалъ: „Поздравляю съ прощеніемъ. Надѣюсь, что твое сердце чувствуетъ какъ мое все величіе этого поступка. Я говорилъ съ Муравьевымъ, Генералъ Губернаторомъ Восточной Сибири. Онъ согласенъ тебя взять къ себѣ. Въ новомъ краѣ надо поправить прошедшее. Прогоны тебѣ будутъ выданы, присылай указъ объ отставкѣ.“

Я ему отвѣчалъ что Австрійскій Императоръ даетъ амнистіи безъ условій и что я надѣюсь, что его сердце, какъ мое, чувствуетъ не величіе этого поступка. Но коли силой меня въ Сибирь не затащили, по волѣ я туда не поѣду; да и что мнѣ тамъ дѣлать? Надзирать надъ несчастными? По Амуру нашъ плачъ амурный мнѣ тогда еще не приходилъ на умъ.

Отъ матушки я получилъ эти истинно родительскія слова: „Счастливѣйшій день моей жизни былъ тотъ, въ который я узнала о возвращеніи тебѣ твоихъ правъ. Пріѣзжай разсказать все что съ тобой случилось, но спѣши, ибо мои глаза слабѣютъ.

Мнѣ передъ тѣмъ приходило на мысль показать себя щедрѣе моихъ благодателей. Для меня права значили больше нежели для тѣхъ, которые возвращали ихъ, но такъ какъ они возвращали мнѣ ихъ съ условіями, мнѣ хотѣлось отъ нихъ отказаться прежде еще нежели Луи Бланъ мнѣ сказалъ: „Подумайте хорошенько, мнѣ кажется что, ваша честь вамъ не позволяетъ принять амнистію.“ — Вы колосъ самолюбія, отвѣтилъ я ему. Развѣ Гюго не приметъ амнистіи отъ наслѣдника Наполеона? — Нѣтъ. — А я увѣренъ, что приметъ.

Отъ Князя Долгорукова пришло разрѣшеніе куда ѣхать: въ Брюссель, Берлинъ и въ Ригу къ Суворову. Я Суворова помнилъ еще Корнетомъ возвращающимся изъ Персидской кампаніи, потомъ Штабсъ-Ротмистромъ въ Конной Гвардіи, въ Стрѣльнѣ, когда я еще былъ Дерптскимъ гимназистомъ и онъ меня называлъ: Allgemeine Philosophie. Но Штернъ также служилъ въ Ригѣ, и бѣжалъ оттуда не оглядываясь. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи спросить объ его отцѣ и получилъ отвѣтъ, что онъ давно получилъ сполна всю свою часть. За тѣмъ пришелъ наказъ отъ посольства, что мнѣ пора ѣхать и невольно пришли мнѣ на умъ стихи:

А Руссаки, о дураки, кричатъ ура,
Насъ бить пора.

Братъ же мой писалъ: „Тебѣ даютъ въ начальники человѣка умнаго, благороднаго, сильнаго, а ты не хочешь ѣхать: тебѣ будетъ квартира, жалованье, чѣмъ ты хочешь жить? подаяніями? Да и кто подастъ? У меня четыре человѣка дѣтей. Это послѣднее письмо, что ты получаешь отъ меня въ Лондонѣ.

Я отвѣтилъ Графу Хрептовичу слѣдующимъ письмомъ:

„Ваше Сіятельство!

Я имѣю честь и сожалѣю объявить въ отвѣтъ на оффиціальное сообщеніе отъ сего дня отъ Императорскаго Посольства, что шестьнадцать лѣтъ изгнанія дѣлаютъ меня не способнымъ жить въ изгнаніи въ Россіи. Я утѣшаю себя мыслію, что въ мои лѣта и съ моимъ чиномъ, служба моя была бы малой пользы Государю Императору. Я знаю, что онъ соединяетъ титулъ отца отечества съ титуломъ сына почтительнаго и нѣжнаго, а потому онъ и не можетъ забыть то, что я сдѣлалъ. Но я прошу Его Величество разсудить, что я бы не посвятилъ свою жизнь для того, чтобъ бороться съ человѣкомъ обыкновеннымъ. Мнѣ остается предложить Императорскому правленію взять назадъ милость такъ щедро мнѣ дарованную и

просить васъ объ извиненіи за всѣ безпокойства, которыя я вамъ причинилъ.

Mais tout mortel errant nourrit un long amour
De revoir le sol qui lui donna le jour.

Какой бы дурной дипломатъ я ни былъ, я хотѣлъ истощить всѣ средства для пополненія моей амнистіи прежде нежели отказаться отъ оной.

Отвѣтъ состоялся слѣдующій отъ Г. Толстаго, товарища Министра:

Кн. Горчаковъ переслалъ вашу депешу и письмо Головина Главному начальнику Третьяго Отдѣленія, который представилъ ихъ Его Императорскому Величеству. Государю Императору угодно было положить нижеслѣдующее рѣшеніе: „Не предоставляя Головину правъ предназначенныхъ ему въ священный день коронаціи, оставить его въ прежнемъ его положеніи.“ Прося васъ сообщить оное рѣшеніе Головину, прошу васъ не визировать болѣе ему паспорта, а меня извѣстить объ его отвѣтѣ.

Я отвѣтилъ:

„Съ моей стороны не было бы достоинства любить тѣхъ; которые осыпаютъ милостями; но можетъ быть есть заслуга оставаться вѣрнымъ тѣмъ, которые насъ преслѣдуютъ, и я васъ прошу не сомнѣваться въ моей преданности. Я спрашивалъ барона Николаи имѣю

ли я право на прогоны, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что объ этомъ ничего не сказано въ бумагѣ Князя Долгорукова. Я не имѣю понятія объ достоинствѣ моей службы, но мнѣ казалось бы, что правительство, которое ее возлагаетъ должно бы быть въ состояніи и платить за нее."

Князю же Долгорукому я писалъ, что права разъ данные государемъ не могутъ быть взяты назадъ безъ суда, даже при согласіи того у котораго они отнимаются, а врядъ нашелся бы судъ который приговорилъ бы человѣка, за то что онъ желаетъ дополненія амнистіи. Слѣдовать другой системѣ значитъ подкапывать (saper) монархію. Даже общественное злосчастіе не должно было бы подвинуть на взятіе того, что дано въ день общей радости.

Не получая отъ него отвѣта — военные не любятъ входить въ законныя пренія — я ему отписалъ, что не нахожу прежняго моего положенія; что прежде былъ Царь грозный, а теперь сталъ Государь милостивый, что прежде были два министра Нѣмца (Бенкендорфъ и Несселроде), а теперь стали два министра Русскихъ (Долгоруковъ и Горчаковъ), что прежде было военное диктаторство, а теперь Россія произвелась въ чистую монархію.

Я ему разсказалъ исторію Г. Барбеса, который разъ выпущенный изъ тюрьмы Напо-

леономъ, не былъ въ нее возвращенъ, хотя и предоставилъ ему это сдѣлать. Но упоминать имя революціонера, сказали мнѣ, большой проступокъ.

Ивану Матвѣевичу Толстому, съ которымъ я имѣлъ честь быть знакомъ лично въ Петербургѣ, я позволилъ себѣ даже разсказать анекдотъ про бѣднаго Француза, который просилъ сержанта полиціи, чтобъ его посадили въ тюрьму. — Надо чтобъ вы сдѣлали проступокъ. — Какой? — На пр. чтобъ вы попросили милостыню. Бѣдный снялъ шляпу и сказалъ: — Ради Христа подайте. — О теперь другое дѣло, возразилъ сержантъ, ступайте въ тюрьму.

XXI.

Мнѣ было такъ удивительно, что меня безпрестанно обманывали люди или что я самъ обманывался въ людяхъ, что я подумалъ, что должна быть для того въ моей организаціи какая нибудь особенность. Я сталъ заниматься Френологіею, и предметъ этотъ мнѣ такъ понравился, что я бы его въ это время ни за что не бросилъ. Въ самомъ дѣлѣ я нашелъ въ моей головѣ слишкомъ много довѣрчивости и сталъ наконецъ различать головы плутовъ отъ головъ, которыя легко даются въ обманъ. Ко мнѣ пришелъ вскорѣ Французъ съ конической головой, который изобрѣлъ писчую бумагу изъ липовой коры. Я не почелъ нужнымъ спорить съ нимъ, зная, что головы въ его родѣ всегда остаются при ихъ мнѣніи.

Есть фабрика сапогъ на гвоздяхъ въ Лондонѣ и одна дама меня просила дать изобрѣтателю наставленія какъ получить патентъ въ

Россіи. Какъ только онъ за мной пріѣхалъ, чтобъ показать свое заведеніе, меня поразилъ Американскій типъ его головы, и я сейчасъ подумалъ, что онъ хочетъ чего нибудь другаго отъ меня. Въ самомъ дѣлѣ показавъ мнѣ фабрику, онъ приказалъ снять съ меня мѣрку для ботинокъ, но потомъ спросилъ сколько денегъ я могу внести въ его предпріятіе, и когда я его разубѣдилъ въ этомъ, ботинки мои, которыя должны были поспѣть въ день никогда не поспѣли.

Такъ какъ Г. Штернъ продолжалъ кутить, то я принялся за него серьёзно и объявилъ ему, что мнѣ надо денегъ и что я продамъ его долгъ. — Что же вы продадите; у васъ ничего нѣтъ въ рукахъ? — Продамъ ничто. Адвокатъ его пишетъ мнѣ грозное письмо, чтобъ я не смѣлъ дѣлать никакихъ публикацій; но я зналъ отъ Барнума, что онъ всѣмъ обязанъ „печатнымъ черниламъ“, какъ онъ выражается, и я спросивъ мнѣніе моего адвоката, оттиснулъ нѣсколько объявленій по Англійски. Адвокатъ Штерна началъ мнѣ процессъ, но я не робкаго десятка на этомъ полѣ, а такъ какъ ритъ (write) мнѣ поданъ былъ за безчестіе характера Г. Штерна, то я напечаталъ Французскія объявленія, гдѣ я превозносилъ домъ Штерна и Балдвина въ Ньюкастелѣ и въ Мидделборѣ. Всѣ Греки возстали противъ меня

говоря, что я ничего не понимаю въ торговлѣ, но я преспокойно распускалъ объявленія, по мѣрѣ какъ противникъ горячился. Бился, бился онъ, но наконецъ вышелъ на мировую и заплатилъ мнѣ половину, ибо другую половину, по всей справедливости слѣдовало взыскать съ Пикерсгиля. Онъ съ меня потребовалъ росписку, что я не имѣю возраженія противъ его характера, и оную не только я ему далъ, но обѣщалъ еще, если онъ заплотитъ остальное, засвидѣтельствовать, что онъ честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, ибо въ самомъ дѣлѣ я не могъ же принудить его закономъ платить прежде времени. Не прошло году, онъ объявилъ себя банкрутомъ, на 5000 ф. с., и тогда Греки стали меня хвалить: — Взялъ же свое, говорили они, добился, а все потому что, спеціалитетъ его печатать.

У меня былъ написанъ романъ: Вышелецъ, и еще передъ отъѣздомъ въ Америку проданъ Гардвику за 26 ф., но онъ все не рѣшался его напечатать послучаю войны. Я его выкупилъ и напечаталъ на свой счетъ, посвятивъ его: „великому отечеству благодарный сынъ.“

Но Трюбнеръ увѣрилъ меня издать его подъ чужимъ именемъ, утверждая, что у меня слишкомъ много враговъ. Но у кого есть враги,

у того есть и друзья; имя автора его капиталъ, но опытность также капиталъ, и я узналъ, что неизвѣстнаго автора книги не покупаются, хотя я взялъ имя самое близкое къ моему: Годвина. Правда, что иностранцевъ писателей Англичане также не жалуютъ. Спектаторъ разбирая книгу сказалъ, что Американское общество хорошо описано, но Англійское несправедливо, а Американскій журналъ замѣтилъ, что критика Англійскаго общества справедлива, а Американскаго пересолена.

Лѣтомъ 1857 г. Русскій дворъ поѣхалъ кататься за границу, купаться въ Киссингенѣ да въ Вилдбадѣ, а потомъ мириться съ императорами въ Штутгартѣ да въ Веймарѣ. При Императрицѣ былъ Кейзеръ казначеемъ, а при Императорѣ Кёнигъ лакеемъ. Денегъ вышло пропасть. Въ Вилдбадѣ за одну квартиру заплочено 35,000 Флориновъ, да за Фейерверкъ 10,000. Казна наполнялась утромъ и осушалась вечеромъ; фрейлинъ содержали на нашъ счетъ, за что Королева Виртембергская пожаловала Кейзеру орденъ Фридриха Великаго, который, какъ извѣстно, уничтожилъ всѣ щеты Силезской войны для того, чтобъ не пугались подданные и потомство; а такъ какъ сказано было, что тотъ у кого останется послѣдній талеръ будетъ побѣдителемъ, то Фридрихъ выст-

роилъ новый дворецъ въ Санъ-Суси, чтобъ показать, что онъ не издержалъ еще послѣднія деньги.

У Кенига, родомъ Пруссака, Государь все спрашивалъ пойдетъ ли дождикъ или не пойдетъ, брать ли зонтикъ или не брать? Руссель, фокусъ-покусникъ, смѣшилъ Его Величество, а Княжна Долгорукова имѣла безпрестанно отличныя мысли куда ѣхать и какъ веселиться. Наши давали часы съ цѣпочками швейцарамъ, а Принцъ Прусскій далъ только три талера кельнеру на водку. Но я замѣчаю, что пишу записки другихъ а не мои, воротимся же къ моей малости, или какъ говорятъ Нѣмцы: Meine kleine Wenigkeit.

Мысль, что Государь пожелалъ, или повелѣлъ, чтобъ я поступилъ въ службу меня тревожила; я далъ себѣ слово усугубить мои старанья быть полезнымъ отечеству и Государю по моему.

Константинъ Николаевичъ ѣздилъ въ Парижъ, а потомъ въ Англію. При немъ былъ начальникъ канцеляріи Головнинъ, и журналы безпрестанно выпускали Н изъ его имени. Начальникъ нашего флота показался слышкомъ отрывистъ военному двору Тюльерійскому и Eugènie разпрашивала его о Елизаветѣ Іосифовнѣ. Сабуровъ билъ людей своихъ въ саду и энту-

зіазмъ къ Русскимъ едва ли поддержался крестами, которые были заказаны въ Палэ-Руаяль и розданы потомъ Французамъ.

Въ Осборнѣ Великій Князъ пробылъ только день и то воскресенье, въ которое Англичане обыкновенно ходятъ въ церковь, а визитовъ не дѣлаютъ. Съ другой же стороны ему дали тѣлохранителями Гейландеровъ, которые наиболѣе отличились въ Крыму. Признаюсь не понимаю эту любезность. При возвращеніи моемъ изъ Америки были различныя выставки Русскихъ вещей въ Лондонѣ, въ пользу Англійскихъ инвалидовъ. Въ Кристаль-Палацѣ со мною разговорилась одна изъ лэди собиравшихъ деньги и просила объяснить трофеи, которые она продавала. Тутъ были листы изъ Севастопольскаго гошпиталя объ ходѣ болѣзней различнаго рода матросовъ, былъ и солдатскій Георгіевскій крестъ, но было множество серебрянныхъ крестиковъ подъ именемъ амулетовъ. — Ну на вашемъ мѣстѣ, сказалъ я дамѣ, я бы не выставлялъ ихъ, это не военныя же трофеи. и ваши ручки не должны были бы прикасаться къ вещамъ снятымъ съ труповъ; это только значки, что убитые были Христіане, а не Турки. Лэди моя покраснѣла до глазъ и поспѣшно спрятала весь картонъ — Мы вѣдь теперь друзья съ Русскими, сказала она мнѣ.

— Я не думаю, чтобы Русскіе были такъ забывчивы, а тѣмъ что вы хвастаетесь, что четверо побили одного, вы не пріобрѣтаете ихъ дружбу.

Я переслалъ въ Осборнъ Константину Николаевичу послѣдній нумеръ журнала моего Русскій Корреспондентъ съ статьею о призваніи новаго Государя и съ жизнеописаніемъ Его Высочества. Я еще тогда не зналъ, что вмѣсто реакціи, онъ предастся либерализму.

Кн. Горчаковъ, пріѣхавши съ Государемъ въ Штутгартъ для свиданія съ Наполеономъ, я не могъ утерпѣть отъ соблазна напомнить ему, что я просилъ его о возвращеніи въ Россію, а мнѣ отрѣзали Петербургъ и Москву. Ограничивать самую лучшую привилегію Царей — право милости значитъ полагать препоны ихъ власти. Генрихъ IV говорилъ, что месть доставляла ему минутное, а милость продолжительное наслажденіе.

Императрицѣ я писалъ въ Дармштадтъ по Нѣмецки:

„Если Вы прочтете Исторію Россіи съ нѣкоторымъ вниманіемъ, то вы увидите, что при Іоаннѣ Грозномъ Головины гибли на плахѣ, что при Борисѣ Годуновѣ, они шли въ изгнаніе, а при Петрѣ Великомъ засѣдали въ совѣ-

тахъ. Неужели во время кроткаго и счастливаго царствованія Александри II, они должны оставаться въ изгнаніи?“

Графу Панину я писалъ, что „я былъ приговоренъ въ 1843 году, за отказъ возвратиться въ Россію; отказъ этотъ не существуетъ со времени восшествія на престолъ нынѣ блаженно царствующаго Государя Императора, но само правительство запрещало мнѣ въѣздъ въ столицы, вслѣдствіе чего права мои снова были взяты назадъ.

„Я спрашиваю себя въ чемъ же состоятъ эти права, которые отнимаются съ такою легкостію? Какъ блюстителя законовъ, я прошу васъ дать моему дѣлу законный ходъ и пр.“

Графъ Панинъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ какъ я не воспользовался монаршею милостію, то законнаго удовлетворенія мнѣ дать не возможно.

Я возразилъ министру юстиціи, что не воспользоваться милостію не составляетъ преступленія, что я былъ приговоренъ въ отсутствіи за то только, что не явился на лице, и что если я возвращаюсь, то всѣ приговоры должны пасть сами собою, что въ судѣ никому не отказывается и что все что я могъ сдѣлать послѣ приговора моего въ глазахъ закона должно быть ничто, ибо я былъ гражданскимертвъ.

Полякамъ давались амнистіи только подъ условіемъ ихъ сожалѣнія, какъ будто можно было сомнѣвадься въ ихъ сожалѣніи завоеванія Польши Русскими. Самъ Наполеонъ сказалъ въ Парижѣ Константину Николаевичу: Если мы на конгрессѣ не сдѣлали особаго пункта изъ амнистіи Полякамъ, то это было потому что Кн. Орловъ обѣщалъ, что имъ будетъ дана полная амнистія.

— Это отъ меня не зависитъ, а отъ брата моего.

— Въ такомъ случаѣ мы принуждены будемъ собрать новый конгрессъ.

Особенно Полякамъ, которые были въ Русской военной службѣ не давалось, позволеніе воротиться какъ будто у насъ прощаютъ только невинныхъ.

Такъ какъ приказано было мнѣ оставаться въ прежнемъ моемъ положеніи, а я былъ натурализированъ Англичаниномъ, то Лордъ Кларендонъ былъ такъ добръ, что приказалъ Великобританскому послу въ С. Петербургѣ испросить для меня позволеніе, какъ Англійскому подданному, съѣздить въ Россію для свиданія съ моими родными съ свободнымъ возвратомъ въ Англію.

Г. Мальцовъ отвѣтилъ Лорду Вудгорсту, что такъ какъ я отказался отъ амнистіи дан-

ной мнѣ въ день коронаціи, то позволеніе это не можетъ мнѣ быть дано.

Я непреминулъ отвѣтить Мальцову, что амнистія была горькая шутка, уменьшеніе наказанія, ссылка, а не амнистіи, что самъ Русскій Консулъ въ Лондонѣ говорилъ, что у меня такъ много враговъ въ Россіи, что удивительно будетъ если я поѣду.

Кн. Суворовъ рѣдко въ Ригѣ, да онъ бы и не зналъ какія инструкціи дали бы жандармскому генералу, а общество въ Ригѣ отворачивается отъ ссыльнаго.

Нашлись же люди, которые говорили: „посмотрите какъ правительство добро и умно въ Россіи, оно знаетъ, что судопроизводство у насъ дурно, а потому и не хочетъ васъ судить. Другіе мнѣ говорили, что распространенъ слухъ, что я самъ просился въ службу, а потомъ не поѣхалъ!

Я этотъ сэзонъ много ѣздилъ въ общество и влюбился по уши въ даму, которая была въ ссорѣ съ отцемъ, Англійскимъ адмираломъ и помолвлена за Британскаго Консула въ Мексикѣ, но она объявляла, что въ Мексикѣ, жить не будетъ, а женихъ ея говорилъ, что онъ не довольно богатъ, чтобъ жить въ Англіи. Она вышла за мужъ за попа, вѣроятно въ надеждѣ попасть въ рай. Попы вообще опасные соперн-

ники въ Англіи: у нихъ руки такъ бѣлы, на пальцахъ блестятъ иногда бриліанты, и они такъ соблазнительно кладутъ ихъ на библію, поднимая глаза къ небу въ восторженномъ вдохновеніи!

Такъ какъ я предвидѣлъ эту развязку, благодаря моимъ познаніямъ въ Френологіи, то и съ своей стороны не терялъ время и вскружилъ голову Ирландкѣ, которую увѣрили, что иностранцы дурные мужья и никогда не любятъ болѣе года, а она желаетъ быть любима вѣчно.

Изгнанникъ подверженъ опасности дѣлать дурныя знакомства. Ко мнѣ привязался Французскій графъ, который мѣнялъ имя каждый мѣсяцъ и оказался просто сынъ парикмахера въ Ліонѣ и былъ приговоренъ во Франціи на все возможное за плутовство. Онъ купилъ шато безъ гроша, да еще продавецъ далъ ему денегъ и векселей, чтобъ играть на биржѣ, а онъ ихъ прокутилъ![1])

[1]) См. Англійскія Тѣни.

XXII.

Одна френологія утѣшала меня ото всѣхъ непріятностей. Однажды у Скота, въ кофейной на Геймарктѣ сошлись люди разныхъ націй и стали изъявлять свое недовѣріе къ этой наукѣ. Я взглянулъ на Француза лѣтъ сорока, и сказалъ ему:

Вы, сударь, подвержены ошибаться въ вѣсѣ вещей, которыя хотите поднять.

— Со всѣмъ нѣтъ! Я разъ только надорвался, при Петербургскомъ театрѣ захотѣвъ поднять не посиламъ, и нажилъ себѣ грыжу.

— Чего же хотите больше? спросилъ безпристрастный слушатель, не каждый же день вамъ наживать по грыжѣ.

— Разберите мою голову, воскликнулъ Англичанинъ.

— I am sorry to say you, vous êtes un pilier de cabaret.

— Какъ, что?

— У васъ весь умъ въ органѣ любострастія.

— Правда, я люблю женщинъ.

— Но бодливой коровѣ богъ роговъ не даетъ, и еслибъ у васъ было столько силы сколько воли, вы бы были годны для висѣлицы.

Всѣ замолкли, и онъ потупилъ глаза.

— Вы на меня не прогнѣвайтесь, лесть нейдетъ съ наукой.

Другой разъ я сказалъ соотечественнику:

— У нашего пріятеля чудовищное развитіе пищеволія.

— Я васъ могу увѣрить, что онъ отличный малый.

— Подождите до поры до времени.

И въ самомъ дѣдѣ оказалось, что онъ перещеголялъ змію и издалъ за запрещенный плодъ точки препинанія.

Графа Хрептовича смѣнили, не потому только что Бруновъ хотѣлъ его мѣсто, но, говорятъ потому, что онъ предложилъ Государю планъ, на который Е. В. отвѣтилъ, что его совсѣмъ не для того послали въ Лондонъ. Какой бы онъ ни былъ человѣкъ стараго вѣка, но все таки онъ унесъ сожалѣніе всѣхъ и взялъ съ собою мое письмо въ которомъ я говорилъ, что я не могу оставаться праздными зрителемъ новой эры

открытой Государемъ будущимъ освобожденіемъ мужиковъ и примиреніемъ съ Польшой.

Между тѣмъ я писалъ къ Гр. Кисселеву въ Парижъ, что Е. И. В. изъявилъ желаніе, въ день коронаціи, чтобъ я поступилъ въ службу. Я не переставалъ служить Россіи, по мѣрѣ моихъ силъ и познаній, и нынѣ почитаю долгомъ своимъ протестовать противъ политики которой слѣдуетъ правительство въ отношеніи къ Франціи. Кости Суворова, Кутузова и Багратіона содрогаются въ гробахъ, видя. Россію на колѣняхъ передъ Наполеономъ. Греки храбро дрались за насъ въ Крыму, а какъ ихъ награждаютъ за ихъ довѣріе къ Россіи? Вино греческое обложено выше французскаго, а книги Греческія посылаются въ цензуру изъ Одессы въ Петербургъ[1]). Никто не могъ разобрать эту книгу въ Одессѣ, а люди боятся, чтобъ она не зажгла воображенія Русопетовъ.

Князю Орлову противившемуся освобожденію мужиковъ, я писалъ: „Утверждаютъ, что вы сказали разъ въ Вѣнѣ, что вы ничего не читали, но много видѣли. Вы видѣли перемѣну двухъ или трехъ царствованій, но не присутствовали при паденіи Государствъ. Только

[1]) Это было именно съ Исторіей Греціи Греческаго Посла въ Лондонѣ.

историкъ можетъ разглядѣть знаки предшествующіе этимъ событіямъ. Безъ помощи Бога и Государя, Россія сдѣлалась бы добычею того кто захотѣлъ бы завоевать эту морозную плоскость. У насъ только чиновники, рабы да попы, какъ ихъ представляла Византійская Имперія. Я прошу позволеніе представлять о предметахъ общаго интереса, только не III-у отдѣленію.

Черезъ дежурнаго Флигель-Адъютанта я послалъ письмо на Высочайша имя въ которомъ я говорилъ, что покойный Государь, въ своемъ завѣщаніи, простилъ своимъ врагамъ и просилъ прощенія у тѣхъ, которыхъ онъ обидѣлъ, что онъ не завѣщалъ же сыну мстить за него, что я надѣюсь, что Е. И. В., наслѣдовавъ дружбы незабвеннаго, отца не наслѣдовалъ его ненавистей; что служба государственная должна вмѣняться въ милость, а не въ наказаніе.

Мы были пріятелями съ Веревкинымъ, котораго застрѣлили въ Баденъ-Баденѣ, въ 1843 году. Онъ въ Парижѣ мнѣ какъ-то намекалъ на непріятности въ жизни емигранта, а я отвѣтилъ, что мнѣ любо познакомиться съ страданіями. — Да неужели, возразилъ онъ, ты не можешь себѣ представить, что они такое? Мадамъ де Сталь сказала, что человѣкъ который не страдалъ ничего не знаетъ; взошло въ по-

словицу что опытность лучшая школа и наконецъ величіе Фридриха Великаго достоинство Фридриха Виллыгелма IIIго и произошли отъ ихъ страданій и испытаній. Да, въ несчастіи мы познаемъ добродѣтель, и въ добромъ сердцѣ ростетъ вѣра, вѣра къ Вышнюю Силу, вѣра въ торжество добра надъ зломъ. Но не говорите мнѣ о нищетѣ! Страданія героевъ Севастопольскихъ блѣднѣютъ передъ мученіями человѣка, который борется съ лишеніями ежедневными, впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ. Нищета ржавитъ сердце, грязнитъ умъ. Неугодно ли попробовать завернуть рубашку или двѣ въ журналъ и нести ихъ въ закладъ, а возвращаясь повстрѣчаться съ кредиторомъ, и наконецъ когда все заложено, нести какую нибудь вещь, к. н. портфель, за который вамъ ничего не дають. А есть еще хуже — это просить въ займы и получить отказъ.

Я окончилъ къ этому времени Исторію Александра I и былъ радъ, что могъ ее продать за меньшую цѣну нежели ея составленіе мнѣ стоило.

Графъ Хрептовичъ воротился изъ Петербурга въ Лондонъ, для продажи своей мебели, а я получилъ отъ барона Николаи письмо преучтивое и такое какъ онъ одинъ знаетъ писать. Онъ просилъ меня зайти къ нему, и мы вѣроятно

сойдемся касательно моего возвращенія въ Россію. Когда съ нами будутъ обходиться по человѣчески, тогда и мы будемъ походить на людей.

Баронъ Николаи, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ до пріѣзда Барона Бруннова, принялъ меня, ни дать ни взять, какъ Генералъ-Майоръ, въ пальто и безъ усовъ; но онъ отличный человѣкъ.

— Графъ Хрептовичъ, сказалъ онъ мнѣ, въ бытность свою въ Петербургѣ, заложилъ объ васъ словцо, и вамъ можно возвратиться въ Россію, но между тѣмъ вышла брошюрка какого то Charles de St. Ange, въ которой стоятъ ваши разговоры съ Графомъ, говорятъ и обо мнѣ не хорошо, и самаго Государя задѣваютъ. Я не посылалъ этой брошюры въ Петербургъ, но я боюсь, чтобъ вамъ за нее не было непріятностей.

— Вѣдь теперь больше свободы насчетъ печатанія. Государь приказалъ не изыскивать писателей, которые не называютъ себя; впрочемъ критика не достигаетъ тѣхъ которые дѣлаютъ великія дѣла. Статья Кавелина однакожь вышла безъ имени автора.

— Вамъ приказывали поступить въ службу для того, чтобъ дать вамъ положеніе.

— Мнѣ этого никто не сказалъ, а въ сводѣ

уголовныхъ законовъ вы найдете, что въ провинціи ссылаются люди, съ обязанностію поступить въ службу или безъ оной, по суду или по распоряженію полиціи, за проступокъ. Впрочемъ, чего же бояться, чтобъ я поѣхалъ въ Петербургъ, вѣдь я не унесу ни куполъ Св. Исаака ни шпицъ Адмиралтейства.

— Это условіе отмѣнено, но полагается другое, чтобъ вы ничего не ожидали отъ правительства, ибо служба это милость (фаверъ).

— Это именно слово, которое я употребилъ въ письмѣ къ Государю.

Слѣдовательно, увѣдомите меня когда вы будете готовы ѣхать. Вы хотѣли посвятить вашу Исторію Александра Павловича Государю, вѣдь надо было бы послатьее на разсмотрѣніе въ Петербургъ, вы ее уже лучше возьмите съ собою.

— Я для Русскихъ намѣренъ ее издать по Русски, но для Англійской публики она уже въ печати и слѣдовательно выдетъ безъ посвященія.

Письменно я испросилъ себѣ объясненіе что значитъ, что мнѣ ничего не ожидать отъ правительства? То ли, чтобъ меня „въ службу впредь никогда не опредѣлять;“ тогда бы меня становые заѣли.

Баронъ Николаи отвѣтилъ, что онъ не полагаетъ, чтобъ это такъ надо понимать, и что

Толстой спрашиваетъ еще свѣденіе: „Чѣмъ я буду жить въ Россіи?“

Я отвѣтилъ, что я жилъ за границей литературными трудами, и полагаю, что мои соотечественники не будутъ ко мнѣ менѣе любезны нежели были иностранцы.

Я тогда поѣхалъ въ Брейтонъ, гдѣ и прожилъ недѣль шесть въ German House. Туда пришло разрѣшеніе, „что Государь Императоръ въ монаршемъ своемъ милосердіи разрѣшилъ мнѣ возвратиться въ Россію безо всякихъ ограниченій.“

Братъ мнѣ вмѣстѣ писалъ: „Когда ты оставишь людей въ покоѣ, давно пора быть человѣкомъ, ты всѣмъ надоѣдаешь. Какъ это было не пристроить себя во все это время, и. пр. на что я отвѣчалъ, что я именно не пристроилъ себя за границей, потому что берегъ себя для Россіи, что волкъ не сердитъ что овца кричитъ и что мнѣ изгнаніе надоѣло болѣе нежели мои письма надоѣли другимъ.

Я почелъ долгомъ протестовать противъ слова милосердіе, говоря, что я ожидаю милосердія отъ одного Господа Бога, и такъ какъ я увѣренъ, что Государь не употреблялъ такого выраженія, то я и прошу взять его назадъ.

Баронъ Николаи преумно, отвѣтилъ что

онъ ожидалъ отъ меня изъявленія благодарности, а не спора объ словахъ, что онъ списалъ это слово съ бумаги Толстаго и что я ошибаюсь переводя его *miséricorde*, а надо замѣнить его словомъ *clémence*.

Я возвратился за паспортомъ въ Лондонъ. Васильчиковъ меня принялъ въ отсутствіи старшихъ, и мы взошли съ нимъ въ разговоръ объ томъ, объ семъ.

— Неужто у васъ, спросилъ я, въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что Наполеонъ великій человѣкъ, вѣдь есть люди которые его за пустаго человѣка принимаютъ.

Ну онъ не пустъ.

Мнѣ дали паспортъ съ высочайшаго разрѣшенія не прописавъ чина. Чинъ мой разумѣется пустой и Русской баринъ говорилъ: съ его ли чиномъ писать ему такія книги и давать совѣты, Тургеневъ совсѣмъ другое, онъ хоть былъ Дѣйствительный Статскій. Но дѣйствительный Статскій возвратился въ Парижъ, а то что моего чина не прописывали доказывало, что права мои не возвращены. Когда я объ этомъ спросилъ барона Николаи, онъ мнѣ отвѣтилъ, что Васильчиковъ, который писалъ паспортъ мой, уѣхалъ въ Парижъ, а другою рукою приписать чина нельзя. Васильчиковъ скоро былъ на лице, но онъ такъ боялся, что сказалъ мнѣ лиш-

нее, что больше уже ничего не говорилъ, а я не приставалъ.

Стараго воробья на мякину не ловятъ, а П — въ, умнѣйшій изъ государственныхъ крестьянъ мнѣ говорилъ, что въ Краковѣ онъ встрѣтилъ Поляка ѣхавшаго съ паспортомъ по высочайшему разрѣшенію. Вотъ я и подумалъ, сказалъ онъ: На ловца и птица летитъ. Дурная моя звѣзда (я ее не назову) мнѣ докладывала: Вы на условія не ѣдете, ну васъ и пускаютъ безъ условій, разумѣется Государь добръ, но вѣдь васъ къ нему всякій разъ не допустятъ какъ другіе будутъ прижимать. Братъ родной писалъ: „Я тебѣ ничего не совѣтую, ты никогда моихъ совѣтовъ не слушался, дѣлай какъ знаешь.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отъ Толстаго бумага, что дескать Генералъ Майоръ Головинъ объявилъ, что онъ послѣднее дѣлаетъ пожертвованіе на мое возвращеніе и денегъ высылается 250 рублей, въ зачетъ того что мнѣ слѣдуетъ.

Я между тѣмъ поправляю корректурки Александра Iго и думаю себѣ: Тише ѣдешъ дальше будешъ. Книжка выходитъ, и я подношу ее барону Николаи, который благодаритъ учтиво, но такъ какъ онъ дипломатъ, то его отзываютъ печь Выборжскіе кренделя домой. Вспоминая, что Духъ Политической Экономіи мнѣ не позволили поднести Николаю Павловичу прошу

министра Двора о позволеніи поднести экземпляръ исторіи Благословеннаго его племяннику, который такъ хорошо носитъ его имя.

За долгъ 25 фун. типографщику прислали было женщину меня остановить, когда я сидѣлъ у Кюна въ ресторацiи, какъ будто въ тюрьмѣ добываются деньги. Это Англійская хитрость подсылать даму, какъ будто ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ какъ bailli прохаживается по улицѣ. Я догадался въ чемъ дѣло и велѣлъ. Кюну сказать, что онъ меня не знаетъ. Та этимъ не довольствовалась, переспросила всѣхъ мальчиковъ, гдѣ дескать баринъ Русской толстой, но и они парни непромахъ. Повиляла, повиляла посланница, да и тягу. Я и написалъ заимодавцу, что добромъ отъ меня можно получить кое что, а зломъ ничего, и пустился въ путь. Николаи совѣтовалъ ѣхать прямо на пароходѣ или еще лучше черезъ Любекъ, но я хотѣлъ заѣхать въ Брюссель, чтобъ поблагодарить издателей *Le Nord* за помѣщеніе кое какихъ статей, за которыя имъ достался выговоръ, подъ угрозою лишить ихъ всякихъ льготъ, которыми они пользуются въ Россіи.

XXIII.

Въ Ахенѣ обрѣтался Генералъ-Адъюта
Витовтовъ съ дочерью фрейлиною, разнаго
да князья и графы которые, говорятъ к
будто они дѣлаютъ честь воздуху приводя
въ сострясеніе. За одного битаго двухъ
битыхъ даютъ, но еще съ Русскихъ чванс
не сбили: это дѣло не враговъ, а реформы

Въ Берлинѣ я сдѣлалъ визитъ Убри,
которымъ былъ пріятелемъ въ Россіи, но
меня не принялъ. — Какой же, спросилъ
себя, будетъ мнѣ пріемъ въ Россіи? и всл
ствіе того я подалъ просьбу о выдачѣ
паспорта за границу. Братъ писалъ, что
уѣхалъ въ чужіе краи, слѣдовательно мнѣ п
шлось бы очутиться на Петербургской мосто

Между тѣмъ изъ Лейпцига пришло пред
женіе издать кое что по Русски, и я не м
же не, нагнуться чтобы поднять тысячу д
гую талеровъ, чтобы уплатить долги въ Анг

Задача оказалась не легкая печатать съ людьми, которые ни одного слова по Русски не понимаютъ. Вы поправляете одну букву, а они переставляя ее, портятъ другую. Какъ не смѣшать Ы съ Ь С коли смысла кто не знаетъ, и на оборотъ, и то еще надо было мое терпѣніе, чтобы бороться съ упрямствомъ наборщиковъ, которые думаютъ что все знаютъ и на все способны. Я прошу объ снисхожденіи соотечественниковъ въ надеждѣ преодолѣть эту трудность.

Ничего нѣтъ страннѣе какъ вспоминать вещи, которыхъ мы не видали двадцать лѣтъ. Отыскать дома гдѣ я жилъ въ Берлинѣ или гдѣ жили мои пріятели или знакомые, припомнить то или другое лице, или событіе, — отличное упражненіе памяти.

Мы старѣемъ не замѣчая того. Эти двадцать лѣтъ прошли какъ день, выросла новая генерація съ тѣми же страстями, но съ другими идеями; а какія новости? Запрещены фабрики спичекъ и стали дѣлать ихъ по домамъ, что еще больше увеличило число пожаровъ, но и страховыя отъ огня общества умножились; — генералъ хотѣлъ остановить штатскаго въ Павловскѣ за то что онъ открывалъ свое окно въ вагонѣ, а очутилось что фракъ также Его Превосходительство.

Меня наконецъ зовутъ въ посольство; прихожу въ канцелярію, просятъ къ Барону Будбергу, и по пышной лѣстницѣ я взбираюсь, на стѣнѣ нарисованъ дворецъ вдовствующей Императрицы въ Крыму, комнаты Царскія, но пусты. Жду, жду, нѣтъ ни кого, всѣ чердаки, въ которыхъ я писалъ мнѣ пришли на память и зависть заговорила въ моемъ сердцѣ. Я сошелъ, а оказалось что баронъ меня ждалъ внизу и не дождавшись принялъ Князя Вяземскаго. Богъ Цензуры Русской Богъ — посѣдѣлъ но меня не узналъ.

Я извинился передъ барономъ, что не во фракѣ, потому что не ожидалъ чести быть позвану къ нему.

— Вы, сказалъ онъ мнѣ, просили паспортъ на прожительство за границей. Я препроводилъ вашу просьбу въ Петербургъ и пришелъ отвѣтъ, что прежде нежели просить новую милость, надо воспользоваться тою которую получили.

— Помилуйте, я не откупщикъ, что мнѣ можно разъѣзжать, да и какая милость — паспорты.

— Ну это какъ вамъ будетъ угодно, можно взять назадъ.

— Да уже брали разъ назадъ.

— Что?

— Права мои. Я не знаю въ чемъ состоятъ они: право не думать, не говорить, не писать, не печатать; было право путешествовать, но и того не даютъ.

— Я вамъ не могу позволить говорить такъ объ Россіи.

— Вотъ и Будбергъ сталъ лучшимъ Русскимъ нежели Головинъ.

— Такъ раскажите же мнѣ какъ было дѣло, я ничего не знаю.

Я разсказалъ за что я выѣхалъ изъ Россіи, за что меня приговорили къ каторжной работѣ, какъ мнѣ въ день коронаціи отдали права съ условіемъ, чтобъ я былъ писаремъ и ѣхалъ утирать сѣдинами чернильницы губернской канцеляріи.

— Да этобъ не продлилось.

— Французъ одинъ говоритъ: я бы попросилъ у Царя, чтобъ онъ мнѣ далъ нѣсколько ударовъ кнутомъ, чтобъ я полюбилъ Самодержавіе. Я не писарь, я писатель.

— У насъ найдутся другіе.

— Найдется Баронъ Корфъ.

— Да зачѣмъ вы подняли зайца?

— Видно что былъ не заяцъ, а кошка.

— Я послалъ ваше письмо Кн. Долгорукому, вѣдь вы вѣрно поѣхали бы позже.

— Разумѣется, да вѣдь я не Алупку ка

кую нибудь просилъ, паспортъ дается и прикащику и лакею.

— Да это не за то что онъ стоитъ.

— Тѣмъ болѣе, что мнѣ же пришлось бы за него платить. Меттернихамъ такъ тѣмъ вы даете по шестидесяти тысячъ въ годъ, а намъ и паспорта не даете.

— Вѣдь вы несчитали.

— Я видѣлъ бумаги у Гизо, въ Февральскую революцію.

— Объясненіе это явно потрясло барона Будберга. Какъ-то я ему далъ понять, что изгнаніе не шутка, у него навернулись слезы на глазахъ и онъ зарыдалъ. Передъ нами висѣлъ портретъ покойника Константина Бенкендорфа и указавъ на него, я сказалъ:

— Вотъ единственный человѣкъ, который смѣлъ меня обнять, когда я уже былъ въ изгнаніи, а другіе обращались какъ съ каторжнымъ.

— Я этого не дѣлаю, вы мнѣ вселяете сожалѣніе (compassion).

— Это послѣднее чувство, которое я желаю вселить комулибо.

Возвратясь домой я написалъ Барону Будбергу, что паспортъ не милость, а право; но что мнѣ еще не былъ сообщенъ указъ возвращающій мои права. Я полагаю, что я знаю

мои обстоятельства лучше главнаго начальника III^го отдѣленія и принужденъ вторично взойти съ тоюже просьбою. Такъ какъ его Императорское Величество олицетворенная доброта, то я не могу повѣрить, чтобъ онъ отказалъ мнѣ въ такой малости.

За столомъ, въ тотъ же день, я слышалъ даму изъ Риги, которая сказала: — У насъ такой Императоръ, какого желать нельзя лучше. Мнѣ было пріятно и за Россію и за Государя.

Баронъ Будбергъ ѣздилъ въ Варшаву на маневры, которые не обошлись бы безъ него. По возвращеніи его въ Берлинъ я понесъ къ нему мой паспортъ, но онъ велѣлъ сказать что ѣдетъ обѣдать къ Гр. Мантейфелю. Въ слѣдствіе чего я вручилъ паспортъ лакею съ слѣдующимъ письмомъ:

Monsieur le Baron!

J'ai l'honneur de vous remettre mon passe port. On ne sait seulement pas si c'est celui d'un laquais ou d'un colporteur, et je vous prie de le remplacer par un autre qui ne soit pas sujet à de fausses interprétations de la volonté de notre monarque.

Je vous prie, etc.

На другой день онъ воротилъ мнѣ паспортъ въ третьемъ лицѣ, т. е. велѣлъ написать, что

Императорская Миссія полагаетъ, что мой паспортъ довольно хорошъ на возвращеніе въ Россію.

Когда у насъ аклиматизируютъ породу долгоухихъ, тогда ихъ вѣрно будетъ меньше въ правительствѣ. Лакей ждетъ расписку, я принялся ее писать; лакей присылаетъ сказать, что онъ ждетъ, какъ будто легко написать расписку въ такомъ вздорѣ; лакей еще разъ высылаетъ служанку сказать, что онъ ждетъ, какъ будто лакей Лифляндскаго барона не для того сдѣланъ, чтобъ ждать. Я ему самъ вынесъ слѣдующую записку:

„Г. Головинъ не думаетъ, что амнистія безо всякихъ ограниченій все равно, что возвращеніе безо всякихъ условій. О онъ будетъ ожидать рѣшенія Г. Толстаго, который былъ одинъ такъ добръ, чтобы негосировать это дѣло.“

5го Октября 1858го г.

И вотъ опять сонъ. Мнѣ снится, что мужики приведенные въ, неистовство обращеніями съ ними брата моего Николая, захватили его купающагося въ рѣкѣ и потащили въ полонъ.

И вдругъ встрѣчается мнѣ знакомый, который говоритъ: — Какъ ты не въ траурѣ?

— По комъ? — По матушкѣ. У меня подкосились ноги. — Неужели ты ничего не зналъ. нѣтъ. О мать, сыра земля!

Вотъ и братъ мой проѣздомъ въ Штетинъ зашелъ ко мнѣ въ Берлинѣ.

Ему говорили, что давно пора меня бросить, а мнѣ сказывали, что мы оба на своей линіи честные люди.

Онъ поетъ:

Frère cher, Dieu m'éclaire
Près de ton frère viens mourir,
Et pardonnes, s'il te donne
La couronne du martyr.

А я:

Amour sacré de la patrie
Rends moi l'audace et la fierté.
Oh mon pays, je te dois la vie,
Tu me devras la liberté.

Отъ Ивана Матвѣевича Толстаго сообщеніе: какъ я не понимаю, что мнѣ надо сдѣлать актъ покорства? Какъ будто я у же недовольно унижался.

Нашлась же и въ Берлинѣ другая Тереза Маручи, это Фрау Краузе. Стоялъ я у ней три мѣсяца, христарадничествамъ не было конца; то шляпу, то жилетъ для сына, то платокъ для дочери выпроситъ и жалко было мнѣ съѣзжать, но замѣтивъ, что она фальшива, я уже нѣсколько разъ просилъ ее отдать квартиру въ наймы. Но когда захотѣлъ съѣхать, она

не выпустила вещей, пока я ей не заплатилъ за мѣсяцъ впередъ. Этого мало, въ отмщеніе показала она въ полицію будто я велѣлъ снять портретъ короля, и нашелся кварташка, Германъ, который велѣлъ меня арестовать, т. е. протаскалъ меня цѣлый день въ полиціи и заставилъ сидѣть съ бродягами, съ нищими да съ ворами. Да этого и въ Россіи не сдѣлаютъ! О люди!

Велѣно выѣхать въ три дни, но Американскій посолъ заступился, потому что Будбергъ отказался что либо сдѣлать. Ай да дипломатъ! Въ Римѣ былъ законъ, что кто на судно пойдетъ имѣя въ карманахъ монету съ изображеніемъ лика императорскаго, того казнить за обиду величества. Въ то время Тацитъ написалъ Германію въ укоръ Риму. Будемъ надѣяться, что Пруссія съ Регентомъ оправдаетъ похвалы Тацита.

Конецъ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пеца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.